

НИКОЛАЙ ЧЕЧУЛИН ТАКОВА ЖИЗНЬ и Стихи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Лаврентьевич Чечулин

Такова жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72225907

SelfPub; 2025

Аннотация

Роман «Такова жизнь» Николая Чечулина в пяти частях сочетает в себе и приключенческий роман, и любовный, и шпионский.

Герой романа Николай Жуков не сверхчеловек. Он просто сильный духом.

Во всех частях романа Жуков остаётся оригинальным философом, а также тончайшим поэтом.

Первая из пяти частей романа «Анна» повествует о невероятной, просто фантастической встрече двух любящих людей.

Во второй части романа «Агент западных спецслужб», где развивается «шпионский» сюжет.

Третья часть «На родине танго» полна удивительных и опасных приключений Жукова. Он чудом умудряется уцелеть во время нескольких покушений на него.

В четвёртой части Жуков, несмотря на все преграды и опасности, развивает свой бизнес. При этом ему приходится бороться уже с настоящими бандами. За это судьба вознаграждает

его высоким взаимным чувством с прекрасной девушкой, с которой он создаёт семью.

Константин Фёдорович Ковалёв,
член Союза писателей России,
московское отделение, секция прозы.

15 мая 2024 г.

Содержание

Об авторе, его романе и стихах	6
Часть первая. Анна	13
Часть вторая. Агент западных спецслужб	33
Глава 1. Вербовка между делом	33
Глава 2. Рыбы-контролёры, любознательные таксист и проститутки	43
Глава 3. Вербовка шефом в сутенёры и спекулянты	51
Глава 4. Баня с девочками или Баратынский с Барятинским?	60
Глава 5. «Дружба по интересам», или Правда аксакала?	67
Глава 6. Спуск с облаков на землю	73
Глава 7. Одиннадцатилетний «мужик» – старший в доме	77
Глава 8. Предошущение разрушения Берлинской стены и своей семьи	98
Глава 9. «Лишнее вырежут»	113
Глава 10. Гостиничный номер Гитлера и обелиск советским солдатам	120
Глава 11. Непредвиденное купание в рыбоводческом озерке и нокаут от кубинца	125
Глава 12. Чары карих глаз и	133

«капиталистический социализм»	
Глава 13. Гора, соединяющая три страны, и возрождающийся Дрезден	142
Глава 14. Промышленный шпион по собственной инициативе	150
Глава 15. Честный куратор из Москвы против жулика из среднего номенклатурного звена	159
Глава 16. Пришла беда – открывай ворота...	169
Глава 17. Разрыв с советским партайгеноссе	179
Глава 18. Какая экономическая система лучше? Обе хуже	187
Глава 19. Заседание светской инквизиции	194
Глава 20. Первые приключения на родной земле	207
Глава 21. Оправдан на самом верху	214
Конец ознакомительного фрагмента.	220

Николай Чечулин

Такова жизнь

*Благодарность: Байбородовой Светлане
Юрьевне и Ковалёву Константину Фёдоровичу, за
оказание помощи в подготовке романа и стихов к
изданию.*

Об авторе, его романе и стихах

Роман «Такова жизнь» Николая Чечулина – уникальное по форме и по содержанию литературное явление. Это какой-то новый жанр, сочетающий в себе и приключенческий роман, и любовный, и шпионский, и философско-политический. И, если так можно выразиться, летописный. То есть это не автобиография автора под псевдонимом, а биография конца XX века и начала XXI века, их летопись, где автор не просто прототип главного героя, а летописец.

Этот жанр не создан по прихоти автора, а возник из самой жизни героя, прототипом которого является сам автор. Его судьба и образ мысли столь необычны, что не нужно было ничего придумывать. Судьба автора счастливым образом сложилась так, что она полностью, без прикрас, выдумки и фантазии ложится в рамки серьёзного романа. Единственное, что в нём изменено, это имена и фамилии персонажей,

а также названия фирм и некоторых организаций.

Герой романа Николай Жуков не сверхчеловек, который побеждает всё, что ему противостоит, как в голливудских фильмах. Он просто сильный духом человек, который иным быть не может ни при угрозах его жизни, ни перед соблазнами получения богатства и высокого положения за счёт отказа от принципа жить по правде. Этому, а также предприимчивости и самостоятельности его научило чрезвычайно тяжёлое, почти сиротское деревенское детство в Сибири, когда можно было либо погибнуть, либо, упорно трудясь, выжить, кормя своих младших братьев и сестёр, а затем стать образованным и успешным молодым человеком. Некоторые, впадая в бедность, выживают за счёт изворотливости, неотделимой от лживости, а Жуков выживает благодаря честному отношению к людям и к делу. Для этого ему постоянно приходится сопротивляться злу.

Как искренний человек он инстинктивно стоит на стороне добра, не скрывая своей позиции, от чего подвергается ударам зла. А само зло одевается в одежды порядочных людей и безжалостно расправляется с людьми, если они мешают своей сути. Тютчев гениально выразился: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» Герой романа посетил его именно в такие «минуты», длиной в... годы. В роковые годы. Повествуя от первого лица, он описывает не только свою биографию, но и биографию нашей страны. Причём на изломе её истории, при смене веков, а на деле – эпох. Ру-

шится СССР, тоталитарный по своей сути и не поддающийся поэтому какой-либо «демократической перестройке», а на его развалинах вырастают сорняки пока ещё откровенно бандитского капитализма девяностых.

Николай – одновременно и современный Дон-Кихот, и д'Артаньян из романа Дюма. Но герой Дюма, такой честный, отважный и щедрый, только у него в романе, во многом он плод его фантазии (реальный д'Артаньян был человеком, считавшим каждую копейчку), а Жуков таков, как и его прототип. Автору не было нужды фантазировать, чтобы изобразить своего героя таким, чтобы он мог завоевать симпатии читателей.

Во всех частях романа Жуков остаётся оригинальным философом, политологом, знатоком промышленных проблем, изложенных необыкновенно доходчиво и увлекательно, а также тончайшим поэтом, у которого то и дело рождаются настоящие стихотворения в прозе о любви, о бытии, о Боге и о родной России, где главное место занимает дорогая его сердцу Сибирь. Много диалектных слов, употребляющихся в Сибири, создают неповторимый колорит местной жизни. А местами в своём романе автор прямо и весьма органично переходит на стихи, которые он присваивает Жукову.

Первая из пяти частей романа «Анна» повествует о невероятной, просто фантастической встрече двух любящих людей в условиях оккупации Польши гитлеровцами. Жуков узнаёт об этой встрече из первых уст. У этой истории

есть ещё более фантастическое продолжение, произошедшее спустя десять лет, во время приключений героя в Аргентине.

Во второй части романа «Агент западных спецслужб» герою приходится работать по вопросам поставки и сервиса оборудования в длительной командировке в ГДР, посещая по делам фирмы Восточной и Западной Германии, где и развивается «шпионский» сюжет.

И там ему приходится столкнуться не с какой-либо местной мафией (таковой в ГДР не было), а с советской транснациональной, занимавшейся всеми видами коррупции, хищения и разврата. Начальник, ценивший профессионализм Жукова, пытается втянуть его в коррупционные и развратные связи в качестве своего сутенёра. Это не просто «плохой начальник», это – символ советской бюрократии.

Очень ярко изображена обывденная для советской жизни сцена инквизиторского «производственного» собрания с шельмованием Жукова всем коллективом – это типичное демонизирование любого человека, не похожего на других и не желающего раболепствовать перед начальством.

Третья часть «На родине танго» полна удивительных и опасных приключений Жукова (включая встречу с НЛО) и одновременно глубокого анализа сути общества во внешне самой благополучной стране Латинской Америки, Аргентине, где живут приветливые люди, говорящие на самом лёгком европейском языке – испанском, как белые, так и индейцы, стране с красивыми пляжами и женщинами, чудной

природой, где, однако, как выясняется, процветает жестокая мафия, и встреча – нос к носу – Николая с хозяином сельвы – ягуаром оказывается во много раз безопасней столкновения Жукова с местным мстительным мафиозо. При этом большинство сотрудников советского торгового представительства – в условиях влияния перестройки – не помогает Жукову: кто из равнодушия, а кто по причине коррупционных связей с мафией. Он чудом умудряется уцелеть во время нескольких покушений на него.

После прочтения очередной части романа невольно хочется узнать, что же будет в следующей, как в сказках Шахерезады! Но если в этих, всем известных сказках после прочтения очередной из них чувствуется приближение счастливого конца, то в книге Чечулина, как в русской сказке, чем дальше – тем страшней и тем интересней.

В четвёртой части «Возвращение на Родину» мы попадаем вместе с героем в новую, ельцинскую Россию, в которой при переходе на рыночные рельсы рушится прежняя экономика и бандиты крышуют всё от начала до конца. Жуков, несмотря на все преграды и опасности, начинает, налаживает и развивает свой честный производственный бизнес, в котором он, как может, создаёт благоприятные условия для работников. И при этом ему приходится бороться уже с настоящими бандами с помощью смекалки и смелости.

Врагам Жукова кажется, что они победили его, а на самом деле их побеждает он, вооружённый одной правдой. И за

это судьба вознаграждает его высоким взаимным чувством с прекрасной девушкой, с которой он создаёт счастливую семью.

Эта чудесная любовная история рассказана в последней, пятой части романа «Явление любви». Именно явление, потому что так являться может только Божество или чудо, сотворенное им. Эта часть венчает роман как свет беспредельного счастья, к которому влюблённые приходят, преодолев немало препятствий. Это любовь умудрённого необыкновенной, трудной и достойной жизнью мужчины и совсем юной прекрасной девушки, полюбившей его за то, что он такой, какой есть. Не может быть сомнений, что эту часть неотрывно будут читать как юноши и девушки, так и люди зрелые, в чьих душах оживёт любовь их юных дней. Это не имеет цены в наше время, когда столь распространена любовь к деньгам и земным благам в сочетании с цинизмом отношений между людьми. Верится, что от знакомства с этой историей вдруг вновь ярко вспыхнут в душах читателей вечные «и жизнь, и слёзы, и любовь».

Таким же необыкновенно образным, ненарочитым, человеческим языком, как в романе, Николай Чечулин, высокоталантливый и оригинальный поэт, развивает тему «жизни, слёз и любви» в своих стихах, которые являются как бы романтическим продолжением его прозы и столь же увлекают читателя. Говоря о жизни, мы имеем в виду изображение им её в духе традиций реализма и романтики, то есть и та-

кой, какая она есть, и такой, какой мы стремимся её создать, исходя из лучших движений души. Даже некоторые его печальные стихи полны оптимизма и веры в торжество правды, добра и любви.

*Константин Фёдорович Ковалёв,
член Союза писателей России,
московское отделение, секция прозы.
15 мая 2024 г.*

Часть первая. Анна

Когда в чужой стране переезжаешь из города в город, испытываешь странные чувства: никто тебя не провожает, нет беспокойства по поводу расставания с кем-то или с чем-то дорогим. На другом конце пути следования тебя тоже никто не ждёт, а потому нет ощущения радости предстоящей встречи. И кажется, что перемещаешься из пустоты в пустоту. Как бы потеряно нечто наиболее важное, без чего жизнь представляется неполноценной и определяется одним словом «чужбина».

Первые месяцы 1980 года я, будучи инженером по текстильному оборудованию, находился в столице Польши, Варшаве, по вопросам поставок ткацких станков и организации сервисного обслуживания. Тогда это были обычные дела, установившиеся в странах Совета Экономической Взаимопомощи. 14 апреля впервые наступила тёплая, солнечная погода. В тот день я должен был ехать в город Лодзь. На станции города Жирардов, что в пригороде Варшавы, где я жил последнюю неделю, я сел в поезд.

Перед самым отправлением в вагон вошла пожилая женщина. Поздоровавшись, сказав, что чуть не опоздала, спросила, свободны ли места, и села напротив. У неё было достаточно много мелких вещей, которые она всё ещё держала в руках. Она долго не двигалась, сидела, закрыв свои боль-

шие серо-голубоватые глаза, будто её покинули последние силы. Можно было подумать, что она не жива, если бы на её строгом лице не было усталой, едва заметной улыбки удовлетворения. Женщина была высокая, красивая, несмотря на возраст, с тонкими чертами лица. Бледность её ещё больше подчеркивал шелковый весенний красно-зелёный шарфик. Её вид был такой, будто она только что сошла с одного из многочисленных здесь монументов славы погибшим воинам. От неё веяло подлинными трагическими переживаниями бессмысленных и нелепых, жестоких событий, которые довелось перенести поколению двадцатого века, ставшему свидетелем массового истребления в большинстве своём неповинных людей.

Я не хотел беспокоить попутчицу своим присутствием и смотрел в окно, где медленно менялась привокзальная картина и махали руками на перроне редкие провожающие отъезжающим. Женщина первой и совершенно бодро обратилась ко мне. Она спросила, впервые ли я здесь, и отметила, что я говорю с акцентом. Узнав, что я русский, она оживилась, поинтересовалась, по каким делам я в Польше, и перешла на русский, иногда вставляя польские слова. Она очень удивилась моей текстильной профессии и тому, что семья Омара Хайяма более тысячи лет назад тоже занималась ткачеством. В ответ она рассказала, что её отец в своё время имел в России небольшую ткацкую фабрику. Ткали разные красивые гобелены, скатерти, покрывала. Иногда на заказ

делали портреты с помощью жаккардовых машин. Она часто бывала в цехе, где работала ткачихой, или занималась проборкой основных нитей в ремизные рамы и в бердо ткацких станков. Отец требовал, чтобы дети до подробностей знали всё производство.

Ещё рассказала, что недавно здесь, в Жирардове, она была на текстильном комбинате и смотрела на новые ткацкие станки. Узнав, что станки именно нашего производства, была в восторге.

Поговорив ещё о запоздалой весне, она добавила, что, идя в вагон, словно знала, что непременно должна будет совершенно незнакомому человеку рассказать о своей жизни. В пожилом возрасте люди иногда могут подолгу разговаривать о чем-то для себя важном, если вдруг встретят благодарного слушателя. А расставаясь, с сожалением сетуют на то, что судьба их больше не сведёт. Повествованием о своих переживаниях рассказчик как бы невидимыми нитями связывает себя с этим случайным собеседником, оставаясь надолго в памяти его.

— До революции в России вся наша семья жила в Тверской губернии. Отец был поляк с немецкими корнями, и звали его Зигфрид. Мама была русская, образованная и интеллигентная, но, тем не менее, была волевой и руководила семьёй. Звали маму Елена, а папа звал её Еля. Отец был из бедной польской семьи, но благодаря своему трудолюбию и упорству из мелкого служащего стал довольно удачливым про-

мышленником, и мы жили безбедно. Тогда я говорила по-русски так же хорошо, как и по-польски сейчас. И думала, что я буду всегда россиянкой и жизнь моя никогда не изменится, будет такой же, как у всех наших предков, как у мамы, тети, в этой бескрайней, белолицой стране. Но шестьдесят лет я уже не в России, и жизнь в Польше испортила мою родную речь, а кто я теперь – и сама не знаю.

Тогда, в конце семнадцатого года, отец сказал, что надо всё бросать и уезжать из России. В семье поселился страх, и мы не понимали, что с нами будет. Всё что можно было продать, мы продали, станки были никому не нужны. Отца и раньше беспокоили власти. Как только совершилась революция – может, из-за его происхождения или ещё по какой причине, я не знаю, – его начали преследовать и комиссары. Он очень расстраивался, и уехал во Львов под Рождество, предполагая устроить там дела и вызвать всех нас. Я, честно сказать, тогда не совсем понимала, почему происходит эта революция, и нам не хотелось менять нашу налаженную жизнь. Мы боялись людей с оружием на улицах, которые вряд ли могли сделать что-то хорошее.

Между тем от отца не было вестей. Только в конце марта следующего года мы получили от него письмо. Он писал, что у него все хорошо и что он приехать не сможет и нам надо самим выезжать во Львов. В конце мая, уже по высохшим дорогам, из Твери мы отправились в Москву. В Москве мы с трудом купили билеты на запад и сели в поезд, набитый

людьми и багажом. Выехали не по расписанию, а с большой задержкой, к тому же поезд часто останавливался на станциях и подолгу стоял. Уезжая из России, я испытывала противоречивые чувства. Мне было жаль расставаться с родными местами моего детства. Ещё больше я не хотела оставлять здесь мою любовь, Фёдора Молина, от которого ждала письма. Нас сопровождали разные неудобства, и всё больше нарастала тревога из-за того, о чём говорили люди: прежняя жизнь уже больше не вернётся. С другой стороны, мне очень хотелось увидеть родные места моего отца, о которых он много рассказывал.

Наконец мы прибыли во Львов, и нас встретил отец. Он был сильно похудевший, и в глазах его не было радости. Жить мы стали на бедной окраине города, на немощёных улицах, и постепенно становилось понятно, что того сытного, беззаботного, дорогого российского неба больше не будет. У отца постоянного дела не было, он часто уезжал на несколько дней, приезжал расстроенным и говорил много о политике. Наша жизнь ещё больше изменилась в конце 1920 года, когда отец неожиданно умер от сердечного приступа. Мне был двадцать один год. Сразу вся наша семья распалась. Старший брат со своей женой и двумя детьми решил уехать в Краков, где он собирался воспользоваться связями отца, чтобы попытаться возродить его текстильное дело. Мама осталась в стареньком доме с моей младшей сестрой.

Я постоянно писала письма моему любимому Феде и от-

правляла в Тверь на адрес моей тёти. Ответа не было. Я плакала, переживала и никак не могла забыть Федю. Но жизнь шла, и за мной ухаживали молодые люди. Когда мне исполнилось двадцать два года, я вышла замуж за хорошего человека, служащего банка, и мы жили отдельно от моих родных, в доме его умершей бабушки. Мой муж был добрый, спокойный и в политику не вмешивался, но мы часто обсуждали военные действия польской армии, которая тогда отвоёвывала свои территории и у немцев, и у украинцев Советской республики. Ведь польского государства не было на карте Европы больше ста лет. Оно было в своё время разделено между Россией, Пруссией и Австро-Венгрией. И только в 1918 году благодаря Пилсудскому Польша стала возрождаться, и во всём обществе был взрыв патриотизма. В 23-м и в 24-м годах у нас родились два сына-погодка. Как только дети немного подросли, я стала учительствовать. Мне помогало хорошее образование, полученное в России, которому мои родители уделяли много внимания и тратили на него немало средств.

Жизнь моей семьи не была бедной, муж регулярно получал жалованье. Но поскольку подрастали дети, постоянно была забота, во что их одеть, особенно по праздникам, и было тяжело с продуктами. Но молодость помогала переживать эти трудности. Надо сказать, в молодости я была интересной внешности и хорошей собеседницей. Много читала Пушкина и Мицкевича и других писателей. Кое-что писала сама – больше о российской жизни, – но до издания рассказов и

стихов дело не доходило. Казалось, жизнь моя была налажена и надо только радоваться, но в душе я постоянно думала о своём возлюбленном, оставшемся в России.

Раньше в Твери он жил недалеко от нас, а потом служил в Москве – он был офицер. А познакомились мы на пожаре, который случился у нас – горели баня и двор. Он случайно оказался возле нашего дома, а когда увидел пожар, тушил его и сильно пострадал. Увидев ожоги, я стала оказывать ему помощь, обрабатывая и забинтовывая раны. И с первой секунды поняла, что это мой мужчина и моя любовь. Когда я закончила с бинтами, я не смогла сдержать свои эмоции и поцеловала его в губы. Я гладила его по задымленным щекам и волосам и долго смотрела в его в зелёно-голубые глаза. Вскоре он уехал, но мы часто переписывались, изредка встречаясь. Последняя наша встреча была решающей в наших отношениях. Мы неделю жили в снятой квартире. Нам казалось, что другого мира не существует и солнце светит только нам двоим. Я его очень любила и была уверена: это моя судьба на всю жизнь. Сегодня я могу сказать, что всё так и было, но только вместе быть тогда, в России, нам было не суждено. Так распорядилась судьба. Только много лет позже, в августе – сентябре 1944 года, когда война уже шла к концу, мы виделись с Фёдором ежедневно и ежечасно, но на расстоянии. Нас разделял лагерный забор.

А тогда, когда мы с ним простились в России в последний раз и он уехал в свою часть, я долго о нём ничего не знала.

Но однажды от него было одно письмо. Он писал, что находится на фронте в русской армии, воюет против немцев, был ранен. Потом, после госпиталя и подписания Брестского мира, он воевал на стороне красных. Обещал скоро вернуться и в письме просил моей руки. Я тогда не думала о том, что он воюет на стороне тех, кто разорил нашу семью. Я была молода и так глубоко не думала. Я жила чувствами к нему и надеждой быть рядом только с ним. Тогда я даже отказывалась уезжать с мамой во Львов. Моя мама и её сестра уговаривали меня, но я категорически отказывалась. Я надеялась, что Фёдор вот-вот приедет за мной. И только тогда, когда люди в форме с оружием пришли к нам, дом перегородили пополам, сделали второй вход, заселили туда человек пятнадцать военных, я поняла, что одной оставаться дома нельзя. Я написала Фёдору письмо, что меня могут увезти в Польшу, и просила его скорее приехать и забрать меня. К сожалению, от Федора на моё письмо ответа не было.

Уехав во Львов, я часто писала ему письма, высылая их на адрес тёти, но я не знала, что она тогда уже уехала в уездный городок к своей единственной дочери. О переезде тёти я узнала год спустя, когда она написала письмо моей маме. Конечно, для меня это было большим горем. Фёдор был моей первой любовью, и мысли мои всегда были только о нём. Эти мои переживания не отпускали меня, но вернуться в Россию я не могла – там шла Гражданская война. На предложение нового жениха выйти замуж я дала согласие. Муж знал о Фё-

доре, и он был уверен, что судьба нас разлучила навсегда. Живя во Львове, я ощущала доброе внимание мужа, он меня любил, всё понимал и был терпелив. Дети были некапризными, что немаловажно для спокойствия семейной жизни. По вечерам у нас часто собирались друзья нашего круга, были и русские. Забегая вперёд, скажу, что два наших старших сына выросли хорошими ребятами, мечтали побывать в России, но были польскими патриотами. Когда они уже стали взрослыми, они погибли в оккупированной Варшаве в сорок четвёртом году, во время восстания против фашистов.

Она замолчала. Сидела, не опуская головы, смотрела задумчиво в одну точку, словно находилась в том ужасном времени истории своей семьи и страны, где ей, русско-польской женщине, пришлось пережить страшную трагедию.

– Это было ужасно... Фашизм – это ужасно. Даже звери не уничтожают себе подобных. Весь мир пострадал. Да, но я забегала вперёд. У нас были ещё две дочки. Тогда все дети подрастали и не знали, что ждут их впереди ужасные испытания. В конце тридцатых годов политика проникла во все семьи. В Германии рос национализм, и немцы постоянно напоминали Польше о территориях, которые Польша возвратила себе в двадцатых годах. В 1935 году по настоянию мужа мы переехали жить в Жирардов, что в пригороде Варшавы. Там было спокойнее. А через год умерла моя мама, которая часто мечтала вернуться в родную Тверь. Младшая моя сестра вышла замуж за служащего английского посольства,

и они уехали жить в Англию. В августе 1940 года я получила известие, что сестра погибла в одном из южных английских городов во время бомбежки фашистскими самолётами. Сестра у меня была очень красивая. В августе 1939 года мой муж часто бывал в Варшаве, а когда возвращался, рассказывал тревожные вести о том, что Польша из-за политики европейских стран оказалась один на один с гитлеровской Германией. Несчастье случилось 1 сентября 1939 года. Немцы напали на Польшу. К тому времени они уже захватили часть Европы. Польские войска не могли противостоять германцам. Очень много поляков погибло.

Женщина тяжело вздохнула, было видно, что весь её рассказ – это сплошное чередование трагических событий.

Посмотрев на меня как-то тепло, она продолжила тише и медленнее, словно нехотя:

– Не буду рассказывать, что они здесь творили. Ведь потом они и у вас в Советском Союзе делали то же самое. Фашизм добрым не бывает...

Я про себя отметил, что она сказала «у вас», и это означало, что она, полурусская по крови, но по воспитанию россиянка, за двадцать лет жизни в Польше полностью утратила связь с Россией и чувствует себя полькой.

– Моего мужа арестовали в июне 1940 года. Через месяц я получила письмо из Освенцима, в котором он писал, что здоров и у него всё хорошо. И только позже я узнала, что другого содержания писем оттуда цензура не пропускала. А

через четыре месяца я получила извещение, что мой муж умер. Трудно передать, что я пережила тогда. Муж был прекрасный человек, ничем не болел. После войны я была в Освенциме: ряды бараков, десятки газовых камер и всё остальное, сделанное руками человека для того, чтобы другой человек живым оттуда не вышел...

Тот, кому доведётся читать эти строки, не почувствует того, что чувствовал я, слушая рассказ и видя лицо этой женщины. Она молчала, слегка опустив голову, но так, что я видел её глаза. Казалось, они ничего не выражали, но только по её последним словам и дрогнувшему голосу я понимал, как глубоко она переживает то далёкое горе, которое и по сей день хранит её память. Я подумал о том, что рассказать о прошлом – это значит пропустить через себя это прошлое вновь. Доброе вспоминается по-доброму, а плохое – как у этой женщины. Она долго молчала, и я уже подумал, что она закончила и говорить больше о том времени не будет. Я не решался спросить что-нибудь, боясь снова заставить волноваться её уставшее от горя и прожитых лет сердце. Столь длинный и волнующий душу рассказ, естественно, утомил её, но ехать нам было ещё далеко, и я спросил:

– Где вы теперь живёте и с кем?

Она не ответила мне на мой вопрос и продолжила рассказывать:

– Я ведь сперва не хотела так много рассказывать о себе. Я только хотела поведать историю, связанную с вашими

солдатами, и как эта история вновь свела меня с Фёдором и возродила мою первую любовь к нему. А вот разговорилась. Мне теперь легче.

Мужа моего, погибшего в Освенциме, я больше не увидела, хотя я обращалась в местную комендатуру, чтобы разрешили забрать его тело и похоронить. До конца войны было ещё далеко, и я переселилась к одной знакомой учительнице, с которой я вместе работала во Львове, в тихую деревеньку, как мне тогда казалось, в районе Кракова. Там я жила, пока шла война. После стало понятно, что во всей Польше нет тихого уголка, где можно было бы спокойно жить, не видя и не слыша, как фашисты сеют смерть. Пока шла война, казалось, что целый век прошёл.

Немцы всё отступали, и фронт всё приближался к нам. В трёх километрах от нашей деревни проходила железная дорога, и там была маленькая станция, где подневольные поляки под надзором немцев разгружали лес. Этот лес на машинах возили в нашу деревню в лагерь, где была пилорама на закрытой территории. Лагерь был всего в нескольких десятках метров от дома, где я жила. В барачных помещениях поляки, которых сгоняли на работу из окрестных деревень, делали ящики, которые потом на машинах вывозили. Вся округа знала о том, что если лесопилка сгорит, то немцы расстреляют всех работавших там жителей вместе с пленными, как это было в соседнем районе.

Однажды, наблюдая из окна второго этажа своего дома,

стоявшего немного выше лагеря, я увидела, что там работают в гимнастерках пленные русские. Они работали вместе и таскали тяжелые доски от пилорамы к дверям барака. Их было пятеро. Я слышала редкие обрывки их фраз. Трое были совсем молодые, четвёртому было лет тридцать пять, а пятый был пожилой мужчина. Он был высок, худощав, абсолютно седой и заросший щетиной. Было хорошо заметно, что молодые оберегали его во время работы. Я часами смотрела на них, меня словно что-то притягивало. В какой-то момент меня охватило волнение. Я совершенно не могла спать. Мне было страшно от беспокойства, и я вся трепетала. Женская интуиция наводила меня на невероятную мысль, что это может быть Фёдор, мой Фёдор. И я твёрдо решила им чем-то помогать. Сейчас Фёдору должно быть сорок девять лет, он был старше меня на пять лет. Я хотела бы ошибиться. Но подозрение моё переросло в убеждённость, которая всё усиливалась.

Однажды я видела, как за штабелем досок у забора молодой солдат поправлял повязку на плече тому, кто мне показался Фёдором. Я рассказала всё о моих мыслях подруге Эльзе. Мы нашли немного бинтов, какой-то раствор для обработки раны и вечером, просунув через щель забора, положили там, где русские всякий раз проходили, идя в свой барак. Передали и коротенькую записку «Что надо?». Должна сказать, что весь этот маленький концлагерь не очень строго охранялся, может быть, потому, что почти все работаю-

щие были местные, гражданские поляки. У будки у ворот, которая находилась с другой стороны лагеря, всегда были два немецких охранника, которые проверяли документы, когда проезжали машины. Вечером этих русских запирали в жилой барак на замок, а днём бежать было невозможно. Кругом до самой станции всё просматривалось.

В следующий вечер я нашла за забором грязные бинты, прикрытые щепками, и поняла, что надо постирать. Бинтов было немало, они были сплошь в крови. Так прошло наше первое заочное общение. На следующий день мы решили передать чего-нибудь съестного. А наутро я нашла записку, в которой сказано, что продуктами помогают работающие местные поляки. Нас просили приготовить пять комплектов гражданской одежды и расписание поездов, проходящих на восток. А на востоке немцы отступали и были уже близко. Иногда над нашей деревней летали самолёты, которых раньше не было. Моя подруга Эльза, знавшая всех людей в округе, приготовила всё, что просили русские, и передала мне. Вскоре бинты перестали выкладывать для стирки.

Седьмого сентября, это был сорок четвертый год, я решила поздравить Фёдора с днём рождения. Я подолгу стояла у открытого окна и смотрела, как работают русские, я не сводила с него глаз. Чувства, словно два разорванных электрических провода от прошлого и настоящего, вновь соединились и заискрились с прежней силой. И у меня уже не было сомнения – это был Фёдор. Я написала в записке: «В твой

сорокадевятилетний день рождения, Фёдор, я даю согласие стать твоей женой, если твоё сердце свободно. Я тебя помнила и любила всю жизнь». Вечером я прочла записку с просьбой передать больше бумаги и карандаш. Следующее письмо Фёдора было довольно большим:

«Анна, наконец я тебя нашел! Моё сердце свободно, только не свободен я. Но я вижу тебя каждый день, и я счастлив. Я почти сразу узнал твой дорогой силуэт в открытом окне. Ты помогла мне восстановиться. Это самые светлые дни в моей жестокой жизни. Тогда, в восемнадцатом году, я был ранен на Юго-Западном фронте. Затем из госпиталя попал уже на фронт в составе Красной армии. До конца Гражданской войны я воевал на разных фронтах. Закончил её у китайской границы, преследуя семёновские отряды. Потом долгая служба на Дальнем Востоке. В тридцать третьем году я женился, но жена и дочь погибли в поезде в сорок втором под Москвой. В тридцать шестом, после ареста Тухачевского, арестовали и меня по сфабрикованному делу. Прошел лагеря до августа сорок второго. В конце августа переведён в штрафбат и отправлен на фронт западнее Сталинграда. Дважды ранен и в сорок третьем переведен в действующую часть. Реабилитирован. В этот плен я попал тяжело раненным в Сандомирской операции подо Львовом. Хочу с тобой встречи. Боже, неужели у меня будет счастье? Тогда, в мае восемнадцатого года, я приезжал за тобой в Тверь. Твоя тётя сказала, что вы уж месяц как уехали,

и вернула письма, которые я тебе писал. Ты только никуда не уезжай. Разобьем гадов, я тебя найду. Ты только никуда не уезжай. Я тебя люблю! Фронт близко. Нас хотят перевезти в Германию. Сегодня вечером к вам зайдёт шофёр, который возит лес. Передайте ему гражданскую одежду. Было бы неплохо добыть хотя бы один пистолет. Если получится это сделать, то в полпервого ночи, после последнего обхода, положите пистолет под щепки на обычное место. Прощай и до встречи. Я верю, если есть Бог, он нам поможет. Обнимаю, твой Фёдор».

Я стояла у открытого окна, мысленно обнимала Фёдора и плакала от горького счастья. Я ему написала адреса, где меня можно будет найти после войны. Почти целый день не было дома моей подруги Эльзы. Только она могла выполнить просьбу Фёдора. Она уехала в город Скавина к друзьям мужа. Эльза рассказывала, что там целая группа поляков, которые совершают разные диверсии против фашистов. В одной из них муж Эльзы погиб. И она с радостью согласилась выполнить просьбу русских, чтобы хоть как-то отомстить убийцам мужа. Ближе к вечеру Эльза привезла кочан капусты. Сказала: «Здесь» – и вскоре ушла к знакомым в соседнюю деревню.

В назначенное время, хотя почему-то обхода ещё не было, я вынула пистолет из склеенного тестом кочана и завернула в тряпье. Ночь была светлая, и я вся дрожала. Я осмотрелась, прислушалась и в последний раз передала Фёдору свёрток с

его просьбой, читая молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных!» Когда я отошла от забора, из темноты донесся немецкий голос: «Хальт! Что ты здесь делаешь?»

«Нихт ферштее», – ответила я, и застыла на месте. Я знала, что убегать нельзя, так как по убегающим немцы сразу стреляют. Меня увели в домик у проходной. По дороге они громко что-то обсуждали и недвусмысленно хохотали, показывая неприличные жесты. Через десять минут пришел поляк, знавший немецкий. Он был с добрыми глазами, и раньше я его встречала на улицах села. На вопросы немцев я ответила, что страдаю бессонницей и головными болями и часто по вечерам выхожу из дома погулять. Меня быстро отпустили.

Анджей, так звали поляка-переводчика, проводил меня до дома. По дороге он сказал, что завтра или послезавтра производство ящиков переводят в Германию вместе с этими русскими, об этом говорили между собой немцы. Придя домой, я сидела у освещенного луной окна и вслушивалась в то, что происходит в лагере, но ничего не было слышно. Я уже думала, что Фёдору с друзьями не удалось открыть двери барака, как в дверь тихо постучали. Я, не спрашивая, открыла дверь и задохнулась в объятиях Фёдора... Мы проснулись, когда уже начало светать. Я просила, умоляла Федю уходить скорей. Вот-вот люди пойдут на работу. Я хотела, чтобы он как можно дальше смог уйти на восток за железную дорогу.

– Я не пойду на восток, – сказал он, – наши войска скоро будут и в Чехословакии, туда я и пойду по реке Висла, в которой затеряются мои следы.

Я дала ему все продукты, какие были дома. Напоследок он сказал, что не мог не прийти ко мне, и пошутил, что одно свидание в два десятка лет – это слишком мало и он надеется вскоре встретиться вновь и навсегда. Мы разорвали объятия, и он быстро вышел, сказав уже из дверей, чтобы я тоже покинула посёлок. Я молилась. Наутро во всём поселке был переполох. Несколько машин с солдатами прочесывали всю округу и все дома. Потом часов в девять привезли собак, которые привели немцев к моим дверям. Меня арестовали...

...Я был настолько вовлечен в рассказ, что когда объявили о прибытии в город Лодзь, у меня не было ни малейшего желания расставаться с Анной.

Она мне сказала:

– Я еду к моей младшей дочери и внукам.

Тогда я записал номер телефона сервисного центра, где мне предстояло некоторое время работать, и попросил Анну позвонить мне. Я хотел знать продолжение истории, которая меня так захватила.

– Я обязательно об этом напишу книгу, – сказал я, ни на секунду тогда не сомневаясь, что именно так и будет.

Она тепло улыбнулась и сказала:

– Мы тебе позвоним. – И добавила доверительно: – На перроне тебя будет ждать сюрприз...

Я помог вынести её вещи. У вагона её встречали двое мужчин. Старший – импозантный, лет шестидесяти; другой моложе. Мы с мужчинами обменялись рукопожатиями.

– Это Войцех, муж моей дочери! Они родили мне четырех внучек, представляешь? Я счастлива! А это...

– Боже мой! – воскликнул я. – Да это же Фёдор, только молодой. Точь-в-точь как на фото, что Вы мне показали.

– Да, это мой сын Фёдор Фёдорович! – подтвердила Анна. Я быстро прикинул:

– День рождения Фёдора старшего 7 августа, бежал он 9 августа, это значит, что Федя родился 9 мая 1945 года!

– Да, только не девятого, а восьмого, – улыбаясь, ответила Анна.

– Да, вот это сюрприз, Анна! У меня день рождения девятого мая, только сорок восьмого года.

– А тебя как звать? – спросила Анна.

– Николай Жуков, – представился я.

Она, улыбаясь, пожала мне руку и, глядя в глаза, сказала:

– Ну, пора прощаться... – И добавила по-польски: – До видзения!

* * *

...Моё «видзения» с Анной, увы, не состоялось. Зато состоялось спустя десяток лет, и не в Польше, другое событие, связанное с рассказанной ею историей. Событие столь

же невероятное, как и её встреча с Фёдором. Но об этом – в другой части романа, в повествовании о моих приключениях в Аргентине.

Часть вторая. Агент западных спецслужб

Глава 1. Вербовка между делом

Пройдя пару кварталов от Лейпцигерштрассе, где находился офис «Техцентра» московского внешнеторгового объединения, я проследовал через пограничный переход чек-пойнт Чарли между Восточным и Западным Берлином. Уже на выходе на территорию Западного Берлина меня остановили два человека в военной форме. Тот, который был старше по возрасту, за последние полгода участвовал в подобном задержании третий раз.

Проходя через чек-пойнт Чарли, я и раньше как-то напрягался. Мои ощущения усугубляли эти американцы, которые уж слишком тщательно обыскивали, чего не требует, на мой взгляд, процедура пограничного досмотра.

Сегодня они также представились сотрудниками американской службы безопасности и предложили пройти для беседы, указав на довольно длинное одноэтажное строение, стоящее по левую сторону от КПП. Лишних вопросов я не задавал. Эта была зона ответственности США, союзников СССР в войне против гитлеровских войск. Однако теперь мы

с ними были по разные стороны нового фронта – «холодной войны».

Капитан был строен, худощав, с мохнатыми ресницами и бровями и говорил на английском басом. Сержант-майор был значительно моложе, голубоглазый, улыбчивый и свободно говорил на немецком. Они предложили мне подождать в помещении, а сами вышли. Я присел на стул у длинного стола и стал листать газеты. Дверь была не заперта, но, естественно, уйти я не мог и покорно ожидал. В соседней комнате были слышны голоса, но из-за надёжной звукоизоляции понять что-либо было невозможно. Я стал смотреть в окно в сторону пограничного перехода. Пеших людей было совсем мало. Люди, проезжавшие на автомобиле, показывали личные документы или пропуска стоявшему под козырьком пропускного пункта военному, и шлагбаум без промедления поднимался. Я подумал, что когда-то на этом месте люди свободно ходили, просто разговаривали, обнимались, целовались. Теперь это зона отчуждения не только соотечественников, но даже и родственников.

Четыре года назад, когда я только начинал работать в Восточном Берлине, меня поселили недалеко от вокзала Берлин-Остбанхоф на 15-м этаже дома прямо напротив издательства «Нойес Дойчланд». Сверху были хорошо видны, как в прошлом, единые системы коммуникаций. Но дороги, улицы, линии электропередач теперь с обеих сторон, словно гигантским ножом, были разрезаны стеной, разделяющей

единый город на две части. Концы этих коммуникаций за долгие годы не были убраны. Они, словно живые организмы, тянулись друг к другу, надеясь, что когда-нибудь произойдёт нечто и они вновь образуют полноценный организм.

Офицеры, зайдя минут через пятнадцать, попросили для досмотра мои вещи. Я молча передал сумку, фотоаппарат и другие вещи, которые у меня были. Они осмотрели всё очень неспешно, тщательно, обращая внимание даже на швы сумки, разговаривая между собой и задавая мне, казалось бы, ничего не значащие вопросы. Особенно их внимание привлекли толстая четырёхстержневая авторучка и фотоаппарат. Поскольку я не знал за собой никаких грехов, всё происходящее меня немного веселило, и я предложил для досмотра мою обувь. Задержав взгляд на моих туфлях, военные ничего не ответили.

Я посмотрел на часы.

– Опаздываете? – спросил капитан.

– Да, у меня осталось полчаса до назначенного времени.

Я стараюсь быть пунктуальным, немцам это нравится.

– И? – спросил сержант.

– Да, мне это не сложно.

– Куда вы направляетесь?

– На текстильную фирму.

– Пожалуйста, назовите конкретно.

– «Герхард Шранк Веберай», – ответил я.

– Что вы там намерены делать? – спросил сержант.

– С представителями фирмы будем обсуждать технические вопросы поставленного оборудования.

– О чём конкретно речь? – опять спросил сержант-майор.

– Решение вопросов согласно контракту. Надеюсь, обойдёмся без конкретностей, если это не допрос, – сказал я.

– У вас в сумке какая-то литература на русском языке, это ведь не техническая документация, что это?

– Это книга Бориса Пастернака, стихи и проза. А это томик Шиллера.

– Шиллера мы знаем, – сказал сержант, – а другая книга – это советская пропаганда?

Они очень внимательно полистали страницы книг.

– Шутите? Пропаганду стихами не пишут. Господин Пастернак – лауреат Нобелевской премии. Его знает вся мировая литературная общественность, и хотя бы потому, что он отказался получать эту премию в Стокгольме. Это крайне редкий случай подобного рода.

– Видите ли, мы не владем русским языком. Ладно, считайте, что вопроса не было. В сумке у вас есть детали из цветного металла, это не золото?

– Две детали из бронзы, а другие имеют специальное технологическое покрытие материалом, повышающим прочность поверхности, но не золотом.

Капитан что-то сказал на английском и через минуту вышел. Когда мы остались вдвоём, сержант-майор улыбнулся мне, поглядел пристально и после некоторой паузы более

уважительным тоном заговорил:

– У нас к вам есть ещё один вопрос, не касающийся дела, по которому вы сейчас направляетесь. Вас всё в жизни устраивает?

– Весёленький вопрос. Всё может устраивать только бабочку, которая живёт, не осмысливая своё положение. Но инстинкты ей подсказывают, что через несколько часов с ней произойдёт новое превращение. У меня ничего нового не предвидится, поэтому живу, довольствуясь тем, что мне подарила судьба.

– Вы ошибаетесь. У любого человека могут произойти изменения, как положительные, так и не очень. Надо только, чтобы человек это понимал и стремился к лучшей жизни.

– На что вы намекаете?

– Вы известный человек и специалист в вашей отрасли. Известны ваша биография и ваша советская фирма, производящая очень интересную продукцию, я не имею в виду ткацкие станки, которые вы поставили Шранку. Все ваши дела, служебные и частного характера, известны вашим конкурентам, да и не только им, как вы понимаете. Мы знаем о вашей дружбе с господином Маллером из Грюневальде, который является родственником Эгона Кренца. Уверен, что вам известно, что Хоннекер, сегодняшняя глава государства ГДР, серьёзно болен и Кренц – вероятный его преемник на пост главы Восточной Германии. А ваши частые встречи с господином Маллером говорят о том, что вы, господин Жу-

ков, ищите пути к Эгону Кренцу. Ведь это так?

— Вы слишком высоко оцениваете и необоснованно тенденциозно рассматриваете мои исключительно деловые встречи с гражданами в обеих Германиях. Я вообще политикой не занимаюсь.

— Мои друзья и коллеги обратили на вас внимание ещё во время первой вашей командировки в Нойгерсдорф, где вы жили в отеле «Лихтенбург», знаем и о ваших отношениях с молодой гражданкой ГДР. Я надеюсь, вы хорошо помните это время. Кстати, согласитесь, что в Германии много молодых и красивых представительниц женского пола. Вы совершенно правы в ваших поступках, и это никто не осуждает. Жизнь действительно коротка, и ею надо пользоваться. И запомните мои слова, что не каждый день человеку высказывают признание. Вам есть о чём подумать. Вы ведь ещё не раз будете посещать господина Шранка. И последнее на сегодня: мы не советуем вам информировать ваше руководство о нашем разговоре. Мы знаем вашу советскую систему. Стоит только вам заикнуться о нашем разговоре, так сразу у вас будут серьёзные проблемы и вы, скорее всего, потеряете даже то малое, что имеете сейчас.

— Напрасно вы мне это всё говорите. Во-первых, меня всё устраивает в моей жизни. А во-вторых, я бы хотел, чтобы вы этот разговор забыли и не мешали мне исполнять работу. А память у меня дай Бог каждому. Всё хорошее и не очень я помню хорошо. Но в любом случае за время моей работы на

территории двух Германий криминала у меня не было. Поэтому слова ваши, похожие на шантаж, пустая трата времени.

– Не волнуйтесь, я не уголовный следователь. Я... как бы это точнее сказать... ваш друг и скорее просто психолог. Цели навредить вам, у меня нет. А по поводу опоздания к главе текстильной фирмы не беспокойтесь. Господин Герхард Шранк доволен вами и не даст вам скучать подолгу в Восточном Берлине. Он планирует ещё закупать у вашей фирмы оборудование, и вам надо рассчитывать на пополнение семейного бюджета западными марками. А вы говорите, что никаких изменений не ожидаете.

– Я могу идти? Верните мне, пожалуйста, мои вещи, – попросил я.

– Да, да, конечно. Кстати, в вашем фотоаппарате нет плёнки, – улыбаясь и глядя на меня, сказал сержант-майор и пододвинул содержимое сумки. – Но в следующий раз прикладывайте всё-таки к таможенным документам эскизы на каждый вид деталей, с указанием марки материала. Я знаю, что это не контрабанда. Но у других сотрудников, добросовестно исполняющих свои обязанности, могут возникнуть к вам вопросы, и беседы могут быть гораздо продолжительнее. Сразу за площадью стоянка такси, там всегда стоят свободные машины, – подсказал мне офицер и пожал руку, как старому другу.

– Да, я знаю, – ответил я.

Я был в полном спокойствии, но мне хотелось скорее уйти. С осознанием того, что я уже опоздал, и озабоченный произошедшим разговором, я вышел на улицу. Было о чём подумать.

Значит, приезжающие в гости родственники Фрау Дохен, хозяйки отеля «Лихтенбург», не простые гости и времени зря не теряют. Похоже, что всё это время я был у них под контролем и пристальным вниманием. Прямо как в кино. Такой поворот событий щекотал нервы.

Интересно, имеет ли хоть какое-то отношение к разговору Герхард Шранк? Знает ли он об этом? Сегодняшняя беседа на границе сильно отличалась от предыдущих и завершилась фактически предложением. Только что они от меня хотят? Рассказать это своему шефу, директору «Техцентра» Молову, невозможно. В случае необходимости он обязательно использует это против меня. Как поступить, чтобы избежать неприятностей? Придётся лавировать до последней опасной черты. Только как узнать, что именно эта черта – последняя, за которой может последовать провокация, после которой уже не отмоешься? Ещё не так давно было на слуху дело Буковского. Правда, истинной сути его деятельности не открывали для широких масс. То ли он был шпионом американским, то ли просто неумным бесстрашным правозащитником. А несколько месяцев назад одному нашему работнику посольства здесь, в Берлине, якобы за контрабанду антиквариата надели наручники прямо у трапа самолёта. Его сын

учился с моей дочерью в одном классе в посольской школе. Пришли за мальчиком прямо во время урока и сопроводили к маме для немедленного сбора и выезда домой.

Я дошёл до стоянки такси за площадью. Таксист, к которому я сел в машину, был очень полный мужчина с высоким голосом. Он был по-доброму настроен и в меру разговорчив. Удивился, что я из Союза, повернулся и ещё раз посмотрел на меня пристально, как бы убеждаясь, что я на самом деле русский. Он рассказал, что на днях был на стадионе, где проходил товарищеский матч между футболистами ФРГ и СССР.

– Советский Союз для нас таинственная и не до конца понятная страна. У вас мало кто бывает из европейцев. Мне всегда хотелось своими глазами увидеть что-нибудь реальное о СССР. На футбол я хожу редко, но как только узнал, что наши играют с русскими, решил пойти. Ваша сборная была какая-то экспериментальная, состояла только из новых игроков. Конечно, русские проиграли 0:4, очень старались выиграть и не контролировали свои эмоции. Было видно, что хотели доказать свою пригодность в сборной, но не хватало профессионализма и общей культуры. Грубили, зло спорили с арбитром и нашими игроками. Было много жёлтых карточек. Наверное, не весь народ у вас такой грубый, – сказал таксист не очень убедительно.

Слушать эти обвинения мне было неприятно, и было только утро, а уже второй раз мне пришлось чувствовать себя

приниженным. Что касается футбола, то это, скорей всего, так и было. Живя на окраине Новосибирска, в частном секторе и не только, я часто сталкивался с многочисленными фактами пьянства и, как следствие, с безобразным поведением моих соотечественников.

– Да, вы правы, – согласился я. – И культуры недостаточно, и опыта взаимоотношений на международных матчах, да и понять их можно: выиграть-то хочется. Хотя я мог бы напомнить вам о, мягко говоря, неправильном поведении целого народа сорокалетней давности. Только развивать эту тему сейчас мне бы не хотелось.

– О, да, конечно. Это страшная трагедия. После моего рождения мой отец погиб, так и не увидев меня. Сгорел в танке под Курском. И могилы нет. Гитлер виноват.

Мы замолчали, каждый по-своему. Тема изъезжена вдоль и поперёк. Вскоре подъехали по адресу фирмы. Прощаясь, таксист довольно громко и доброжелательно откликнулся на мою благодарность и протянул мне визитную карточку, предлагая довезти меня назад к границе. Я согласился, и мы договорились о времени.

Глава 2. Рыбы-контролёры, любопытные таксист и проститутки

Хозяин фирмы Герхард Шранк встретил меня приветливо. На этот раз он всё время куда-то торопился, смотрел на часы, говорил быстро, но при этом не забывал улыбаться. Сначала, чего он раньше не делал, он провёл меня по помещениям, где стояли огромные чаны из хромированной стали, в которых плавала осетровая рыба. В одних ёмкостях были мальки, в других подростки. В последней ёмкости были почти метровые красавцы. Я представил эту красоту в жареном виде, с лучком и укропчиком, приправленную сметанкой, и в желудке засосало. Съеденный утром бутерброд моим организмом не запомнился.

— Вода в этих ёмкостях проходит окончательную очистку. В производстве она использовалась при отделке шерстяных тканей. Санитарные службы в Берлине очень придирчивы к качеству воды, которая возвращается в водопроводную систему. Осетровая рыба также очень разборчива при выборе среды обитания. Будь вода некачественной, рыба жить и размножаться в ней не стала бы. Так что рыба здесь в роли санитарных инспекторов. Это лучший тест для властей города. Кроме того, если рассматривать разведение рыбы как са-

мостоятельный бизнес, то могу сказать, что он рентабельней текстильного производства в два раза.

– Тогда почему вы, Герхард, не займётесь исключительно разведением рыбы? – спросил я.

– Первоначально у меня был бизнес текстильный. Это потом уже пришло понимание, что очищенную воду перед возвращением в городскую водную сеть можно как-то использовать. В планах у меня есть цель расширить дело по разведению рыбы, но в городе имеется всем известная проблема с землёй. Однако я оптимист и надеюсь реализовать это. Сейчас очень большой спрос на чистый продукт. Вы, наверное, видели, что в городе всё чаще встречаются магазины с экологически чистыми продуктами. Они значительно дороже, но люди всё больше думают о своём здоровье и покупают их.

Завершив эту экскурсию по вспомогательному производству, мы быстро рассмотрели претензию фирмы по поломке деталей. Вина завода была очевидной, и мы подписали акты передачи. Герхард отметил нашу оперативность и напомнил, что простой оборудования в иной ситуации может обернуться ему санкциями за несвоевременную поставку тканей швейникам. Седеющая короткая борода и пронзительные улыбающиеся глаза делали его интеллигентным и обаятельным. Мне подумалось: как бы он повёл себя, если бы простой станков был причиной убытков предприятия. Не хотелось бы испытывать свою судьбу и этого умного и уравновешенного человека. Перед прощанием он просил поставить

в короткий срок несколько видов самых важных деталей, которые он мог бы сам оплатить даже в гарантийный период. Я быстро составил список как дополнение к будущему контракту на поставку станков. Мы расстались как добрые друзья. Я не верил, что он хоть как-то причастен к разговору на границе, хотя ведь знают они о его планах.

Когда после обеда я собирался уезжать, помощник хозяина, Станислав, сказал, что привезённые мной детали поставлены на станки, и те уже вырабатывают ткань. Этот помощник хозяина был из сербов, и он любезно рассказал мне о том, что в другом ткацком цехе сейчас работают четыре представителя нашего главного конкурента – швейцарской фирмы «Швицер» – и заменяют довольно большой механизм, масляный буфер, на всех сорока девяти станках. Я был очень удивлён этим фактом и позже, все последующие годы, когда возникали проблемы по нашему оборудованию, рассказывал об этой проблеме наших конкурентов клиентам. Я подумал: было бы неплохо в другой раз осмотреть станки конкурента. Появились ли у них какие-то новые разработки?

Затем Станислав в другом цехе показал мне японские ткацкие станки. На них уточная нить прокладывалась с помощью замороженной капли воды – 500 циклов в минуту. Я смотрел на это как заворожённый. Практически мгновенное замораживание капли с нитью перед прокладыванием и также мгновенное размораживание после прокладки нити. Мне это представилось тогда чудом. Негативной стороной

всего этого процесса была тотальная влажность, которая была повсюду. Станислав проводил меня до проходной, и я направился на остановку такси.

Моего водителя такси звали Рудольф. На обратном пути любопытство таксиста было удовлетворено на сто процентов. Его интересовало всё: из какого я города и где он находится, как устроено образование и как оно оплачивается, сколько стоит медицинская страховка, есть ли квартира и так далее. Было видно, что он готовился к вечерней поездке со мной. Не обошёл он и пресловутый вопрос о медведях, захаживающих в города. Многие ответы его удивляли. И только когда я назвал свою зарплату, которая была в пять раз меньше его дохода, он понял, почему у нас медицина и образование бесплатные. Между делом посматривая в окно, я видел красивые дома, чистоту на улицах и полное отсутствие грязи, точнее сказать, отсутствие возможности образовываться этой грязи: повсюду либо асфальт, либо трава.

– Я хотел бы побывать в Советском Союзе и посмотреть всё своими глазами, – сказал Рудольф. – Я слышал рассказы тех, кто бывал у вас в плену. Но мало кто из них видел вашу реальную жизнь. Большинство из них работали на рудниках, стройках дорог и на других тяжёлых работах. Жили, как правило, в бараках, в закрытых лагерях за городом. А если и провозили их по городу, то это были грузовики с железными будками с небольшими прорезями с боков.

– Да, это правда, так и было. Гостей с добрым сердцем у

нас рады видеть и приглашают к столу. А непростых, извини, встречают так, как вы рассказали. Приезжайте – и я буду рад вам, – сказал я, не будучи уверенным, что это возможно.

– Я вам дал визитку, – сказал Рудольф, – там есть домашний телефон. Когда будете у себя в Советском Союзе, позвоните мне. Я очень хотел бы побывать в Советском Союзе. Я люблю путешествовать. Я бы оплатил все расходы.

– Мне ещё два года работать в ГДР, – ответил я.

Тогда я ещё не знал, что уже через полгода со мной произойдёт невероятный поворот судьбы. Я попросил таксиста остановиться за несколько кварталов до пограничного перехода.

Время нахождения на территории Западного Берлина не ограничивалось, и я решил погулять по городу. Зайдя в крупный супермаркет «Квелле», я провёл в нём не менее получаса. Радовало глаз всё: отсутствие очередей, обилие товаров, блеск полов и витрин, улыбающиеся, как самому близкому человеку, продавщицы. Когда я проходил мимо прилавка печати, бросились в глаза завораживающие, откровенные фото обложек мужских журналов, смущающие целомудрие советского человека. Вот они, инструменты растления капиталистического мира! Только почему все эти госпожи и господа равнодушно проходят мимо, не замечая этого. Что-то с ними не так?

– Пожалуйста, что вы хотели бы купить? – деликатно обратилась ко мне хорошенькая продавщица, искренне улыба-

ясь.

Я был не очень рад её появлению, сбившему мой внутренний диалог и нарушившему независимость моего существования. Её красота являлась приложением ко всей этой откровенной атрибутике. Она совершенно не отличалась от тех, которые улыбались мне со страниц журналов. Более того, казалось, она сама только что сошла с одной из страниц. Неоднократно бывавший у подобных киосков, я всегда испытывал одинаковые ощущения вовсе не от того, что видел в этом что-то постыдное, а скорее наоборот: меня беспокоило неумение управлять своими природными эмоциями. Ведь таких сложных противоречивых переживаний я не испытывал, будучи в откровенных отношениях с представительницами противоположного пола у себя в России. Всё происходит без ханжеского намёка, естественно, без постыдных волнений и переживаний. Единственным руководством к действию являются чувства и программа, заложенная в мужчину высшим и гениальным законом природы, который никто не вправе осудить или поправить.

– Нет, нет, спасибо, я только хотел посмотреть.

– А вы купите и дома спокойно посмотрите, – издевательски, как мне показалось, сказала она.

Я поблагодарил её ещё раз, при этом стараясь как можно любезней улыбнуться. Мой уход был похож на бегство, хотя со стороны, наверное, этого не было заметно. Пройдя в детский отдел, я купил пару маек для двенадцатилетней дочки.

Выйдя из магазина, я столкнулся с новым испытанием. У одного из подъездов жилого дома стояли две милые девушки в откровенных нарядах. Я сразу понял, кто они.

Им было достаточно моего короткого взгляда, чтобы они поняли, что я их заметил.

– Добрый день, господин! – громко и елеинно сказала рыжеволосая, с короткой стрижкой. – Если вы не спешите, мы приглашаем вас на чашку чая. У нас сегодня презентация нового сорта кенийского чая. Вас это ни к чему не обязывает.

– А вас не смутит, если скажу, что я из Советского Союза?

– О-о, – вострепенулись обе, – это ещё интересней. Но вы такой же, как мой брат, только у вас борода. Это очень интересно! Такой истории у нас ещё не было. Мы очень просим вас пройти к нам.

Вперёд выступила блондинка и довольно серьёзно, спокойно и дружелюбно сказала:

– У нас есть один вид услуги – беседа за чаем бесплатно, если имеем особое расположение к клиенту. Мы хотели бы просто узнать хотя бы немного о жизни в вашей стране из первых уст.

– Вы же сами сказали, что я такой же, как ваш брат. Значит, и жизнь наша примерно такая, как ваша. Отличается только политическое и экономическое устройство моей страны, но это вряд ли вам интересно.

– А семья у вас есть? – спросила рыжая.

– Да, у нас так же женятся, рождаются дети, учатся.

– А в Советском Союзе есть девочки, которые так же, как мы, зарабатывают деньги?

– По закону запрещено, но знаю, что есть. Но больше у нас можно и так, по-доброму, без финансового интереса познакомиться с понравившейся девушкой и любить друг друга, не требуя взаимной оплаты.

На лицах девушек была улыбка интереса. Они задали мне ещё несколько простых на мой взгляд вопросов. Ответив им, от их предложения зайти к ним я всё-таки решил отказаться. Не стал испытывать свою судьбу и поблагодарил их.

Чувствовалось, что я их разочаровал так же, как некоторое время назад разочаровал продавщицу журналов. Так разочаровываются в любом бизнесе все, у кого добыча только что висела на крючке, но сорвалась. В любой сделке финал всегда одинаков: или удовлетворение успехом, или разочарование с разной степенью досады.

Глава 3. Вербовка шефом в сутенёры и спекулянты

Возвращаясь, как тогда говорили, в дружественную демократическую часть Германии, я прошёл через пограничный переход без задержки.

Различие двух территорий было очевидным. Сразу же за переходом основали местного производства «вартбург» и «трабанты», которых называли мыльницами. «Трабант» был совсем крохотный, двудверный и изготавливался из пластмассы. В авариях с участием таких машин щепки так и летели во все стороны. На улицах было достаточно много автомобилей из моей страны – «Волги», «лады», «москвичи». Наш «Техцентр» был оснащён тоже советскими автомобилями.

Дальнейшие отличия между двумя немецкими территориями продолжались во внешнем облике зданий. Здесь, в Восточном Берлине, превалировал серый цвет. Дома были старые и громоздкие. И только новые кварталы строились в более современных стилях и в более светлых тонах. Некоторые старинные улицы, разрушенные во время войны до основания, отстраивались вновь в старинных немецких традициях стиля фахверк: раскрашивались разными цветами и выглядели игрушечными. Большая часть Лейпцигерштрассе, где в одном из зданий располагался наш «Техцентр», была застроена высотками из стекла и бетона. Было очевид-

ным, что два Берлина – это визитные карточки своих систем.

Отчитавшись в бухгалтерии торгпредства, я успел принять участие в переезде нашего офиса с Лейпцигерштрассе в район Панков.

На следующий день, основавшись в просторном кабинете по новому адресу, я и мои коллеги обсуждали перспективу переселения в новые квартиры неподалёку от офиса. Забежала переводчица Вера, она же секретарша директора, и сказала, что меня вызывает шеф.

– Здравствуйте, Леон Евсеевич, – сказал я.

– Проходи, – грузно вставая для рукопожатия, сказал шеф. – У меня для тебя три новости. Читал твой отчёт по Западному Берлину, но сейчас не об этом. Ты всегда, Николай Степанович, умудряешься чем-нибудь удивить. – Он сделал значительную паузу, и я успел спросить себя, во что на этот раз вляпалась моя мудрость. – Тебе придётся ехать домой.

– Слава Богу, что нам всем когда-нибудь придётся ехать домой.

– Твой завод затеял документальный фильм об экспорте станков. В том фильме, в части об экспорте за границей и организации сервиса, ты будешь играть главную роль.

Я был действительно рад побывать дома. Но что касается фильма, то я больше насторожился, чем обрадовался. Хотя – при моей относительной молодости – я думал, что я всё смогу. Это у меня с детства. В детстве меня звали «дед Чипонец», это от слова «японец». Жил у нас в деревне дед один.

Все говорили, что он «шипко умный». В своё время он воевал на Русско-японской войне и, по его рассказам, участвовал в сражении русских и японских кораблей в Порт-Артуре и в Жёлтом море у берегов Кореи. Был сильно покалечен, списан на сушу. После выздоровления, не выезжая с Дальнего Востока, опять участвовал в боях в Манчжурии и в осаждённой крепости Порт-Артура, и опять повезло: остался живой. Домой вернулся просвещённым по многим вопросам и освоившим грамоту. Он помогал сельчанам советами и писал по их просьбам письма. Прожив до глубокой старости, он и в советское время был странной, но значительной фигурой на селе. Я его помню кривоногим, с перекошенной грудью. Жил он в саманной избушке, в которой я нередко бывал, совсем бедно, даже пол его жилища был глиняный. Он никогда не работал в колхозе. Ловил рыбу и ондатр, ставил петли на зайцев, помогал людям делать кизяк, колол кабанов, дубил шкуры, занимался огородом – тем и жил. Конечно, до деда я не дотягивал по мудрости, но с некоторых пор у меня появилась привычка по каждому случаю говорить: «Я знаю».

– Второе: поскольку экспорт станков расширяется, – продолжал шеф, – ваше руководство решило расширить склад гарантийных и коммерческих запчастей стоимостью до трёх миллионов марок. Так что ты теперь у нас богатенький будешь.

– Леон Евсеевич, вы же знаете, что частной собственности

у нас в государстве нет. А что касается склада запчастей, то он является собственностью завода и я имею право им распоряжаться только по инструкции.

— Ну, братец, находясь рядом с таким добром, отщипнуть всегда можно, а кристально чистых людей не бывает. Кстати, какие ткани вырабатывает Шранк в Западном Берлине?

— Камвольные, суконные.

— Я тебя уже в который раз прошу подумать, как мне помочь отблагодарить моих друзей в Москве. А ты по-прежнему в стороне стоишь в этом вопросе. От моих друзей зависит не только мой срок работы здесь, но и твой. Ты Шранку увёз дорогостоящие детали, что привёз взамен?

— Детали я передал по акту передачи и дефектной ведомости и на основании официальной рекламации, которая у нас зарегистрирована. Герхард был доволен оперативностью. Расширение склада будет очень даже кстати. Я имею в виду и других заказчиков станков. Улучшение работы по сервису оборудования приведёт к расширению экспорта.

— Ну, это не твоя заслуга, а результат деятельности всего завода.

— Да, заслуга завода неоспорима. Но всё-таки взаимный товарооборот осуществляется согласно плановой экономике стран и рамочным контрактам поставки товаров.

— Это ты так выражаешь благодарность своему заводу?

— Нет, я просто констатирую факт. В данном случае завод исполняет только решение государственной власти.

– Хватит демагогии, ты лучше вспомни, что я тебе говорил на прошлой неделе. Я устал, и мне надо развеяться, заодно надо посмотреть, так ли хорошо у тебя организована работа с клиентами. Всех я проверял, только ты ускользаешь от моего контроля. Планируй со следующего понедельника в Райхенбах на три дня, всё продумай. Я надеюсь, ты знаешь, как это мог делать твой предшественник Пётр Иванович из Чувашии. Там в Райхенбахе хорошие курортные места и хорошие возможности для отдыха, – сказал шеф.

– Да, пожалуй, туда надо ехать. У меня как раз в тех краях накопились рабочие вопросы. Туда, наверное, и надо везти съёмочную группу.

– Я не о съёмочной группе. Я тебе говорю о себе, неужели непонятно?

– Понятно. Только теперь я имею в виду и тот период, когда приедет съёмочная группа. По пути в Грайце поговорим о съёмке, – нашёлся я. – В Райхенбахе давно приглашали провести обучение или консультации. В Карл-Маркс-Штадте фрау Мэдер просила подъехать. На их базе немцы решили создать свой центральный склад запчастей для всей текстильной промышленности ГДР. Станков в ГДР уже несколько тысяч. Фрау Мэдер просит информацию по оптимальной номенклатуре запчастей, а также им нужна техническая литература по обучению. Эти материалы я уже получил и приготовил к передаче. Дел достаточно для полноценной командировки. А что за третий вопрос? – попытался я

перевести разговор на другую тему.

– Режиссер Ерназарова и оператор Иванов, которые придут, выражают тебе доверие и просят подготовить сценарий съёмки на предприятиях. Только ты не заносись, отнесись к этому серьёзно. Люди учатся годами, чтобы хоть что-то в этом понимать.

– Хорошо, я подумаю, – ответил я.

С шефом я согласился, но сам подумал: «Я знаю». Варясь в этой технической, коммерческой и отчасти творческой каше, кто, как не я, лучше других мог бы сказать, где, с кем и о чём говорить во время съёмок.

Выйдя от шефа, я встретил улыбающуюся Веру.

– Коля, я тебе завидую, я читала всю переписку. – Её лицо, с детства поражённое оспой, сияло искренней улыбкой. – Возьми меня с собой в командировку.

– Увы, Вера, закон и мораль советского человека не допускают двоежёнства, – пошутил я.

– Ну, я не эту роль имела в виду. Я хотела поехать просто переводчицей, – вся пунцовая от смущения, сказала Вера.

Приятеля в офисе уже были в курсе моих новостей. Всем хотелось смотаться домой на короткий срок, кроме Жени Проклова – моего нового коллеги и конкурента по поставкам станков. Он совсем недавно приехал на смену обаятельному любимцу женщин Петру Ивановичу, о котором напоминал мне шеф. Женя Проклов вызвал меня в холл, подал листок:

– Николай, это лекарство. Пожалуйста, привези обяза-

тельно, иначе меня ждёт катастрофа. Через два месяца придет жена. В Москве я не очень удачно познакомился с девочкой. О последствиях узнал перед самым вылетом из Москвы, замотался и не успел купить то, что надо для лечения. В немецкой аптеке без переводчика объяснить не смогу, а привлечь к этому Веру – это всё равно что подписать себе приговор. А жена если узнает... Даже думать об этом не хочу. Я в тупике. Звонил домой другу, он назвал это лекарство. Помоги, Николай, привези, вечным должником буду.

– Должников не люблю, они неискренни. Ты ничего мне не будешь должен, не переживай. Кстати, тебе не надо будет ждать моего возвращения. Генеральный представитель Аэрофлота Алексей – мой друг. Думаю, что через пару дней ты получишь свой спасательный круг.

Вечером я зашёл к Лёше, предложил прогуляться и объяснил ситуацию. Он сказал:

– Да, не повезло парню, перед выездом за границу и так вляпаться. Я организую, что будет стоить, скажу потом. Завтра вечером из Москвы будет рейс. Думаю, что получится. В Москве надо будет поднапрячь ещё одного человека, чтоб купил и привёз к рейсу.

Алексей Григоренко – открытый, замечательный человек, как и его жена Валентина, улыбчивая и деликатная. Оба они родом из Минска, там учились и знали друг друга ещё со школы. Алексей приехал сюда рядовым сотрудником, а вот теперь он главный руководитель представительства Аэро-

флота в ГДР и в Западном Берлине. Почти любая встреча с Алексеем оставляла заслуженно приятные впечатления от него благодаря его умению общаться, и эти впечатления иногда перерастали в дружбу.

Пройдя до «Мемориала Панков» советским воинам, погибшим в боях за Берлин, мы зашли в кафе. За кружкой пива обменялись новостями.

– Ты слышал, Николай, что всем советским представителям разрешили привезти домой один автомобиль из любой соцстраны, но только чтоб автомобиль был нашего, советского производства?

– Нет, я этого ещё не знал.

– Если надумаешь, у меня есть один знакомый в Штази, полковник Мюллер. Я уже себе купил у них. Каждый год они списывают вышедшие из эксплуатации «Волги». Машины очень хорошие, есть из чего выбрать. В Москве такую втридорога купишь.

– И думать тут нечего. Я свой «жигулёнок» продал, когда выезжал сюда. Буду признателен тебе за помощь.

– Только по цене сам будешь договариваться с Мюллером. Вечером позвоню, дам тебе его телефон. Объяснишь, что от меня.

Мы вернулись тем же путём, у дома Алексея расстались. Наши дома находились рядом и входили состав небольшой новостройки по Арнольд-Цвайгштрассе.

«Техцентр» находился с другой стороны этого квартала в

новом трёхэтажном особняке, ещё пахнущем краской. В воскресенье на чистенькой территории со стриженными газонами мы сажали деревья, привезённые в пятницу коммунальной службой города. Деревья были с зелёными листьями в торфяных ёмкостях. Так прямо с этой торфяной посудиною и вкапывали в приготовленные ямки.

Уже в понедельник утром, перед выездом на работу, мы встретились с Алексеем. Он передал мне упаковку для Евгения и пошутил:

– Пусть думает головой, чтобы не болела другая.

Через пять минут в офисе я передал пакет Евгению. Он поблагодарил и задал мне неожиданный вопрос:

– Какая у тебя мебель в квартире – новая?

– Нет, у всех наших мебель из комиссионки.

– Но бухгалтерией оприходованы новые комплекты, – возмущённо сказал он.

– Вопрос не ко мне. Всё, Евгений, мне некогда. Пока. Я в командировку на три дня с шефом, он меня уже ждёт.

– Слушай, Николай, ну ты ему не говори о моём вопросе про мебель, – обеспокоенно попросил Женька.

Я пообещал и пошёл в кабинет шефа. Через десять минут я сел за руль новенькой «Волги» шефа, и мы выехали на центральные улицы медвежьего города.

Глава 4. Баня с девочками или Баратынский с Барятинским?

Ещё с древних времён изображение медведя нашло себе пристанище на городском флаге Берлина. Выехав на прямую магистраль в сторону Лейпцига и Карл-Маркс-Штадта, мы проезжали аэропорт Шёнефельд. Идя на посадку, советский самолёт будто помахал нам красным флагом на фюзеляже. Было приятно видеть восточку нашей Родины. Сразу представил, что скоро сам полечу в Новосибирск с пересадкой в Москве. Шеф, слегка откинувшись на сиденье, сладко посапывал, подтверждая тем самым начало отдыха. А машина мчалась мимо Потсдама, по совершенно ровной и гладкой дороге, отстроенной Западной Германией уже после войны. В том самом Потсдаме, где, казалось, ещё совсем недавно во дворце Цецилиенхоф непримиримые союзники – они же победители в войне с Германией – обсуждали и подписывали решения о послевоенном мире. И приятно было осознавать, что те исторические решения дают мне, рядовому советскому гражданину, возможность мирного путешествия по этим ухоженным автобанам, повидавшим кровь и смерть как результат безумной идеи, возникшей в голове шизофреника. В данном случае подтверждается мысль Ницше о несовершенном сознании человека, которое уже не однажды приводило к катастрофическим потерям не только европейского насе-

ления. Мысль о том, что без союза охранительных инстинктов, объединённых в головах множества людей, это европейское население может когда-нибудь погибнуть совсем из-за всё возрастающего военного потенциала, ошеломила меня. А ведь когда ещё были сказаны эти слова...

Размякший шеф проснулся, ничего существенного не говорил – только «да» и «нет». Чувствовалось, что в голове его растёт какое-то недовольство, сидевшее голодным червячком, мешавшим проявляться богатому многообразию человеческих чувств, иногда не по адресу подаренных Богом. К обеду мы прибыли в Карл-Маркс-Штадт в отель «Хемницерхоф», где я заказывал накануне два отдельных номера, но свободных одиночек не было, и мне пришлось согласиться на один номер двухместный. Узнав о том, что я заказал не два отдельных номера, червячок шефа прорвался наружу в замечании: «Генеральный директор должен иметь комфортную возможность для творческой работы и отдыха». Я принял замечание с извинением и нарисовал безоблачную гостиничную перспективу впредь. Во время обеда мне было предложено открыть подробный план дальнейших действий. Я, с удовольствием приправляя план вкусом пищи и чёрным бархатным пивом, изложил свой план дальнейшей командировки. Но уже в конце обеда червячок шефа, недостаточно удовлетворённый большим количеством пищи и напитков, вновь сделал своё гнусное дело, и шеф недовольно спросил: – Это всё?

– Леон Евсеевич, для трёх неполных дней этого вполне достаточно, – уверенно сказал я.

– Николай Степанович, ты чего-то не понимаешь или у тебя память плохая?

Я, конечно, понимал, к чему он клонит, и даже ожидал этого вопроса, но первым коснуться неприятной темы мне не хотелось.

– Память у меня хорошая, назовите мне несколько телефонов, и я сразу их повторю, – улыбаясь, сказал я.

– Да-а, Жуков, ты дурак, братец, – пристально глядя на меня, пропел шеф. – Правильный принцип существует в Москве при принятии кандидатов в Академию внешней торговли – принимать только из столицы. У людей с периферии недоразвитая ментальность. У вас правила установления отношений, особенно с руководством, примитивны. Не хватает человеческой смекалки, изворотливости. Я ведь с тобой разговаривал ещё на прошлой неделе, дал тебе понять о цели моей поездки.

– Так что в моём плане не так? – спросил я.

– Где баня, где девочки? – с серьёзным укором спросил шеф.

Мне не хотелось прямого скандального ответа, и я попробовал спокойно прикрыться должностным щитом и сказал:

– Леон Евсеевич, я думал, что вы всё-таки шутили. Я ведь отвечаю за свои дела перед заводским руководством и перед вами. Я могу предположить, что вы провоцируете на просту-

пок, проверяете меня. Пролети я по недомыслию, вы же будете первым потешаться, делать благородные попытки спасти меня. Тогда я попаду в зависимость от вас. Ведь чужая душа – потёмки. Попробуй вас пойми, где вы настоящий, а где вы играете. Когда вы проводите совещания, вы же требуете от сотрудников результата работы, соблюдения правил поведения в чужой стране, дисциплины и ответственности.

Я ожидал изменения поведения шефа, может, улыбки. Мог бы, например, выдать им сказанное за шутку. Я же ясно дал понять уже не в первый раз, что позиция моя более чем определённая. И эти мои слова сейчас были для него как некий шанс отыграть обратно. Но этого не произошло.

– Всё-таки ты глуповат, братец, и неисправим или ты вообразил себя юным Вертером из Гёте. Я надеюсь, ты знаешь, кто это. Бороться с целым обществом, как герой книги Гёте, глупо. Тем более, всё наше общество состоит из прагматичных людей. За исключением таких кретинов, как ты. Мало у кого из специалистов за границей есть такой капитал, как у тебя. Ты легко можешь, с моей поддержкой, использовать для себя этот шанс и стать действительно обеспеченным, конечно не забыв про меня. Я даю тебе такой шанс. Тебе лишь только надо было понять, что я хочу. Ты пойми, что есть жизнь официальная, напоказ, как витрина в магазине. А есть настоящая жизнь, реальная – это сам магазин с его грязными коридорами, подсобками и туалетами. Так вот, сейчас жизнь нам даёт возможность воспользоваться тем, чем с ра-

достью хотел бы воспользоваться любой другой человек. И другого шанса у тебя может и не быть никогда. Тем более это всё не из твоего кармана, — назидательно сказал шеф.

Да, заматерел шеф, подумал я. Такой тип мне не по зубам. Он меня не слышит и, что удивительно, ничего не боится. Некоторое время мы тягостно молчали. Чтобы попытаться уйти от этой вязкой темы, я вспомнил, как три года назад я первый раз работал в этой стране, и стал ему об этом рассказывать. Нас, советских специалистов, возили тогда в Веймар, где мы знакомились с городом, посетили сказочную выставку цветов и побывали в костёле на могилах Гёте и Шиллера. Эти два друга служили высокому искусству, помогая друг другу. Они были похоронены рядом в одной усыпальнице герцога Карла Августа.

Тут шеф как-то оживился. Правда, он негативно высказался о современных поэтах и задал мне вопрос, похожий на домашнюю заготовку:

– Чем отличается поэт Баратынский от поэта Бялятинского?

В тот период увлечение Евгением Баратынским для меня было пройденным этапом. Так или иначе я был знаком с творчеством и Александра Петровича, декабриста и моего земляка – сибиряка Бялятинского. Об этом я ему и сказал. Шефа интересовала причина моего увлечения поэзией, которую я иногда декламировал коллегам. Я сказал, что не знаю. Просто мне интересно, а о цели я не задумывался. Ну,

может быть, когда-нибудь издам сборничек стихов. Не удовлетворившись ответом, он уверенно заявил, что я это делаю из амбиций – намерен выделяться среди людей своего круга.

– Я ведь тоже в юности увлекался стишками, и даже казалось, что это на всю жизнь, – сказал шеф. – Потом как-то юношеские порывы стали сталкиваться с реальностью жизни, в которой всё не только проще, но и по-другому. Надо быть пастухом или вечным студентом, чтобы витать в облаках и не поступать так, как этого требует жизнь. Быть поэтом, то есть быть возвышенным, и тут же жить в этом человеческом грешном мире просто невозможно. Надо чем-то поступиться.

«Ого, – подумал я. – Так он всё отлично понимает. Просто сознательно избрал именно такой путь».

– Иначе жить нельзя, – как бы подтверждая мою мысль, спокойно сказал шеф. – Быть идеалистом – это грустная утопия. Путь в никуда, а жить бедным неудачником – это унижительно.

– Так, может, вам всё-таки попробовать продолжить заниматься поэзией, придерживаться определённых ценностей? – предположил я.

– Ты меня не слышишь. Ты наивный человек. Жизнь надо принимать такой, какая она есть. Юношеские ценности эфемерны, и они не кормят человека, – с уверенностью сказал шеф. – А поэзия – это детская забава, если нет дара. Она всегда сомнительна, и её не все понимают. Покажи мне хоть од-

ного состоятельного поэта, кроме тех кого государство поддерживает. Тогда зачем всё это?

– Но ведь и я принимаю жизнь с её реалиями и не бросаю поэзии, – сказал я.

– Ты ошибаешься. Ты не понимаешь, что жизнь неповторима, или делаешь вид, что не понимаешь. Ты не пользуешься ею, ты борешься с ней и скоро сломаешь крылья.

– Я не борюсь с жизнью, и она для меня представляется прекрасной, хотя порой бывает трудной и жестокой. Я только не принимаю ту её часть, которая мне не нужна, которая может мне сильно навредить и которая для меня противоестественна. А поэзия никак не мешает моей жизни. Наоборот, она как-то незаметно идёт рядом и даже помогает в некоторых моментах жизни, – пояснял своё понимание я.

Мы долго молчали. Когда я открылся, мне стало легче: я как будто надел на себя защитную броню.

Глава 5. «Дружба по интересам», или Правда аксакала?

Посещение текстильных предприятий прошло без проблем. Пунктуальные немцы были готовы по всем вопросам, которые я согласовал с ними по телефону. В Грайце, где станки работали уже много лет и всё было в порядке, директор Грин с радостью согласился поучаствовать в съёмке документального фильма.

На предприятиях шеф был обаятелен, улыбался и много шутил. Обещал различную техническую помощь, обучение и консультации. Подробно рассказывал о создании на базе «Техцентра» в Берлине многоцелевого склада запчастей с демонстрационным залом, не забывая при этом отметить и свою роль. Было видно, что шеф себе нравится. Он был доволен результатом поездки, всё прошло как по маслу, и казалось, что червячок его навсегда отравлен этими положительными эмоциями. Однако я понимал, что система, существующая во внешней торговле, не позволяла своим людям забывать об их выгоде и как бы изначально подталкивала и обязывала их параллельно с основной работой (а может, даже в первую очередь) иметь в виду, планировать и реализовывать цель по добыче для себя материальных ценностей в недрах государственного имущества и не только. Эти деньги, вещи, блага, взятки – как цель, средство и инстру-

мент – являлись связующей массой всей внутренней структуры ведомства, его кадровой политики и неискренней человеческой «дружбы», больше похожей на круговую поруку. Я ожидал, что рано или поздно шеф опять начнёт приманивать меня прикормом в свои сети. Он не волен быть другим.

В день возвращения в Берлин проснулись позже обычно. Душ и завтрак, больше похожий на обед, отняли много времени. Вчерашнее хорошее настроение шефа, которое у него возникло на предприятиях, испарялось под яркими лучами восходящего солнца, светившего в большие окна номера. Долгое время молчали. Мы вырулили на Берлин, в данном случае домой, а тайный беспокойный червячок шефа требовал движения по направлению беспокоящих его мыслей.

– Николай Степанович, ты неплохо работаешь, в чём-то ты даже талантлив, но ты ошибаешься в своём идеализме. Весь мир устроен по-другому: рука руку моет. Или важна дружба по интересам. Это в конечном счёте приносит радость, если заглушить наивные душевные переживания. Твоя поездка в Новосибирск продлится дней десять. У тебя будет достаточно времени для обдумывания. Не советую тебе с кем-нибудь обсуждать наши с тобой разговоры. Тебя не поймут, потому что в «Техстанкоэкспорте» работают все мои друзья. Все. Ты и люди твоего завода, имеющие отношение к экспорту, зависят от моей фирмы. А ты, если всё правильно поймёшь, на десятки лет обеспечишь себе поездки за грани-

цу, в том числе и в капстраны. А это и деньги, и положение. Об этом многие и не мечтают даже. – После этих слов шеф замолчал до самого Берлина.

Помню, ещё задолго до работы в Германии, когда в Новосибирске я подавал заявление для участия в конкурсе претендентов на подготовку специалистов для работы за границей, то наивно полагал, что уж в Москве люди, условно говоря, на голову выше, умнее нас, грешных крестьян, и что на них, как на трёх китах, держится вся страна. Я оказался невеждой и идиотом. Просто у нас жизнь разная.

Однажды произошёл случай, который помог мне ещё более укрепиться в своих убеждениях. В первой командировке в 1979 году я представлял на международной ярмарке в Лейпциге наше оборудование. Вечером накануне завершения выставки кавказские представители сельскохозяйственных фирм и колхозов пригласили участников выставочных стендов отведать разные пищевые образцы – не везти же их обратно. В зале за одним длинным столом сидели человек тридцать некоей единой общностью. Было всё вкусно, о чём и был довольно длинный разговор. Выпивали просто за успех. Говорили о жизни, и каждый рассказывал о чём-то своём. Среди нас было четверо москвичей – представителей внешнеторговых объединений. Постепенно они перехватили внимание и, подавляя авторитетом, рассказывали о своих успехах, о связях с высокопоставленными особами в Москве, у кого эти авторитеты значительнее, и всё в та-

ком духе. Абсолютное большинство присутствующих были из глубинки и вынуждены были молча слушать. Радужная всеобщая картинка больше не складывалась, более того, росло непонимание и отчуждение.

– Как же вы, дорогие москвичи, далеки от реальной жизни людей. Ведь уже достаточно много времени вы только и говорите о вещах, которые не для этого круга. У людей из остальной страны совсем другая головная боль, другие понятия о жизни и добре. А то, чем вы гордитесь – ваши элитные друзья и прочее, – это ложные ценности. Хотя очевидно, что для вас они самые важные, – спокойно произнёс я.

На некоторое время повисло тягостное молчание. Я понимал, что бросил вызов ребятам, которым палец в рот не клади. Я и сам не понимал, зачем я это сказал. Но слушать то, что они так решительно декларировали, мне было неприятно.

И тут поднялся в национальной кавказской одежде, в высокой папахе, с белой бородой пожилой горец – настоящий аксакал – и медленно, волнуясь, как бы понимая важность и необходимость именно сейчас выразить то, что хотел выразить давно, сказал:

– Я предлагаю выпить за этого человека. Всё, что он сказал, это правильно. Радость жизни – это не только обманчивые достижения и лукавые веселья. Счастье – это труд, который делает человека человеком. В труде, в лишениях, в невзгодах закаляется человек. Это как необходимое

средство для жизни и самосохранения. Счастье – это когда проснулся утром и знаешь, что в семье никто не болеет. А значит, надо идти работать, чтобы стол не был не пустым. Дети растут, почитают меня. Я счастлив оттого, что знаю: вырастут, будут добрыми людьми. А вы возвышаете себя чужими авторитетами, и вы в этих связях несвободны. Вам надо много, и всё больше и больше. Вы в плену у этой бесконечной унижительной зависимости. И чем больше удалось нечестно добыть – не так, как старатель на прииске, не так, как Толстой в труде или учитель в школе, – тем больше вы себя считаете доблестными людьми. Вы себя противопоставляете обществу и не знаете этому границ. Мой отец говорил: создал честным трудом, сотворил достаток сам для себя – ты счастливый человек. Поделился с нуждающимся, защитил семью, друга, Родину – тогда ты доблестный человек. Так было всегда и до революции, когда были хозяева частной собственности. Так есть и теперь в порядочных семьях, и так будет всегда, покуда все люди будут понимать истину и если вернут её как основу жизни. Но, как видим, не все в реальности этим правилом живут. Человечество создало законы, нормы морали и поведения для того, чтоб человечество не погибло в распрях разных понятий. Мой друг поэт Расул – вы его все знаете – говорит: продай поле и дом, потеряй имущество, но не продавай, не теряй чести человека... Вы, молодые ребята, видите людей своей среды и думаете, что весь народ такой. Нет, вот он, народ, сидит. Люди разные, очень

разные, но их объединяет благое дело – необходимость честного труда. Они сейчас вас не понимают, поэтому молчат. Такие ваши дела, нечестные понятия – грех. Многие из вашего круга занимают свои должности не по знанию и авторитету, а благодаря связям. Я не говорю, что надо отречься от благ и красивой жизни. Но ваша изворотливость, неправедное возвышение может быть только до той границы, где начинаются честь, закон и мораль. Не перешагни греховную черту – и ты будешь уважаем и истинно возвышен. А вы права своей системы навязываете всем. Происходит не только разделение и расслоение общества. Это вызывает желание у одних подражать вам, у других – от возмущения взять кол или другое оружие. То и другое опасно. Вы рискуете сломать себе шею. Извините, что говорил долго. Всю свою жизнь об этом думал. Я стар уже, и мне умирать скоро. Я рад, что смог это сказать вам, чужим людям, вслух. Может, кому-то это поможет лучше понять жизнь.

Каждый раз, когда вспоминаю того аксакала, мне всегда становится спокойнее и увереннее.

Глава 6. Спуск с облаков на землю

Мы вернулись в Берлин уже под конец рабочего дня. Я успел оформить и собрать все необходимые документы для поездки в Новосибирск. От коллег я получил заказ на селёдку, гречку, чёрный хлеб и прочие традиционные советские продукты, которых в Германии нет. Виктор Боголюбов попросил привезти струны для гитары. Сказал, что будет ещё до рождения приучать ребёнка к звучанию музыки, в том числе гитары. Я удивился тому, что так далеко до ожидаемого события люди могут продумывать действия, которые, по их мнению, могут привести к положительному результату.

Мои жена и дочь оставались в Берлине. Жена к тому времени работала в «Техцентре», а дочь Анжелика училась в посольской школе, куда на микроавтобусе возили всех советских детей, живущих в районе Панков.

В понедельник рано утром Виктор Боголюбов увёз меня в аэропорт Шёнефельд. Тогда у меня была хорошая привычка – ещё до взлёта уснуть и проспаться весь перелёт. На этот раз у меня было интересное соседство – Валентин Зорин, политический обозреватель, возвращавшийся из ГДР. Он сидел на заднем от меня ряду с незнакомым мне мужчиной и удивлял не только меня, но и других пассажиров своей способностью бесконечно говорить. Он говорил о политике и жизни весь перелёт с перерывом на обед, просвещая окружающих.

Я был рад такому интересному соседству. Какой бы темы он ни касался, чувствовалось знание жизни с её разнообразием нравов, правды, чести и лжи. Удивляла смелость его суждений, возможная при его авторитетном положении.

В самолёте, если я не сплю, люблю смотреть в окно во время взлёта и посадки, пытаюсь почувствовать ощущения птиц и те, которые довольно часто бывают у меня во время сна. Увы, не получается, всегда мешает ощущение опоры под пятой точкой. Великий Да Винчи на заре развития технической мысли всё стремился избавиться от этого ощущения тяготения, пристраивал крылья к своему телу и телам сподвижников, и всё напрасно – только низвергался с высоты и ломал кости себе и своим помощникам.

О, гордый альбатрос!
Свои порывы в небо я стремлю!
К тебе! К тебе! И слёз
Мне не сдержать – так я тебя люблю!

Слова великого мыслителя, олицетворяющие стремление человека к полёту тела и парению души. Мной, на этот раз, эти слова были обращены к Родине.

Ну что ж, в очередной раз мой самолёт спустился с синего полуденного неба на летнюю землю. Посадка была мягкой, и скоро нас выпустили на трап.

Перед выходом на трап я коротко, благодарной улыбкой прощаюсь с девушками-бортпроводницами, как будто имен-

но от них в первую очередь зависело благополучное окончание моего полёта. Хотя они сами на сто процентов зависят от надёжности металлического «коня», которого я всегда тоже благодарю, постучав ладонью по арке выходной двери. Выйдя на трап, сразу чувствуешь свежесть воздуха Земли – этого бескрайнего эликсира невероятного вкуса, которым невозможно досыта насладиться после полёта. А своенравный тёплый ветерок приятно щекочет открытые части тела.

Было приятно ощутить твёрдую почву под ногами и движение к дому, который часто всплывает в сознании в разных образах, когда находишься долго где-то далеко от Родины.

Пройдя пешком до стеклянного тамбура первой российской авиагавани – Шереметьево, мы прошли в здание аэровокзала, который встретил не очень приветливо. Было многолюдно, и от этого здание казалось тесным. Свободных тележек для багажа не было, а носильщики чуть ли не за пиджак хватали, предлагая свои услуги за немалые деньги. Родная реальность очень скоро своим всемогущим лассо остановила полет сентиментальной души. «Я дома», – сказал я сам себе.

До конца рабочего дня ещё было время, и я успел побывать в «Техстанкоэкспорте», затем в Минмаше на площади Ногина, где обменял загранпаспорт на общегражданский.

Уже в восемь вечера я ужинал в буфете гостиницы ВДНХ. Рано утром на метро я доехал до городского аэровокзала, где уже сел на рейсовый автобус, идущий до аэропорта

Домодедово. Когда я проезжал среди подмосковных лесов, которые в веках видели многие полчища иноземцев, у меня всегда в душе возникал трепет от чувств людей, встававших с оружием в руках плечом к плечу, а впереди их ждала только победа или смерть. Мне ничего подобного пережить не пришлось. Я, благодарный тем людям, ехал по дороге свободной страны с богатой историей, иногда противоречивой, идущей своим, отличающимся от других стран, путём. Судя по событиям, в которые я невольно вник за последний год, будущее нашей страны вновь виделось туманным.

Новосибирский аэропорт Толмачёво встретил тихими сумерками и провинциальным безлюдьем. На автобусе я доехал до площади Станиславского, где в старенькой двухэтажке, построенной ещё во время войны и давно подлежащей сносу, жила моя сестра Нина.

Глава 7. Одиннадцатилетний «мужик» – старший в доме

Нина, самая старшая из детей, бежала в своё время из деревни с семилетней дочкой Людой от мужа – алкоголика и изверга. Она всегда была жизнерадостная, улыбочивая, в деревне работала в магазине, где просто, вежливо и с улыбкой обслуживала своих покупателей. Но этого было достаточно, чтобы муж её Иван, будучи ревнивцем, напившись, гонял её и нередко бил. В деревне его все боялись за скандальный характер, за пристальный, суровый, немигающий взгляд бесцветных глаз. Он был высок, с большой, всегда лохматой головой, посаженной на крепкой шее. Своей головой он часто в драке пользовался, сбивая с ног противника. Когда он бывал сильно пьян, становился неуправляемым, и сестре приходилось заранее прятаться от него где придётся. Нередко он приходил к нам, ища сестру. А однажды он заявился к нам с ружьём и, дважды выстрелив по закрытым ставням, удалился. Очевидно, патронов, кроме тех что были в двух стволах, у него больше не было, и мы вскоре вышли на улицу. Я не знаю, боролась ли как-то власть с этим буяном, но однажды заезжие артисты пели на концерте в клубе частушки, в которых высмеивали Ивана-пьяницу. И неизвестно, сколько ещё могло это длиться, если бы однажды три брата по фамилии Гаар не посадили Нину с дочкой на грузовик и не увезли в

Барабинск. Там двоюродные сёстры по отцовской линии купили ей билеты на поезд и отправили в Новосибирск.

Новосибирск тогда быстро развивался, строилось жильё для рабочих заводов, асфальтировались дороги, которые до сих пор были уложены плетеными немцами брусчаткой. Нина без труда устроилась на работу на один из заводов и получила комнату. Через три года, когда мама с тремя младшими детьми приехала в Новосибирск, Нина уже могла помочь маме собрать деньги на покупку маленького домика на улице Гризодубовой, состоявшего всего из двух маленьких комнат. Но и этим все были счастливы. Нина всегда была маминой опорой в жизни.

От площади Станиславского мы с сестрой добрались до посёлка Южный на трамвае. Домик, который ещё до моего выезда в Германию был перестроен и расширен в два раза, теперь показался мне маленьким и убогим. Когда я проходил по дорожке у дома, постучал в окно и помахал маме рукой. Увидев меня с бородой, она не узнала меня и велела моей младшей сестре Людмиле запереть дверь на замок. Окладистая чёрная борода, которую я отпустил по приезде в Германию, превратила меня, как говорили многие мои друзья и родственники, в неузнаваемого человека.

Маме тогда было семьдесят два года. Несмотря на тяжёлую жизнь, она выглядела бодро и, как всегда, хранила сдержанную улыбку. Переехав в Новосибирск в 1963 году, она до семидесяти лет работала на хлебозаводе, перетаскивая лот-

ки с хлебом. Оставшись без мужа, с восьмью детьми, она всю свою жизнь вынуждена была покорно делать всё необходимое, чтобы хоть как-то прокормить и одеть детей. Деревенские условия жизни были тяжёлыми, и она делала любые, часто непосильные мужские работы. Дома она сама шила на машинке «Зингер», вязала, подшивала валенки, вышивала и приучала всех детей делать эту работу. Тогда вся эта работа была для нас естественным делом.

Наш отец умер 11 апреля 1956 года, когда ему было сорок девять лет, а маме было сорок два года. Теперь я понимаю, какими молодыми они тогда были. Отец работал ветеринаром и обслуживал шесть деревень в округе. Мама в свободные от родов годы работала в колхозе, а в какие-то годы – санитаркой у отца. Он часто привозил домой ветеринарные инструменты, грязные пробирки после анализов у животных, которые мама и мы, подростки, помогали мыть в специальных растворах в огромных ваннах. Эти запахи креолина и другие ветеринарные запахи подолгу оставались в маленьком доме и в одежде. Отец был быстрый и горячий, но никогда не занимался дома с детьми уроками. Да и вообще все дети учились самостоятельно, помогая друг другу. Очень боялись, если родителей вызывали в школу. Иногда зимой отец привозил домой две-три большие щуки, которых мы разделывали, перекручивали на мясорубке и стряпали рыбные пельмени. Редко случалось, чтобы он что-то с нами делал на кухне. Он почти всегда был на работе, и мы его

видели только по вечерам, и то не каждый день. Он часто помогал деревенским людям с обслуживанием домашних животных, нередко его угощали выпивкой. Когда он приходил домой под хмельком, был с нами веселей, чем обычно, мы его тогда не боялись и любили играть с ним, кататься на нём верхом. Никогда мы не слышали, чтобы мама ворчала на отца по поводу выпивки, но мы понимали, что это плохо. У мамы был покладистый характер, но, несмотря на то что к спиртному она относилась категорично отрицательно, мужу перечить не смела.

Бедая случилась на работе на скотном дворе во время кастрации. Бык вырвался из верёвок и сильно ударил отца рогом в грудь. Ему предлагали лечь там же на нары, чтобы оказать помощь. Но он отказался и пошёл домой. По дороге он зашёл к Нине в магазин, попросил полстакана водки. Выпив, он смог дойти до дома, лёг в кровать, не раздеваясь, и, казалось, уснул. Мы сидели молча в рядок на деревянном си-нем диване, словно чувствовали, что происходит что-то выше нашего понимания. Мама была дома, и она сразу всё поняла. Она подошла к отцу, обняла его и приглушённо всхлипывала. В голос она никогда не плакала, словно боялась на-кликать ещё большую беду.

На кладбище все шли за гробом, шлёпая башмаками по весенней грязи. Нас, самых маленьких, везли в плетёном коробе на отцовской рабочей упряжке. Хоронили отца под ружейный салют как фронтовика 13 апреля 1956 года. Мне бы-

ло семь лет. Младше меня были ещё два брата – Витя и Саша и сестра Люда. Старше нас из несовершеннолетних были ещё двое: сестра Люба, двенадцати лет, брат Вовка, четырнадцать лет. Брат Иван тогда уже служил в армии.

Сразу после смерти отца мы поняли, что такое жить без кормильца. Мамино здоровье из-за переживаний подорвалось. Она всегда была бледной, с синими губами, почти всегда лежала и не только не работала, но и дома ничего не могла делать. Каждый раз, когда ей становилось совсем плохо, её увозили за двадцать пять километров в соседнюю деревню Новоярково, где была больница. Лежащая на телеге на подстилке из сена мама была безучастной ко всему происходящему. Мы немного провожали маму по деревне, держась за телегу, успокаивали её, что дома справимся, и каждый раз не знали, привезут ли её обратно живой. Нам не говорили, что с ней. Так длилось несколько лет. Когда она бывала дома, приходила деревенская бабушка, которая маму лечила: что-то шептала, поила травами, ставила банки. Невольно в такой ситуации у всех детей появились свои посильные обязанности, и мы сами вынуждены были добывать пищу.

Когда мне исполнилось восемь лет, уже в том возрасте приходилось ловить рыбу, заниматься огородом. Подрастая, старшие работали в колхозе на взрослых работах, а мы с Витей летом уже работали на покосе. Во время сенокоса мы верхом на коне возили копны к стогу, подскребали сено. Хорошо помнятся скачки на лошадях, когда пронзитель-

но звучно и долго разносился звук ударов по подвешенной рельсе, означающей, что пора на обед. Мы летели на перегонки к пристани озера, где купались в воде прямо с лошадыю, спасаясь от назойливых паутов. Победителя скачек ждала традиционная дополнительная поварёшка супа. Я часто благодарил свою кусачую кобылу по кличке Луна, которая обеспечивала меня сытным обедом. Колхоз за работу деньги не платил совсем, а начислял трудодни. Трудодень – это условная единица, за которую начисляли от полутора до четырёх килограммов зерна в день, с выдачей осенью убран-ным урожаем. Помню, всё лето люди постоянно говорили о погоде, от которой зависел урожай. Будет хороший урожай – начислят больше зерна на трудодень.

Полученную за трудодни пшеницу мы привозили домой и складывали в кладовку. Каждый зимний месяц мы брали из кладовки по одному мешку зерна и на санках везли на колхозную мельницу, где его мололи в муку. Однажды привод-ной мотор, вращавший жернова, сгорел, и мельница долго не работала. Для нас это было серьёзным испытанием. Тогда нам приходилось больше ловить рыбы и выменивать у сель-чан на другие продукты. Причём рыба оценивалась очень дё-шево, что нам казалось несправедливостью. Государство вы-плачивало маме деньги только за потерю кормильца – два-дцать пять рублей в месяц. Как правило, деньги мы тратили на самое необходимое: керосин (в деревне не было электри-чества), соль, спички, дрожжи настряпню и т. д.

Электричество появилось, когда я уже пошёл в четвёртый класс. Каждый хозяин около своего дома должен был выкопать яму определённого размера для установки столба. Испытывая огромную радость от предстоящего события, мы, мальчишки, одни из первых в деревне выкопали яму у своего дома. К началу зимы в деревне появилось электричество. Это был настоящий праздник. Ничего более яркого и праздничного в детстве я не помню. Под строгим контролем старших мы по очереди включали или выключали свет дома. Баловство с выключателем не допускалось. Современные дети не понимают той радости, которую испытывали мы, пользуясь выключателем. Наконец мы смогли уйти от керосиновой лампы и чистки её задымленного стекла.

Так шёл год за годом, а мама по-прежнему нигде не работала, но постепенно её здоровье улучшалось. Всё чаще рано утром, особенно холодной зимой, сквозь сон мы слышали мамины шаги по дому, треск горящих дров в большой русской печке, чувствовали распространяющееся по дому тепло. Когда большая русская печь прогорала, мама загребала угли в одну сторону и ставила тесто в формах к поду печи. Через час по дому уже растекался запах свежего хлеба, который уже больше не давал уснуть, и мы перебирались на тёплую печь. Если мама стряпала ещё и блины, оладьи, пироги или просто лепёшки, она подавала нам готовые прямо на печь. Тогда мы осознавали, что значит здоровая мама, и всегда помогали, чтобы она не болела.

Старшие, подрастая, уезжали в город учиться или работать. Когда сестра Люба в свои пятнадцать лет уехала в Куйбышев Новосибирской области учиться в медучилище, она освободила мне, одиннадцатилетнему «мужику», место старшего в доме. Надо сказать, что детство помнится часто голодным, холодным, но насыщенным на события, вольным и вовсе не трудным. Казалось, что жизнь такая и есть, и другой она быть не может. Хотя мы видели, что в некоторых семьях, где оба родителя были живы, дети имели больше свободного времени и часто звали нас играть в лапту, в войну или на озеро. Но мы не всегда могли позволить себе это. Мы сами для домашних животных косили сено литовкой в лесу между околками, где колхоз из-за неудобья и малых размеров оставлял участки брошенными. Но для нас это лесное богатое разнотравье для заготовки сена казалось самым лучшим, особенно если оно вовремя скошено, высушено и сложено в стог. Зимой, когда мы давали сено корове, козам или даже поросёнку, душистый запах высушенных летних трав распространялся по хлеву, и сам двор как-то облагораживался. Косить сено – это физически очень трудная работа, и наши детские руки быстро уставали. Но случалось, когда колхозные косари, видимо, из жалости, проезжая мимо на обед или по окончании работы вечером, подкашивали нам пару кругов. Шли они на прицепных косилках в пять-шесть штук одна за другой, и это сразу давало нам большую прибавку к скошенному за день. Мы в знак благодарности набирали

косарям в кустах смородины или тут же в траве землянику или грибы.

Осенью по первому снегу на лошади, запряжённой в сани, возили сено домой. А когда снегу становилось много и на лошади невозможно было по глубокому снегу пробраться к стогу, колхоз притаскивал стог целиком на тракторе, опоясав тросом.

Помню, однажды в начале ноября мы с братом Витей приехали в лес километрах в трёх от деревни за сеном и остановились у полевого стана. Запряжённую в сани лошадь поставили у специального длинного бревна, предназначенного для привязи коней во время сенокоса, когда их бывает до двадцати и более одновременно, а сами ради любопытства зашли внутрь покопаться в старых железках от разной техники, брошенных здесь за ненадобностью. Вскоре мы услышали ржание и громкое фыркание коня на опасность. Мы быстро вышли из дверей помещения и сразу увидели волка метрах в семидесяти от нас. Он спокойно бежал по снегу по протоптанной тропе совсем недалеко от стана, и по всему было видно, что он сытый и нападать на нас или на лошадь не собирается. В это время года волки ещё сыты. Тем не менее мы решили спугнуть его, может больше от страха. Мы забежали внутрь, взяли первые попавшие в руки железки и, выбежав опять на улицу, стали громко стучать ими, идя волку навстречу. Волк на мгновение остановился, как бы удивляясь нашему недружелюбию, повернулся и, не глядя на нас,

спокойно рысцой побежал мимо. Конь успокоился, и мы, тоже слегка взволнованные встречей с диким животным, решили больше время зря не тратить и направились к небольшому копяку, у которого и планировали накласть возок сена.

Тут же я вспоминаю о другой встрече с волком в августе прошедшего лета, когда я ходил на куропаток. Барабинские околки, преимущественно состоящие из берёз, гостеприимно принимают в свои ряды редкие осины в окружении кустарников. Берёзы тогда уже начали золотеть, а осины резко контрастировали с берёзами гранатовым и бордовым цветами листьев. В тот день удача не сопутствовала мне, и я, дойдя до леса Бехтенской гривы, уже собирался поворачивать домой, как вдруг метрах в десяти от меня из-за кустов выбежал волк и остановился как вкопанный, подняв одну переднюю лапу, как это иногда делают собаки. Он был очень похож на моего пса Пирата, только тот был мельче, оставленного дома из-за его вздорного характера. Пират часто бывал непослушным, мог убежать далеко от меня и раньше времени испугнуть птицу.

При виде волка мне ничего не стоило поднять ружьё и выстрелить в воздух, спугнув зверя. Но я тоже, как волк, стоял неподвижно и смотрел в его карие глаза на серой морде. Он постоял несколько секунд, показывая свою выдержку и независимость, затем медленно повернулся, пару раз оглянулся то через одно плечо, то через другое, словно раздумывая: надо ли ему ретироваться и не собираюсь ли я поднять

на него ружьё.

Я, поскольку уже собирался возвращаться домой, тоже повернул к деревне. Не однажды оглянувшись – не передумали ли зверь уходить прочь? – я пошёл в противоположную от волка сторону, слегка испытывая мурашки по телу.

Встреча с волком произошла там, где в начале осени мы с Витей рубили сухие берёзы и осины на дрова и возили на бричке с высокими бортами, похожими на лестницы, чтобы лесины не сваливались с воза.

В начале зимы по окрепшему льду мы косили на озере камыш и, увязав верёвками, возили домой по льду на самодельных широких санках. Это дело было обязательным. Камыш использовали как для изготовления различных изгородей дворов, из-за дефицита пиломатериалов, так и для топки печи. Заготавливать камыша приходилось много, так как в печи он сгорал быстро. В летнее время мы делали кизяк, который зимой в печи горел очень хорошо, но не так быстро как камыш и давал много тепла. Кизяк делался из накопленного за зиму навоза от животных. Навоз укладывался в ограде огромным блином в диаметре метров пять, и толщиной сантиметров сорок – пятьдесят. Эту массу навоза поливали водой, добавив резаную солому, и месили лошадью часа два-три до превращения его в однородную массу. Затем полученный состав накладывали в специальную деревянную форму размером чуть больше кирпича, утрамбовывали ногами и выкладывали из формы на землю для сушки. Подсох-

ший кизяк складывался в пирамиды, и после полной просушки его прятали от непогоды под навес. Вся эта ответственная работа по изготовлению кизяка длилась недели две, в зависимости от погоды. Иногда нам разрешали резать лопатой в кошаре овечий слой навоза, который тоже использовали для топки большой русской печи в долгую холодную зиму. Топили печь долго, тем не менее, старенький домишко плохо держал тепло, и под кроватями на стене, и в углах дома мы скоблили блестящее серебро измороси.

Обычным и обязательным делом летом для всех, включая малышей, было собирание ягод, грибов и других всевозможных даров природы не только для повседневной еды, но и для заготовки на зиму. Охота и рыбалка – это отдельная история. Это было нечто из разряда увлекательных дел, которые мы исполняли не по обязанности, а по огромному желанию и с удовольствием. У нас были две лодки. Одна – алюминиевая плоскодонка, подаренная городскими охотниками за настрелянную для них дичь. Вторая лодка была деревянная долблёнка, которую мы нашли в камышах старой, дырявой и наполовину затопленной. Причём в лодке валялось чьё-то старое и ржавое ружьё. Поскольку деревенские мужики бесследно не пропадали, мы сделали вывод, что хозяин этого имущества был не местный и, скорее всего, утонул или ещё что-то с ним случилось. Не найдя хозяина, мы притащили лодку на свой берег и привязали к своему причалу на цепь. Заклеив все дыры и зашпаклевав швы, мы с радо-

стью и гордостью пользовались ею, пока не уехали совсем из деревни. Дичь и рыбу, которую мы добывали, вялили и солили на зиму. Вяленую подвешивали в мешках, а солёную хранили в бочках. Как правило, к концу февраля все запасы в кладовке заканчивались, и мы переходили на подлёдный лов. В этом деле трудным было только долбить прорубь пешнёй и поддерживать её не замерзающей. Прорубь должна была быть шестьдесят – семьдесят сантиметров в диаметре. Толщина льда за зиму порой достигала одного метра, в зависимости от морозов. При большой толщине льда одну прорубь иногда долбили часа три-четыре. Сама ловля рыбы была интересной и азартной. На проволоочное кольцо натягивалась мерёга (сетка). От кольца кверху шли три-четыре стропы, которые заканчивались одной более крепкой верёвкой. Чем толще лёд на озере, тем меньше оставалось воды, и рыба начинала испытывать кислородное голодание. Мы спускали в прорубь сачок, рыба, изголодавшаяся по воздуху, минут через пять – семь накапливалась в проруби и жадно глотала воздух. Нам оставалось только аккуратно, не вспугнув её, быстро выдернуть сачок из воды уже с рыбой. Добыча иногда была до десяти штук зараз. Тех рыб, что были мельче, мы отпускали. За полдня добыча иногда составляла ведро и больше. Такой рыбалкой, как правило, мы занимались в воскресенье, и рыбы нам хватало до следующего выходного. Конечно, на ветру было холодно, шуб и тулупов у нас не было. Фуфайка была излюбленной одеждой, а что такое шарф, мы

не понимали. С началом зимней рыбалки мы строили возле проруби укрытия из снега высотой до полутора метров, нарезая пилой снежные блоки. Для крепости стен кладку обливали водой. Идя на рыбалку, всегда брали с собой хлеб и соль. Как только пойманная рыба замерзала, в основном это были окуни, мы, срезав верхний слой шелухи и плавники, нарезали рыбные пластинки, клали на нарезанный хлеб, солили и, давась слюной, уплетали эти бутерброды. Правда, такого слова мы тогда не знали. За зиму мы с братом сами вязали две-три новые сети, которыми уже со второй половины мая ловили рыбу с лодки. Кольца – грузила сетей – мы делали из проволоки, а поплавки свивали из бересты берёз, коих в лесу было достаточно.

Осенью на открытие охоты к нам в деревню приезжали разные охотники, даже прилетали на вертолёте и на одномоторном самолёте, который садился на плотном грунте озёрной песчаной отмели. Сбегалась вся деревня, не только ребята. Как-то летом моего старшего брата Володю взяли в вертолёт, чтобы он показал лучшие места охоты. В деревне мы славились удачливыми рыбаками и охотниками. На Вовку мы смотрели с завистью. Но, вернувшись из полёта и уже выйдя из вертолёта, он коротко сказал: «Не понравилось, сильно трясёт и страшно». Ему было четырнадцать-пятнадцать лет.

Приехавшие на охоту располагались кто в палатках, а кто в стогах сена или в скирдах свежей соломы. Вскоре многие

из них оказывались выпивши, и им было не до охоты. У них была своя радость. Мы же ловили рыбу сетями от трёх до пяти вёдер каждый день. Поставив сети вечером, утром мы уже снимали их и вывязывали рыбу. Всю рыбу передавали охотникам свежей или пластали её и тут же солили: клали в довольно большие углубления в песке ближе к воде, перекладывая солью, ограждая от стен камышом. Чтобы рыба от солнца не нагревалась в яме, тщательно накрывали сверху камышом. Перед возвращением домой охотники с удовольствием брали у нас и свежую, и солёную рыбу, которую мы выполаскивали в чистой воде и складывали в мешки или вялили, разбросав по траве.

Что касается озёрной дичи, то мы её настреливали каждый день по десять – двадцать штук. Иногда, как мы выражались, в «утиный год», было черно от гагар, особенно на озере Писарева. Это озеро было богато растительным кормом, так что по нему нельзя было плавать на лодке с мотором. Винт заматывался крепкой травой, росшей с самого дна озера. На своей долблёнке на вёслах мы особенно легко добывали чернедей, чирков и гагар-лысух, у которых мясо было диетическое, как у кур. Охотиться мы любили именно на озере Писарева. Плывая по ветру, почти не работая вёслами, мы постепенно притесняли птицу. Через некоторое время чернеди взлетали вертикально, и стрелять их было сложнее. А гагары взлетали, разбегаясь против ветра, как самолёт, то есть нам навстречу. По-другому гагара не взлетает. В таком слу-

чае промахнуться было трудно.

Достаточно много дичи мы отдавали охотникам. Мы с удовольствием обслуживали их. Они, в свою очередь, не скупились на провиант. Капсулы, порох, дробь, пыжи, чучела, профили на гусей – всего этого у нас было в достатке. Мы были счастливы! У охотников мы не спрашивали об их счастье. Думаю, что они время потратили не впустую. Ведь все цели достигнуты: провиант использован, а дичи и рыбы полная кошёлка. А удовольствия от общения с природой каждый получил по мере своего аппетита, вкуса и количества спиртного. Каждый год нашего детства – это целая череда различных историй, которые вспоминаются как повесть о жизни детей, попавших в почти дикие условия существования и выживания.

Когда шёл мне шестнадцатый год,
Со мной август прощался в миноре —
Срок пришёл разбирать старый плот
И покинуть охотничьи зори.
При костре, тычась в темь, камыши,
Как молитвы, мне шёпот дарили,
В небе клёкоты были слышны
Тех, кто гнёзда на озере свили.
Я наутро раздал провиант
И охотничьи тульские ружья,
Лишь собаку по кличке Пират
Не велела предать наша дружба.

Он ходил всё за мной по пятам,
И плескалось в глазах его небо,
Он скулил по любым пустякам,
А под вечер не съел даже хлеба.
Я себе и представить не мог,
Что мне в городе делать с собакой...
А Пират всё под тучею мок,
А наутро он сдох под корягой.
И осенний рыдал небосвод,
И собаки – не дети ли? – выли,
Я свершил с ним последний поход,
Схоронив за погостом в могиле.

В конце августа 1963 года я уехал учиться в город Барановичи. Живя в общежитии, я сначала был совершенно потерянным, и моя жизнь утратила привычный ритм, обязанности и смысл. Жить стало скучно. Учёбу в железнодорожном училище, куда я поступил, серьёзным или трудным делом я не считал. Но постепенно меня захватило совершенно новое и интересное направление знаний – металловедение. А из-под наших рук выходили готовые настоящие, закалённые по всем правилам науки плоскогубцы, молотки, стамески, лекальные линейки и другие поделки. А сама наука открыла неведомые ранее подробности структуры и свойства металлов, их легирующих элементов. Нам было интересно всё: от загадок кристаллической решётки до свойств атомов и цветов побежалости во время термообработки, дающих получение

ние необходимых физических свойств.

К концу первого года обучения мама с двумя моими братьями и сестрой уехали из деревни жить в Новосибирск. Там всей роднёй собрали деньги и, как я уже рассказал, купили тот самый маленький домик.

Закончив в Барабинске железнодорожное училище и получив высший разряд слесаря-инструментальщика, какой только могли дать тогда выпускникам, я решил ехать в Новосибирск, где теперь уже жили все члены моей семьи. Там я поступил на завод «Сибтекстильмаш», который и дал мне старт в новую жизнь. А пока я ещё в Куйбышеве Новосибирской области на заводе «Автозапчасти», куда был направлен после выпускных экзаменов, быстро проел последнюю семирублёвую стипендию, зарплату ещё не заработал и перебивался подработками на товарной станции, где платили в конце каждого дня. Старенькая добрая хозяйка дома, где я снимал комнату, умерла. Пьяница сын со мной не церемонился и уже на следующий день после похорон выгнал меня. Несколько дней я ночевал на крыше его сеновала, до первого дождя. Испортившаяся погода окончательно подтолкнула меня ехать в Новосибирск.

Я нашёл в Барабинске моего младшего брата Витю, gostившего у маминого сводного брата дяди Симы, и мы решили ехать домой вместе. Не имея денег на билет, мы ходили вдоль вагонов и пытались договориться с проводницами проехать без билета. Но оказалось, что таких, как я, было

много. Окончив различные барабинские училища, выпускники разъезжались по своим родным станциям и сёлам. Нам отказывали, ссылаясь на ревизоров. Ничего другого не оставалось, как ехать на крыше вагона. Когда двери пассажирского вагона закрылись и поезд тронулся, то на крышах уже сидели кучками молодые ребята, в том числе и мы с Виткой и двое одноклассников – Антонов и Семёнов, ехавших в родной Чулым.

Было начало июля, и погода стояла замечательная. Встречный ветер раздувал рубахи и срывал фуражки. Постепенно привыкнув к скорости, мы испытывали азарт и даже играли в карты, прижимая их коленями и локтями. Наигравшись и подарив часть карт ветру, мы бегали по крышам, перепрыгивая с вагона на вагон, наклоняясь, чтобы не зацепить головой контактный провод. Беспокойство доставляли стрелки, на которых вагоны раскачивало, и была опасность свалиться вниз, но мы их видели издали по изгибам передних вагонов, для чего определяли одного смотрящего. При подъезде к станции Чулым – это на полпути до Новосибирска – пришлось слезть с вагона, так как по перрону ходили милиционеры и обходчики, проверявшие техническое состояние тормозной системы. Через полчаса поезд тронулся, и из-за наличия тех же милиционеров на перроне мы побоялись залазить на крышу вагонов.

Дело шло к вечеру, становилось прохладно, а ехать как-то надо было. Мы перешли на соседние грузовые пути и, вы-

ждав, когда следующий товарный поезд тронется в сторону Новосибирска, забрались на тамбурную площадку. Конечно, это не пассажирский поезд, но мы всё-таки двигались. На скорости пустой вагон изрядно трясло, качало, и летела в глаза оставшаяся в вагонах угольная пыль. На станции Обь, что в десяти километрах от Новосибирска, поезд остановился. Мы решили сбегать на вокзал попить и сразу наткнулись на милиционера, который буквально схватил нас за рукава. И только тут, при вокзальном освещении, мы, посмотрев с братом друг на друга, увидели, какие чумазые наши лица. Сдержав смех, на вопрос милиционера я нашёлся и соврал, что мы разгружали бабушке уголь в углярку, а сейчас едем домой к маме, назвав новосибирский адрес. Милиционер, очень высокий и худой, с добрыми глазами, махнул рукой и сказал: «Идите». Когда товарняк тронулся, мы опять заскочили на площадку вагона. Когда поезд выезжал со станции, он повернул с прямого направления направо, в сторону станции Инская, но это нам было не по пути. Пришлось спрыгнуть на ходу. До дома оставалось ещё километров шесть-семь. К двум часам ночи, усталые и голодные, мы доплелись по полутёмным улицам домой. Мне было тогда семнадцать лет, а Виктору – шестнадцать.

С тех пор прошло восемнадцать лет. Теперь я приехал к маме из очередной командировки, но уже не «зайцем», с чистым лицом и с другим жизненным багажом. Мама бодрилась, глаза её светились добром и радостью. Она всегда бы-

ла внимательна к людям, и у неё постоянно был полон дом гостей, и не только родственников. Кому-то она сочувствовала в их бедах, кому-то давала советы, а кого-то угощала кормёжкой. Мама стряпала очень вкусные, пышные пироги с ливером, картошкой, луком и яйцом, зеленью или с разной ягодой из варенья. И на этот раз, когда я приехал без предупреждения, у мамы оказались мои любимые пироги с луком и яйцом домашних кур, которых держали как последнюю частичку прошлой сельской жизни. После долгих разговоров за полночь я хорошо выспался, как это всегда бывает дома после долгого отсутствия.

Глава 8. Предощущение разрушения Берлинской стены и своей семьи

Наутро я появился в, святая святых – Новосибирской телестудии. Режиссер Ерназарова Раиса Мулдашевна встретила меня в своём небольшом кабинете и как раз разговаривала о завтрашней съёмке на заводе.

Она положила трубку, и я назвал себя. Она живо встала и, улыбаясь, протянула мне руку для приветствия:

– Здравствуйте, Жуков. Я думала, вы убелённый сединой мужчина, а ты ещё, по сути, юноша, – перешла она на «ты». Она была средних лет, хорошо слажена, с восточными глазами на приятном лице и открытой улыбкой.

– Спасибо, Раиса Мулдашевна, за «юношу», но я уже давно перевалил за возраст Христа, и мне давно, наверное, заготовлены гвозди за мои грехи.

– Не кощунствуй, Христос страдал не за свои грехи, а за искупление грехов всего народа. А ты, если сильно нагрешил, зачем согласился сниматься? Мне ведь в фильме нужны достойные герои, каких я уже многократно снимала.

– Значит, я из тех грешных претендентов, которым везёт, и они всегда случайно попадают в какие-либо интересные истории, будучи тайным грешником. Кто признаёт свои грехи добровольно, покажите мне пальцем. На первый взгляд все хороши, а покопаться...

– Но начальство назвало тебя в качестве главного героя по экспорту. А это значит, что мне предстоит открыть твои грехи во время съёмок. – И она по-девичьи засмеялась. – Кстати, ты привёз какой-нибудь план съёмок в Германии?

– Да, согласно вашей телеграмме, я набросал географию съёмок по республике и список тех немецких товарищей, которые согласились участвовать в съёмках. Предварительно со всеми согласовано. – И я передал ей несколько листов на скрепке.

– Хорошо, я почитаю позднее, а сейчас нас ждёт оператор – кое-что запишем. И ещё имей в виду, завтра будем снимать на заводе, никуда не пропадай. Своим коллегам я заказала пропуск.

Она завела меня в гримёрную, где совсем молоденькая девушка мягкой кисточкой пощекотала моё не привыкшее к подобным ласкам лицо и с придыханием спросила:

– Как там жизнь за границей?

Я улыбнулся в её невинные глаза и так же таинственно ответил:

– Дома значительно лучше.

Её глаза сделались серьёзными и недоверчивыми.

– Вы даже не представляете, насколько дома лучше, – добавил я.

– А я хочу за границу, – серьёзно выговорила она и открыла мне дверь.

Она проводила меня в зал с аппаратурой для просмотра

отснятого материала, где ожидала Раиса Мулдашевна.

Десять минут она ещё «разговаривала» меня, и там же мы попили чай. Затем я ответил на подготовленные ею вопросы. Через полчаса официальная часть закончилась. Раиса Мулдашевна к тому времени была уже опытным и авторитетным режиссёром. Она была замужем за известным новосибирским режиссёром Ю. А. Шиллером, который в то время был на съёмках где-то на Севере. Зато меня познакомили с поэтом и композитором, работавшим на телестудии, Борисом Мурашкиным. Уже втроём мы проболтали несколько часов, и мы с Борисом почитали свои стихи. Перед расставанием Борис предложил послушать его новую оригинальную музыку. Музыка и произвольная часть нашей встречи доставила удовольствие большее, чем сами съёмки интервью, имевшие официальный регламент.

Следующие несколько дней я занимался на заводе разными делами. Выяснилось, что одна из новых моделей ткацкого станка недостаточно надёжно работает в четырёхцветном режиме, которые предстоит поставлять на экспорт. Я получил задание на изучение именно этого момента на станках конкурента.

Незадолго до отъезда я повстречался со старым другом Владимиром Модестовым, с которым по молодости работали на заводе вместе и дружили семьями. Он пригласил меня домой, пообещав сюрприз.

Вечером дверь в квартире Модестова открыла статная

блондинка с короткой причёской, с добрыми голубыми глазами. Я был некоторое время в растерянности, думая, что ошибся адресом.

– Лидия, – сдержанно улыбаясь, представилась женщина. – Проходите, я жена Володи, и я и есть тот самый сюрприз, о котором он вам говорил. – Лидия подала мне альбом с фотографиями со словами: – Любовь круто изменила наши судьбы. Ничего нельзя было поделать. Я ведь тоже была замужем. Правда, детей не нажила. А у Володи это больное место – первый его сын Димка остался с мамой.

Вскоре дверь открылась, и зашёл Владимир с маленьким мальчиком на руках:

– Знакомься, Николай, это Владимир Владимирович, мой второй сын.

Мы поприветствовали друг друга.

– Везёт тебе, Володя, опять мальчик.

– А как твоя семья?

Мы вошли в зал, где уже был накрыт стол, стояла бутылка вина и вкусно пахло.

– Анжелика учится, у неё всё хорошо. С женой, в принципе, всё нормально, но есть разногласия по политическим вопросам. Она – за «жёлтых», я – за «зелёных».

– Где вы нашли такие партии?

– Партия одна – идеологии разные, они порой и разносят нас на разные полюса.

– Знакомо, знакомо. Я, как видишь, круто поменял свою

судьбу. Лидия моя – художник по костюмам в театре, там и познакомились. И я теперь там же работаю, руковожу электротехническим цехом. Домой из командировки скоро вернёшься?

– Если всё будет нормально, то в мае. Но обстоятельства могут сложиться так, что и сам не знаю, когда.

– Очень интересно, конкретно и загадочно. Что, так плохо?

– Да, в общем, неплохо, я бы сказал, в рамках человеческих интриг, нечеловеческих правил. Там особый котёл, где из нормальных людей делают нечто не похожее на то, что делали родители, школа и даже улица. Всё зависит от того, кто ты сам и насколько податлив на соблазны.

– Возвращайся домой. Я вижу, у тебя-то твёрдости не убавилось, хоть по Виккерсу проверяй. У тебя и на заводе было всё неплохо.

– Понимаешь, при всех недостатках работы за границей там интересно. Познаёшь новый мир, новых людей, в том числе иностранцев, что особенно интересно, а на их фоне познаёшь и себя, не имею в виду себя лично. Да и зарплата неплохая, знаешь ли, дело немаловажное. Там изнутри видишь происходящие события и несколько по-другому оцениваешь, чем, если бы их пытался понять со стороны – из дома, например. Не только какие-то простые, бытовые или деловые, но особенно те, которые отвращают своей нечистоплотностью. Для московских чиновников, по крайней мере

там, где я работаю, человек из глубинки – это помеха в некоторых делах. В политике, хотя напрямую она меня не касается, дела ещё более непредсказуемы. Я уже сейчас могу сказать, что надвигаются такие события, которые, как огромные тектонические сдвиги, могут разрушить весь сегодняшний ландшафт жизни. Результат будет непредсказуем. Это не выдумка. В ближайшее время, например, ГДР будет сдана западным немцам.

– Ну, этого быть не может. А как знаменитая стена? Это же тогда развалится весь Варшавский Договор.

– Не знаю, насколько это коснётся других стран, но обе Германии будут объединены.

– Но об этом ничего не говорят по телевидению.

– Скоро услышим. Я это знаю лично почти от первоисточника.

– Ну, ты прямо разведчик или пророк какой-то. А что касается человеческой нечистоплотности, так она и здесь есть. Кто имеет доступ к дефицитным товарам, к продуктовым магазинам и базам, тоже имеют достаток, и понятно, что это некрасиво.

– То, что происходит здесь, это вынужденные поступки голодных людей. Делаю акцент на слове «голодных». Но ведь там-то есть абсолютно всё. Там наши люди, работающие за границей, с точки зрения обычных людей, состоятельные, сытые товарищи. Представляешь, там полки завалены продуктами, которые по истечении определённого срока пере-

оценивают, и они стоят вообще копейки. Там причина в другом. Там, нашими людьми правят глупость и алчность – в большом и в малом. И нет граней в понятии достаточности.

– Может, ты ошибаешься и напрасно обостряешь. Если честно, Николай, завидую тебе. Я бы даже заплатил, чтобы повидать мир. Но ведь не вырваться, да и денег надо немало. А ты, просто работая, имеешь возможность попутно всё это видеть в реальности.

Лидия деликатно слушала, вставляя шуточные реплики, пытаясь свернуть нас с серьёзного разговора. Выпив и хорошо перекусив, мы ещё долго болтали. Я стал собираться, а Владимир вызвался проводить меня до моей квартиры, где сейчас жила семья моих знакомых.

Выйдя на улицу, Владимир заговорил:

– Что-то, Николай, ты недоговариваешь. Что творится в твоей семье? Можешь не говорить, но я твой старый друг, пойму.

– Ты прав. Сидит во мне заноза много лет. Разные мы с Галиной. Ей интересны шумные компании. А мне скучно с ней, и ничего не могу с собой поделать. Хотя, ты знаешь, могу и выпить, и гитару взять. Когда мы с ней познакомились, ей было пятнадцать. Уходил в армию, ей было семнадцать лет – малолетка. Договорились, что будет ждать. Когда до дембеля осталось полгода, одноклассники прислали мне письмо, что она неверна мне. Сначала думал, что это розыгрыш или по злобе. Конечно, переживал. А когда демобилизовался и при-

ехал в городок, где она училась, она не стала отказываться, что деревенский забулдыга Сорокин приезжал и жил у неё. Теперь я удивляюсь себе, что меня тогда сдержало от разрыва с ней сразу. Может, то, что до армии мы не были мужем и женой и формально она была вольный человек и не обязана была ждать. Если не брать во внимание данное слово. Всё-таки тогда я решил жениться, был настойчив, и, естественно, она согласилась. Сам виноват. Всё это осело на душе и, как червячок, не давало покою. Но за все прошедшие годы я её ни разу не попрекнул. Наверное, это из детства: трудности есть во всём, идеального ничего не бывает. Уже когда были женаты и она некоторое время отработывала по направлению в сельской школе и жила в деревне, она пыталась прервать беременность с помощью какой-то деревенской медсестры. Зачем она хотела это сделать? Наверное, просто не любила меня. Слава Богу, что не получилось у них – дочь хорошая растёт, теперь уже большая. А по прошествии многих лет всё то, прошлое, не забывается, и трещина только увеличивается. Раз любви нет, то мои руки развязаны.

– Да, Николай, трудно тебя осуждать.

– Ты знаешь, без чувств, без любви всё это не наполняет человека радостью и не делает его счастливым.

– Сочувствую. Раньше у меня в семье тоже были скука, несогласие и скандалы. Тоже думал, что любовь – это красивая выдумка. Нет, любовь есть! От животной чувственной страсти до жертвенного чувства преданности, как у первой

жены Хемингуэя. И ещё миллионы вариантов. Лидка спасла меня, у нас с ней один из того миллиона вариантов преданности в любви. Просто Бог свёл. Ты знаешь, она изначально позитивная. Бывает, что-нибудь буркну, она обязательно в ответ улыбнётся. Мне даже стыдно становится за свой мрачный характер. Учусь у неё жить. И живопись у неё какая-то светлая. Короче, мне с ней крупно повезло.

Мы дошли до моего дома.

И на прощание он сказал:

– Не спеши с решением, одному жить ещё хуже, проверено. Да и сразу будешь невыездным, а я понимаю, тебе это важно.

В моей квартире никого из квартирантов не было, но во всём был полный порядок. Я уже собирался уходить, как зазвонил телефон.

– Николай, ты, что ли? Привет! Это я, Юрка Утёсов.

– О, Юра, привет. Как это ты угадал, что я дома? Ведь в квартире я за последние четыре года нахожусь только пять минут. Где ты сейчас? Когда встретимся?

– С завода я ушёл еще три года назад. Работаю теперь на железнодорожных рефрижераторах, обслуживаю морозильные системы. Сейчас я дома, и можем встретиться. Николай, я хочу пригласить тебя к нам работать. Работы в поездке немного, зато путешествую по всей стране. Короче, я приглашаю тебя к себе в Чик. Помнишь, где я живу?

– Помню. Хорошо, я к тебе заеду. А как у тебя семья, жена

при такой разъездной работе?

– А она дома сидит, воспитывает дочку.

– Так у тебя её уведут, пока ты едешь.

– Да кому она нужна, матрёшка!

– Какому-нибудь Матрону.

– Я об этом вообще не беспокоюсь. Уведут – уведут. Найду себе другую. Слушай, я тут попутно перебрасываю кое-какие товары и очень хорошо зарабатываю. Ты не представляешь, как это выгодно. Только дороги длинные и в поезде сильно скучно. Правда, менты иногда шерстят, приходится откупаться.

– Так ты пиши романы.

– Нет, это не моё, да и трясёт сильно, не напишешь. Я люблю читать, но стал замечать, что зрение начало портиться.

– Ну вот, а говоришь, что всё хорошо. Жены фактически нет, в поезде трясёт, менты преследуют, писать нельзя – зрение портится. Ладно, Юра, через годик, может, я к тебе устраиваться на работу приду. Возможно, твой бизнес в ближайшем будущем будет в законе. Грядут серьёзные перемены. Правда, я откупаться не умею.

– Ничего, жизнь побьёт, научит.

Мы с Юркой распрощались. Встретились мы уже через тридцать лет, узнав друг друга в «Одноклассниках», взрослыми, лысыми мужиками, с новыми семьями и с новой работой свободных предпринимателей: Юрка – в сельском хо-

зяйстве, а я — в промышленности...

В беседах с руководством завода я не стал раньше времени обсуждать сложности. Так же умолчал о недвусмысленных беседах американцев со мной. Я надеялся, что этот треугольник не превратится в Бермудский. Перед самым выездом из Берлина в Новосибирск я узнал, что шефа направляют в командировку в Венгрию, пока временно, где тоже намечалось создание сервисного центра. Я надеялся, что его могут туда перевести на постоянную работу. А с новым директором отношения могли бы сложиться как-то по-другому, и можно было бы как-то решить не только пограничный вопрос. Хотя сильно надеяться на это не стоит. Система, создавшая такого монстра, как мой шеф, другого руководителя с другими принципами выдать не может.

Я вспомнил другого человека — добропорядочного, талантливого, человеческого, с которым свела меня судьба в семьдесят третьем — семьдесят пятом годах. Это Гурий Иванович Марчук. В те годы, ещё работая на заводе, я был избран в депутаты городского совета, а председателем комиссии по делам молодёжи и студентов, в которую я попал, был этот человек — титан, являвшийся тогда президентом Сибирского отделения Академии наук (позже он станет президентом Академии наук СССР). Судьба преподнесла мне как подарок двухгодичную школу жизни, которая в будущем во многом помогала мне лучше разбираться в людях, в событиях и во властных структурах. В течение двух лет мы встреча-

лись несколько раз в месяц, неформально общаясь, рассматривали разные житейские вопросы быта и социальной защиты молодёжи, подростков, студентов. Выезжали на предприятия с проверками, проводили анализы ошибок в молодёжной политике и писали предложения по устранению выявленных проблем.

Гурий Иванович – учёный, профессор, академик, – приходя на заседания, никогда не выставлял себя официальным лицом. Этот человек начинал разговор с нами о простых вещах, о жизни. Любил спрашивать кого-нибудь из нас о месте и сути работы. Если шёл разговор о производстве, часто рассказывал что-нибудь об идеях совершенствования той или иной отрасли с точки зрения науки. Или рассказывал нам о зарубежных поездках, куда его приглашали по линии сотрудничества с учёными других стран и чтения лекций. Рассказывал откровенно и восторженно о более высоком уровне жизни во Франции. Признавал капиталистическую, рыночную систему во многом более эффективной. Тогда он отмечал, что быстрое внедрение научных открытий и технических разработок в производство даёт толчок в развитии экономики. А некоторые элементы рыночной экономики можно было бы использовать и у нас. Когда он говорил об этом, меня удивляла его смелость, так как идеология наша тогда критиковала нещадную эксплуатацию человека капиталом и не допускала инакомыслия. Говорил Гурий Иванович всегда спокойным голосом, без назидания. И какого бы вопроса ни

касались, он во всём показывал высочайшие знания.

Однажды я поделился с ним, что с самого детства я опытный рыбак и охотник. А весной на разливах озера Чаны мы вилами ловили щук, выходявших на отмель с тёплой водой для нереста. Он тут же увлечённо рассказал, что он тоже заядлый рыбак, вспомнил, как в детстве на Волге постоянно рыбачил на удочку, что иногда являлось основной пищей дома. В то время общения с нами он уже был известным учёным, признанным во всём мире. Вместе с тем был простым, доступным человеком, с которым не чувствуешь себя приниженным. За эти годы я познакомился с большим количеством людей, но такого гармоничного человека я не встречал.

Как-то на заседании он объявил мне, что в воскресенье я должен явиться во дворец бракосочетания. Что там делать, объяснят на месте. Когда я пришёл туда, разделся, представился, меня одна из сотрудниц попросила, чтобы я ожидал. Но затем, уже с опозданием, меня нашли и, торопясь, завели в зал, когда уже играла музыка Мендельсона. На меня надели ленту депутата и сказали, чтобы я поздравлял молодожёнов от имени депутатов городского совета. Тут же открылась дверь, и в зал начали входить молодые и гости. Вот так, как с корабля на бал, совершенно неожиданно для меня, я дал напутствие двадцати пяти влюблённым парам из двадцати семи. Две пары не явились, очевидно успев в течение испытательного срока потерять любовь и решимость жить вместе.

Прошёл мой срок командировки в свой родной город, и наступил день, когда надо было вновь расставаться с матерью. На душе было тревожно, и, в принципе, ехать никуда не хотелось – так хорошо было дома. Вот так бы на полуслове оставить эту затянувшуюся германскую эпопею. Но не во власти человека заглянуть вперёд и предвосхитить события.

Мама словно чуяла сердцем мои предстоящие неприятности и при прощании сказала:

– Коля, будь осторожнее с людьми: на одного друга всегда десять недругов сыщутся.

Рождённая до революции и благополучно жившая у трудолюбивых родителей, она семилетней девочкой получила благословение на добрую жизнь от служителя церкви, остановившегося в их доме во время отступления вместе с колчаковской армией. В те годы семью регулярно грабили, и им приходилось под страхом ареста или смерти отдавать своё добро, коней и продукты то красным, то белым. После Гражданской войны мамина трудолюбивая семья вновь подняла домашнее хозяйство, но когда пришло время коллективизации, семья вновь осталась без домашнего скота. При советской власти мама получила только три класса образования. Родители без любви выдали её замуж за моего отца. Одного за другим она рожала детей. Из-за голода и болезней тех лет троих детей, младенцев, они с отцом схоронили. К началу войны 1941 года мать с отцом уже имели четверых подрастающих детей. В сорок третьем году, работая в поле, погиб

под копытами коня в четырнадцатилетнем возрасте её первенец Георгий. С вернувшимся в конце сорок первого года раненым моим отцом она родила ещё четверых...

Помню её с детства черноволосой, красивой, высокой и статной. Теперь – маленькая, седая, сухонькая с натруженными корявыми пальцами рук, но с удивительно чистыми карими глазами и ясным умом. Мама была для меня всегда непререкаемым авторитетом.

Глава 9. «Лишнее вырежут»

Возвращаясь в Берлин, я на сутки задержался в Москве. Давно хотел побывать в Центральном доме литераторов. На метро доехал до станции «Баррикадной», через несколько кварталов дошёл до Большой Никитской. В новое здание вход свободный. Эмоционально и уверенно разговаривая, меня встретили пожилой, седой мужчина и средних лет женщина. Сразу видно, сотрудники или завсегдатаи. Спрашиваю, можно ли походить и посмотреть. Кроме утвердительного ответа, мне было сказано, что сегодня мероприятий нет. Я несколько раз прошёл вокруг стен, где было достаточно много фотографий отдельных авторов и коллективных. Постоял у небольшой сцены, хорошо известной по телевизионным передачам, на которой маститые авторитеты и начинающие авторы, вдохновлённые творческими исканиями беспокойной души, читали свои творения. Много лет спустя я и сам пару раз принимал участие в литературных мероприятиях, принимая на них от организаторов награды за мой скромный вклад в литературу.

При полёте к берлинскому аэропорту Шёнефельд было ветрено, и самолёт немало швыряло, но посадка прошла успешно. Звучащая повсюду в аэропорту немецкая речь даже как-то радовала. Виктор Боголюбов встретил меня улыбаясь, сказал, что я выгляжу отдохнувшим. Я вынул из кар-

мана пиджака конвертик со струнами и с пожеланиями творческих успехов будущему сыну, передал Виктору. В машине он поведал новости, что произошло в Техцентре в моё отсутствие.

— Наш шеф сейчас в Венгрии, будет там ещё месяц. Главному инженеру Магилину дальнейшую работу в ГДР не продлили, и через неделю он уезжает. Жаль, хорошего человека потеряем. Зато главным инженером будет Пашка Балин, — иронично сказал Виктор.

Эта новость большой радости мне не доставила. Пашка — так все его звали за глаза — был плоть от плоти винтик системы, прожжённый, извращённый и циничный. Магилин же был человек совсем другой природы. Он был из Костромы, улыбчивый, технически образованный, спокойный, деликатный и вместе с тем требовательный. Под стать ему была и его жена, по образованию учительница. Наш шеф главного инженера недолюбливал. Причина была в том, что однажды, подпив на одном из праздничных вечеров, которые он любил организовывать по каждому маломальскому поводу, шеф начал оказывать внимание жене Магилина. Тот в конце вечера перед уходом поднял тост и пожелал шефу здоровья, которое ему очень понадобится при уходе за всеми жёнами сотрудников. Тогда по лицу шефа было видно, что он оскорблён, но многозначительно промолчал. Кроме того, когда шеф на совещаниях допускал технические неточности, Анатолий Александрович с деликатной улыбкой поправлял

шефа.

– Да, но в принципе это не важно, – отвечал шеф, при этом всегда пару раз кашлял, как будто слова его технического помощника драли ему горло.

Из аэропорта мы с Виктором приехали прямо в «Техцентр». Больше других интересовался моей поездкой и съёмкой фильма Витя Расторгуев – одессит, всегда весёлый, артистичный, хорошо игравший на гитаре. В «Техцентре» он работал специалистом по обслуживанию в ГДР копировальной техники. Но больше всего в жизни его привлекало кино. К моему удивлению, он знал не только всех наших актёров, режиссёров, операторов многих фильмов, но и иностранных. На мой вопрос, почему он сам не актёр, Витя отвечал, что уже снимался в массовках многих фильмов на Одесской киностудии. Он был уверен, что, вернувшись домой из ГДР, он всё-таки пробьёт дорожку в актёры. Мне нравилась его убеждённость. Он сможет.

Пока я с Расторгуевым разговаривал, собрались все. Последними прибежали Верочка и бухгалтер Вера Александровна. Питерцы – Семён и Лариса Каменцевы – нарезали селёдку и хлеб. Анатолий Александрович поставил на стол сладкую лимонную водку и какие-то консервы. Последним вошёл исполняющий обязанности директора Пашка Балин.

– Что за пьянка на рабочем месте? – нарочито строго сказал Балин.

– Павел Григорьевич, это я принёс, чтобы попрощаться с

коллективом. Рабочее время закончилось, да и Константин Устинович Черненко не так строг, как Андропов. Я сегодня последний день на работе, собираюсь домой, – улыбаясь, сказал бывший главный инженер, хотя об этом и так все знали.

– Ладно, разливайте. Хотя, Анатолий Александрович, ты мог бы купить что-нибудь получше и побольше, – язвительно сказал Пашка.

– Нельзя, все за рулём. Немецкие законы больше не разрешают. Вы, Павел Григорьевич, можете добавить, я не против. У Молова в холодильнике всегда есть запас, пользуйтесь, пока шефа нет. – В голосе Магилина слышалась не свойственная ему дерзость.

– Это не про твою честь, Анатолий Александрович, – уже грубым тоном прекратил пикирование с бывшим главным Пашка.

– Я пью только сок, – сказал Женя Проклов.

На него немного наехали, что отбивается от коллектива, хотя было видно, что все рады – больше достанется. И только я один знал причину воздержания Женьки.

Съёмочная группа из Москвы и шеф из Венгрии прилетели почти одновременно. По замыслу режиссёра Ерназаровой, первая съёмка должна была быть в аэропорту Шёнефельд. Как будто сам шеф и кто-нибудь из моих коллег встречают меня, прилетевшего из Союза. Ерназаровой с трудом удалось уговорить шефа. Я понимал причину его недовольства: встречать рядового специалиста – это не его уро-

вень. Помог опытный психолог, оператор Анатолий Иванов, выступивший как парламентёр. Он пообещал поделиться с шефом частью отснятого материала, в котором будет хорошо показан шеф, и дополнительно отснимет пару минут вместе с его женой и дочкой. В качестве массовки напросились Виктор Расторгуев и Вера. Съёмку у аэропорта проводил немецкий оператор Руди – невысокий, обаятельный, много раз бывавший в Союзе. По его рассказу, однажды он был арестован на Красной площади чрезмерно усердным милиционером за то, что снимал на микрофон для озвучивания какого-то фильма шум движения масс народа по брусчатке. Руди был интересный и весёлый рассказчик, хорошо говорил по-русски и любил наши пословицы. Потом мы с ним до моего отъезда дружили и несколько раз на праздники встречались семьями.

Для поездки по ГДР со съёмочной группой мне дали «жигулёнок комби», и с вечера в него погрузили всё необходимое. В командировку по стране Руди с нами не ехал, а дальнейшую съёмку должен был выполнять Иванов. Рано утром мы выехали из Берлина. Ерназарова сидела на заднем сиденье с моей женой, которую вытребовала для компании. Дочь Анжелику оставили на время поездки у родителей её одноклассницы, живших в доме во дворе торгпредства. Оператор Анатолий Иванов, лет пятидесяти, высокий и худощавый, молчаливый, не считавший необходимым трепать языком по пустякам, показался мне персонажем из американ-

ского ковбойского фильма. Уставший от полёта и суеты, он выглядел апатичным, тихо дремал, вытянув ноги. Его размеренное посапывание и замечательная асфальтовая дорога, рассчитанная на взлёт и посадку самолётов, негативно сказывались и на моём внимании. Однако режиссёр не дремала и, прервав сон Анатолия, попросила его поснимать движение по автобану с немецкими пейзажами вблизи Потсдама, а меня – почитать стихи.

Когда мы проехали по ГДР километров сто, Анатолий – казалось, почти постоянно дремавший, – доложил, что за нами – «хвост» на сером «Вартбурге». Действительно, последующие многократные перестроения и повороты на другие трассы показали, что машина на самом деле следует за нами. Вот тебе и друзья-демократы, подумал я. Но в районе Лейпцига они потерялись. Анатолий посоветовал не волноваться, так как где-то рядом есть уже другая машина, которая будет сопровождать нас дальше, и так будет по всему пути следования.

Первые съёмки и интервью были на текстильном комбинате в городе Грайце, где директор предприятия геноссе Грин не подвёл и был в своём образе: артистичен, улыбочив и непринуждён. Он был невысокого роста, на довольно высоких каблуках, всегда был прям, видимо, хотел казаться выше. «Это нормально, – заметил Анатолий, – другие безуспешно пытаются выглядеть умнее».

Из съёмок никакого культа не делали, снимали с ходу в

рабочей обстановке. Моя роль была проста: говоря о делах, вести себя непринуждённо, больше улыбаться.

– Лишнее вырежут, – коротко сказал Иванов.

Сразу после съёмок мы распрощались со всеми причастными к творческому действу и выехали из города.

Глава 10. Гостиничный номер Гитлера и обелиск советским солдатам

По пути к Дрездену была заснята моя беседа с руководителем центрального текстильного сервисного комплекса, который находился в пригороде Карл-Маркс-Штадта, фрау Мэдер. Она была лет пятидесяти, полноватая, с огромными глазами. На прямом тонком и красивом носу были очки в позолоченной оправе, которые делали её глаза ещё больше. Умная, компетентная и лаконичная, она неплохо говорила по-русски и напоила нас чаем с бутербродами. После завершения съёмок, уже поздно вечером, мы добрались до города Карл-Маркс-Штадта.

При размещении в отеле «Хемницерхоф» оказалось, что каким-то образом предварительная заявка на бронирование номеров не была подтверждена, и нам предложили номер, в котором когда-то жил Гитлер. Из любопытства, больше по настоянию Иванова, мы осмотрели номер. Три спальные комнаты, большой холл, на потолках и стенах – лепнина, шикарные хрустальные люстры, на полу – огромные фарфоровые вазы, какие выставлены в музее «Грюнесгевельбе» в Дрездене. Но жить в номере мы не захотели, и не только потому, что очень дорого. Уходя, мы хотели снять на плёнку это логово, но нам не разрешили. Было ощущение мрачного нечеловеческого жилья, несмотря на богатство интерьера.

Высокие потолки давили на психику, едва ли не тошнило от безгливости. Может, это ощущение было от давно сформировавшегося мнения и отношения к личности варвара. Вероятно, им оставлены здесь повсюду невидимые флюиды, ввевшиеся в эти стены, оставшиеся на всех предметах, – флюиды человека, совершившего нечеловеческие поступки в своей зачем-то данной ему Богом жизни. Кстати, в детстве у Гитлера был брат, и они оба тяжело болели корью. Брат умер, а Адольф жил ещё полвека. Непоправимая ошибка природы. Можно пофантазировать, как мирная жизнь могла бы развиваться на земле, если бы умер он, а не брат, но, увы, со-слагательные мысли не бывают материализованы в реальной жизни. В подавленном настроении мы покинули это лежбище редкостного зверя. Это настроение не покидало нас весь вечер, пока за ужином в ресторане мы не выпили вина и не разговорились о предстоящем дне, в котором нам нужно выкроить время для посещения всемирно известного дрезденского музейного комплекса «Цвингер».

В тот вечер за ужином я рассказал о том, что мне уже неоднократно приходилось бывать в этом регионе ГДР, где располагалось довольно много текстильных предприятий. На одном из них, в небольшом городке Эберсбах, больше похожем на село, я был в первой моей заграничной командировке с заводским коллегой Виктором Бабешко. Мы жили в маленькой уютной трёхэтажной гостинице. Привезли нас туда из Берлина на машине поздней ночью. Был сильный гро-

зовой дождь, и поскольку это была уже гористая местность, то казалось, что мы едем в самом центре сверкающих молний и всеразрушающего грома.

Наутро было солнечно и тихо. Всё было промыто и благоухало свежестью. Горы были не такими большими, какими они казались ночью. Где-то совсем рядом было слышно пение птиц. Казалось, что вчерашняя непогода приснилась. Подойдя к окну, на другой стороне дороги я увидел ухоженный, весь в цветах, обелиск. Я схватил блокнот, ручку и спустился вниз. Через полчаса стихотворение было готово. Оно вылилось на бумагу с молчаливым рыданием в груди. Я и сейчас, когда печатаю эти строки, вновь не могу спокойно вспомнить это памятное место, где лежат наши солдаты, каких множество по всей Европе.

На Саксонских горах
Есть село Эберсбах,
Где родник змейкой Шпрее рождает,
Там стоит обелиск —
Человечеству иск,
Он в бессмертие павших ввергает...

«Здесь захоронены советские воины, павшие
смертью храбрых в борьбе против фашизма:

Шадриков И. А.

Шипляков М. С.

Божанов С. М.

Квитковский А.

Гарадай А.

Кривченко П. Ф.

9 мая 1945 года».

...В этот день мир рождён,
Враг в борьбе побеждён,
Солнце жизнью, весною дышало,
В тот сияющий день
Расцветала сирень
И земля в песнях птиц оживала.

Лей
Песни, соловей,
На чужбине русскому солдату,
Память, и любовь,
И утраты боль
Всколыхнёт торжественная дата.

После радостных дел
Я стоял и скорбел...
В день победы погибли Мессии...
Им хотелось дожить,
Ведь последние дни
Воевали во славу России.

Лей
Песни, соловей,
На чужбине русскому солдату,

Память и любовь,
И утраты боль
Всколыхнёт торжественная дата.

Эту землю любя,
Не жалея себя,
Дом, мечту и страну защищая,
Вы утратили жизнь,
Добивая фашизм,
Смысл добра на земле утверждая.

Лей
Песни, соловей,
На чужбине русскому солдату,
Память, и любовь,
И утраты боль
Всколыхнёт торжественная дата.

Когда я писал эти строки, я сразу слышал музыку, которую потом пел всю жизнь в День Победы на 9 мая, который по воле судьбы был и моим днём рождения...

Глава 11. Непредвиденное купание в рыбоводческом озерке и нокаут от кубинца

Когда в той первой моей заграничной командировке нас с Виктором привезли в отель, это была ночь с пятницы на субботу. Последующие два дня были нерабочими. Мы, чтобы убить время выходных дней, безуспешно пытались найти какой-нибудь местный музей, достопримечательности или что-то в этом роде. Затем мы исследовали окружающую посёлков местность. От ночного дождя не осталось и следа, знойно светило солнце. Недалеко от Эберсбаха мы обнаружили три небольших озера и решили устроить привал, искупаться и немного позагорать. Уже во время купания мы обнаружили, что вода в озере мутноватая и в ней слишком много рыбы. Думая, что в соседнем озере вода чище, мы прошли туда. И каково было наше удивление, когда и в другом озере мы обнаружили так же много рыбы, но уже более крупной. Наши фантазии разыгрались, и мы уже стали думать, как бы организовать рыбалку, как вдруг увидели шедшего нам навстречу улыбающегося мужчину с большим сачком и ведром. Мы молча стояли и ожидали, что скажет нам этот человек. Он приветливо поздоровался и по нашему ответу понял, что мы инопланетяне. Терпеливо показал нам на таб-

личку, на которую мы не обратили внимания. Да и зачем нам знать какую-то там табличку, если нам и так хорошо. Из всех слов мужчины я (а из нас двоих я считался полиглотом) понял только два слова: «приват» и «фиш». Глуповатому нашему изумлению и общему смеху не было границ. Наконец успокоившись, мы извинились. Пока мы одевались, всё ещё улыбающийся хозяин начерпал нам, иначе это не назовёшь, несколько рыбин из последнего озера. Генрих, так он нам представился, доходчиво на пальцах объяснил, чтобы мы унесли рыбу в ресторан отеля и отдали на кухню приготовить. Нам приятно было столь деликатное и уважительное отношение к нам. Мы поблагодарили и пригласили его на ужин вместе с нами. Показав на озёра, Генрих сказал: «Арбайт, арбайт» – и провёл себе рукой поперёк горла. Отблагодарив Генриха, мы вернулись в отель, где передали рыбу на кухню ресторана. Вечером нам был приготовлен отменный ужин, которым мы поделились с поварами.

В течение шести месяцев нам с Виктором и ещё четверым нашим землякам из разных текстильных городов Союза, присоединившимся к нам позже, предстояло организовать монтаж более трёхсот станков на вновь отстроенной государством местной фабрике. Тогда я впервые познакомился с кубинцами, приехавшими туда перенимать опыт монтажа и обслуживания. Сблизившись с ними, я понял, что вряд ли есть другие народы в мире, которые так восприимчивы к музыке и удивительно подвижны. Звучание любой мело-

дии пробуждает в них темперамент, и они, не сговариваясь и радостно улыбаясь, свободно совершают ритмичные движения, часто даже не отрываясь от работы. Параллельно с запуском станков мы проводили обучение не только немецких специалистов, но и кубинских. После приобретения опыта в Германии они должны были работать у себя на Кубе, куда были запланированы большие поставки станков с моего завода. После завершения монтажа, в день официальной сдачи в эксплуатацию объекта, приезжала большая делегация из Берлина во главе с заместителем главы правительства Круляковским. В составе делегации был и Эгон Кренц – партийный функционер, ставший впоследствии последним председателем Социалистической единой партии Германии и главой государства, сменив больного Хоннекера. Эти высокопоставленные товарищи от власти в знак благодарности, улыбаясь, крепко жали нам руки. После их отъезда был большой банкет в местном ресторане.

На мероприятии случилось одно неприятное событие, омрачившее нашу дружбу с кубинцами. Надравшийся спиртного наш коллега из Чебоксар, рост которого был метр с кепкой, положивший глаз на кубинскую девушку, красивую мулатку, решил побить её друга Мигеля, рослого, спортивного сложения. Гераськин первым нанёс удар кубинцу, не ожидавшему такого вероломства от советского человека. Затем он пытался ещё повторить удар, но уже безуспешно. Кубинец ловко уклонился от надоедливой русско, красиво и

профессионально отправил Гераськина в нокаут. Тот рухнул мешком на пол. Пришлось поливать водой нашего «героя». Затем мы погрузили его в автобус, который и увёз его домой к жене, живущей не так далеко от ресторана. На следующий день сконфуженный «герой» напрасно разыскивал Мигеля, чтобы извиниться перед ним. Рано утром все кубинцы уехали к себе на Родину.

– Я бы этого Гераськина тут же отправил домой и больше не выпускал за границу, чтобы не позорил нашу страну, – сказал Иванов.

– Как объяснить, что в одном человеке могут находиться рядом такие совершенно разные качества: благородство в нормальном состоянии и такое падение личности после выпивки? – спросила Ерназарова.

– Ты сама ответила на свой вопрос. Спиртное и есть разрушитель личности. При первых же симптомах такому человеку надо ставить клеймо на лоб: «Спиртного не давать».

– Негуманно и недемократично, – ответила Ерназарова.

– Ну, да. Пусть себе живёт свиньёй, это благородней, – съязвил Анатолий.

– Надо воспитывать детей ещё со школы, – предложила Галина, – а в школьной программе нет этой темы, чтобы выросшие дети имели правильное представление о культуре питания.

– Наивно полагать, что беседы эту проблему решат. Она вечна. Ещё римские философы, воспевая вино, пыта-

лись найти причину деградации личности в чрезмерном его употреблении, о чём обеспокоенно рассуждал незабвенный Плутах.

Кстати, эту же самую историю о Гераськине пересказал мне мой коллега в Новосибирске Витя Кендин, работавший четыре года на Кубе с тем самым Мигелем, который и поделился с Виктором этой историей.

Много событий прошло с тех пор до сегодняшнего дня, заслонивших впечатления первой командировки, так и хочется сказать: «Как давно всё это было!»

В ресторане, где мы ужинали с нашей съёмочной группой, тихо звучала музыка. Мои путешественники покончили с блюдами и рассказ мой слушали рассеянно. Иванов откровенно зевал, лишь Раиса Мулдашевна задавала вопросы, пытаясь услышать от меня то, что могло пригодиться в качестве материала фильма. Обсудив программу следующего дня, мы разошлись по номерам.

Утром Анатолий разбудил нас раньше, чем мы договаривались. Он признался, что страдает бессонницей. Оказавшись перед зеркалом, он сказал:

– О господи, какой же я страшный. Почему Господь не сделал всех одинаково красивыми, как Ален Делон.

– А вы отпустите бороду, как у меня, и будете выглядеть как восточный мудрец, – пошутил я.

– Кстати, говорить обобщённо про условных мудрецов не стоит. Мудрецами признаны должны быть только те, кто под-

твердил свой ум трудами или вошёл в исторические анналы как ближайший попутчик исторических личностей. Что касается меня, то мудрости у меня и так хватает. Отпущенная борода мне не даст того преимущества, которое есть у тебя, – молодости.

– Когда-то вы тоже были молоды и красивы. Так же, как все молодые, имели преимущества перед другими, такова жизнь, – сказал я.

– Да, был. Да только прожёл я свою жизнь по разным мелочам.

– Так поправьте её. Ещё не всё потеряно, – стоял я на своём.

– Ты молод и не можешь судить о том, что может или не может пожилой человек. В этом состоянии надо находиться, чтобы это понять и почувствовать. Я всю жизнь мечтал иметь свою киностудию, чтобы снимать то, что меня интересует.

– Так что, сейчас я вас не интересую? – спросил я.

– Ты тут ни при чём. Ты – это обязательство. Ты даже не понимаешь, о чём я говорю. Это из другого мира. Должна быть свобода выбора материала, темы и, в конце концов, вспышка творческого горения или неожиданная находка.

– Я вас понимаю. Я тоже хотел бы стать поэтом и писать книги, – продолжал я.

– Поэтом ты и так можешь стать, работая на прежней работе, если есть талант. А у меня уже всё позади, – сказал

Анатолий тоном пессимиста.

– Не расстраивайтесь, у вас и так наверняка была интересная жизнь. Многие об этом и мечтать не смеют, – пытался подбодрить я.

– У каждого свой уровень мечты и оценки реальности. Так, дамы, хватит краситься, красота в душе человека, а не в яркости губ, – назидательно сказал Анатолий.

– С душой у нас всё в порядке. Мы исполняем ритуал, который нам, женщинам, придаёт уверенности. Нравиться мужчинам – это важно, но удовлетворение собой – это как ягодка на торте. Вам, мужчинам, не понять, – утвердилась в своём мнении Раиса Мулдашевна. Перед столичным оператором она не пасовала и чувствовала себя уверенно.

В шесть часов утра кафе отеля уже работало, там мы и позавтракали. Сытные бутерброды и кофе уютно расположились где-то рядом с душой, подняв настроение. Шесть тридцать – это достаточно рано, но мы видели, что жизнь на улицах уже кипит. В это время многие немцы на предприятиях уже работают. В четырнадцать-пятнадцать часов они уже свободны от работы. Добрых полдня у них остаётся для домашних и личных дел. На узких петляющих улицах, по которым мы ехали, часто встречались и мужчины, и женщины на мопедах и велосипедах.

Многие населённые пункты, сквозь которые мы проезжали, мне были хорошо знакомы и наталкивали на разные воспоминания.

Я рассказал сидящим в машине о личности главного инженера фабрики – Хартмана, у которого предстоит брать интервью. Он широкоплечий, более чем двухметрового роста, весёлый и с удивительно доброй душой. Когда он хохочет, кажется, содрогается воздух всей округи. Но если он кого-то отчитывает, лицо его продолжает оставаться дружелюбным, но от его тона все невольно съеживаются.

По понятным причинам я утаил от сидящих в машине одну историю, которая произошла со мной в 1980 году. Но я расскажу её вам, дорогие читатели.

Глава 12. Чары карих глаз и «капиталистический социализм»

Тогда я был командирован в эти края во второй раз и работал на текстильном комбинате в Нойгерсдорфе.

Жил я тогда также в отеле «Лихтенбург» и ежедневно ужинал в ресторане, где собирались люди со всей округи не только вкусно поесть, но и просто посидеть с кружкой пива и поболтать. Хозяйка отеля Дохен – она же и официантка, которая с удовольствием исполняла роль, когда было много народа, – отвела мне постоянное место за столиком в уютном углу, откуда я мог обозревать весь зал. Было интересно наблюдать за людьми, часто крепко подвыпившими. Прислушивался к немецкой речи, тренируя память. Иногда мужчины подходили ко мне со штофиком, предлагали выпить и заводили разные разговоры. Чаще проявлялось уважение. Правда, был случай, когда чрезмерно подвыпивший гость устроил со мной разборку. «Кто воевал лучше, если немцев погибло меньше?» – задирал он меня. Тогда хозяин отеля Зигфрид, достаточно высокий и мускулистый, легко восстановил порядок, выпроводив назойливого гостя.

Однажды я заметил приходящую сюда по выходным одну семью. Папа с мамой лет под пятьдесят и две дочки, как я потом узнал, девятнадцати и двадцати двух лет. Город был небольшой, и они, вероятно, знали, кто я. Младшая из се-

стёр всегда садилась лицом ко мне и, не стесняясь, с заинтересованностью разглядывала меня. Старшей её сестре я был неинтересен. Однажды, когда мест в ресторане было мало, хозяйка взглядом и движением головы спросила у меня, можно ли их посадить ко мне. Я согласился, кивнув головой, но сам слегка заволновался, боясь выдать свой интерес к их дочке. Тогда я продолжал учить немецкий язык и разговаривал уже сносно. Они представились. Интересующую меня девушку звали Эльвира. Разговаривал я больше с родителями. Девушки, которые по школьной программе учили русский язык, сначала с любопытством слушали, а затем стали включаться в разговор. Распрощались мы уже как хорошие знакомые.

Как-то в другой раз эта же семья ужинала за другим столом, и родители ушли значительно раньше, а девушки задержались. Вскоре в ресторан вошли два поляка лет тридцати. Один был одет обычно, и было видно, что человек скромный. Другой был полной противоположностью ему: высокий, с тёмными волосами, стриженный коротко по-спартански. Одет был в синие джинсы, цветастую рубаху и красную жилетку. Под носом красовались длинные усы, спускавшиеся до низа подбородка, – личность колоритная. Как я и опасался, поляки уселись за стол к сёстрам. Эльвира посмотрела на меня и вопросительно пожала плечами, будто бы говоря: «Что поделаешь». Поляки разговаривали громко на неплохом немецком. Они заказали девушкам пиво и предложили

играть в карты. Не дождавшись ответа, стали раздавать карты. Януш – так звали щёголя – оказывал больше внимания Эльвире и даже по какому-то поводу поцеловал ей руку. Эльвира посмотрела на меня. Я понял, что, имея расположение к понравившейся мне девушке, я обязан быть её защитником. Я оставил недопитый чай и решительно подошёл к столику.

– Dobry wieczor, panowe, – поприветствовал я мужчин. Не дождавшись ответа, взял Эльвиру за руку и сказал: – Komm mit mir (Пойдём со мной. – нем.).

Она встала, сказав «Пока!», и мы пошли к выходу. В прихожей, перед лестницей на второй этаж, рассерженный Януш догнал нас. Он довольно резко дёрнул меня за плечо.

– Ты кто? – спросил он.

Не ответив на его вопрос, я достал ключ, передал его Эльвире и попросил её идти в номер. Не говоря ни слова, Эльвира ушла. Повернувшись к Янушу, я ответил:

– Я русский, звать меня Николай. – И протянул ему руку.

Он ответил коротким рукопожатием и сразу, как бы обжёгшись, выдернул руку.

– Разве ты знаком с Эльвирой? – спросил я.

– Да, я видел её вчера в ковровом магазине, где она работает, там и познакомился с ней.

– О, братец, ты опоздал на два месяца. Я знаю не только Эльвиру, но и её родителей. У нас с ней серьёзные отношения, – соврал я. Считая дело решённым, я миролюбиво спросил Януша: – Чем вы здесь занимаетесь? Я работал в

Польше в разных городах. Вы из какого города?

Ещё не успокоившись, он раздражённым тоном ответил:

– Ты перешёл мне дорогу, Николай, эта девушка мне очень нравится. Не встречайся мне на тёмной улице.

– Извини, Януш. Ничем не могу помочь. И ссориться не надо. Эльвира ждёт меня в номере. А тебя в Польше, наверное, ждёт жена. Кольца у тебя очень красивые, подарок жены? – бестактно спросил я.

Ничего не ответив, уязвлённый Януш сверкнул красивыми глазами и решительно вышел.

Придя в номер, я увидел, что Эльвира сидит у ночного светильника и читает советский журнал «Дайджест советской прессы». Она встала и со словами благодарности обняла меня.

...Уже за полночь я проводил её домой. Её родители имели довольно большой дом на главной улице, на первом этаже которого был магазин, где они торговали коврами изделиями и тканями.

Через три месяца я завершил работу на фабрике, и мне надо было уезжать. Эльвира привязалась ко мне и последнюю неделю жила в моём номере. Хозяйка, всё понимающая, вечером носила нам еду в номер. Эльвира хотела со мной ехать в Советский Союз. Я согласился на провожание меня на машине до Берлина. Распрощавшись, Эльвира той же машиной возвратилась обратно домой. Я сожалел о её страданиях. Я, грешник, корил себя и был благодарен ей.

С тех пор прошло более четырёх лет. Недавно, примерно за месяц до моей кинематографической поездки в Новосибирск, по текстильным делам я был в Нойгерсдорфе вместе с моим новым чебоксарским коллегой по «Техцентру» Евгением Прокловым. В этом регионе я знакомил его с текстильными фабриками, их руководителями и делился опытом работы по организации сервиса. Я предложил Евгению остановиться в хорошо мне знакомом отеле «Лихтенбург». Я понимал, что могу столкнуться с Эльвирой, и мне было даже любопытно увидеть её, ведь мы расстались не врагами. К тому же я надеялся, что моему новому коллеге можно довериться. Туда мы приехали вечером и сразу решили зайти в ресторан поужинать. Войдя в ресторан, я поздоровался с хозяйкой Дохен, с её мужем Зигфридом и представил Евгения. Дохен наклонилась ко мне и шепнула, что Эльвира с родителями здесь. Мы прошли за указанный нам столик. Довольно громко приветствуя меня, из-за стола вышел Вальтер, отец Эльвиры. К приветствию присоединились остальные члены семьи. Эльвира сидела смущённая с маленькой девочкой на руках. Прошедшие три года, как мы с ней расстались, изменили её. Она повзрослела, пополнила и сильно стала похожа на мать. Рядом с ней сидел молодой человек лет тридцати пяти, рослый, с рыжими волосами, зачёсанными назад, с цепкими взглядом. Я бы сказал, говоря словами персонажа известного фильма, у мужчины характер нордический, стойкий. Но руку он мне подал и приветливо улыбнулся. Сказав

им, что я рад их всех видеть, я прошёл к Евгению, уже сидящему за столиком.

– Ничего себе! Они с тобой поздоровались как с родственником, – сказал Женя, улыбаясь.

– Да, это была моя девушка в первой моей командировке.

– Это как так? – спросил Женька.

– Так, как бывает у людей, когда они долго бывают в одиночестве в чужой стране.

– Я понимаю, – ответил Женька с ухмылкой.

И тут я пожалел, что у меня вырвалось это признание, видя то, с какой интонацией он это сказал.

Подошла громкоголосая Дохон, и мы заказали ужин. Я курил и просматривал местную газету.

Подошёл отец Эльвиры Вальтер, сел на свободный стул, подал мне руку ещё раз и поздоровался с Евгением.

– Ты хорошо стал говорить по-немецки, – сказал он. – Где ты теперь работаешь?

Я коротко рассказал о работе в Берлине и сказал, что Евгений – мой коллега из «Техцентра».

– Эльвира долго вспоминала тебя, жалела, что ты не оставил ей фотографии. Потом за ней стал ухаживать Рудольф, – он показал головой на зятя, – который вернулся из армии. Раньше он жил на нашей улице, и через некоторое время она взяла отпуск в институте, где училась, и вышла за него замуж, – рассказал Вальтер.

– Он хорошо улыбается, видно, добрый человек, – отме-

тил я.

– О, да, он очень работающий и хорошо относится к Эльвире. Он знает, кто ты, можешь не волноваться, – сказал Рудольф.

Тут подошла Дохен и сказала, что меня приглашают к себе за стол её родственники, приехавшие в гости из Западной Германии. Когда я парковал свою машину у отеля, я видел седан «фольксваген» и микроавтобус с западными номерами. Я извинился перед Вальтером, поздравил его с внучкой, пожелал его семье всего доброго и направился к западникам. Евгению я объяснил, что это мои знакомые, с которыми немного поболтаю.

– Хорошо, я поем и потом погуляю, – ответил он.

Для западных гостей были сдвинуты столы, и за ними сидели человек двенадцать мужчин и женщин и двое подростков. Некоторых из взрослых я видел и раньше, когда они приезжали, и они здоровались со мной как со старым знакомым. Мне поставили стул, я сел, и мне сразу предложили двойной штоф со словами:

– Мы угощаем тебя: «Цум воль».

Поблагодарив и пожелав им того же, я разом выпил. Мне принесли мною заказанное блюдо, и я, кроме завтрака, ничего не евший, с удовольствием стал есть. Через какое-то время, уже захмелев, они стали расспрашивать меня, что нового в жизни Советского Союза. И пошёл обычный в таких случаях разговор. О старых меняющих друг друга руководите-

лях, о войне в Афганистане, о гонке вооружений, о социализме, ограничивающем людям свободу предпринимательской деятельности и т. д. Я никогда не был категоричным защитником существующего положения в стране. Хотя по инструкции был обязан «отстаивать социалистический образ жизни». Было очевидным, что и руководители нужны молодые и что любая война хуже, чем плохой мир. Что касается вопроса, какая система лучше, капитализм или социализм, я уклончиво отвечал: «Время покажет». И мне тогда на самом деле казалось, что обе системы со временем будут сближаться, сглаживая недостатки, заимствуя друг у друга положительное, и со временем превратятся в некий унифицированный капиталистический социализм. По крайней мере, мне так хотелось. Мне и в голову тогда не могло прийти, что социализм когда-нибудь без войны или других потрясений может быть низложен.

– Надежда на будущее – непременно прекрасная, умная девушка. А вот история, как всегда, противоречивая, часто недобрая, а порой просто злобная старуха, – сказал я фразу, которую придумал раньше и которой не раз в подобных разговорах пользовался.

Такой ответ их не удовлетворял, и они настаивали на очевидных пороках декларативной, искусственно созданной нашей социалистической системы. Кроме того, наличие двух соседствующих государств одной немецкой нации показывало разные результаты экономического развития и уровня

жизни. Это был их веский аргумент в диалоге о системах. Иногда мне приходилось участвовать в подобных разговорах и с работниками предприятий ГДР. Они, надо понимать, в шутку об этом говорили так: работать хотим спокойно, без излишних напрягов и без безработицы, как в ГДР, а жить красиво, как в ФРГ. Первое в ГДР было реализовано довольно быстро после окончания войны, а вот второе так и осталось маяком на горизонте.

Эти строки я пишу в 2020 году, и теперь мы знаем, что случилось с миром, в частности с германским народом, за эти прошедшие 35 лет. Теперь это всё в прошлом.

Глава 13. Гора, соединяющая три страны, и возрождающийся Дрезден

Но вернёмся в то время, когда мы вместе со съёмочной группой направлялись в Саксонию к замечательному человеку, гиганту Хартману, на последний этап съёмки. Путь лежал от Карл-Маркс-Штадта через Дрезден, столицу Саксонии, дальше в сторону горного пограничного триумvirата между Чехословакией, Польшей и ГДР.

Я вспомнил, как там, когда-то поднявшись на гору высотой метров пятьсот, я расположился на её травянистой вершине. Был тёплый солнечный день. Под склоном слева от меня виднелись зреющие поля, зелёные рощи вдоль дорог, сады, а вдали в лёгкой дымке лежало польское поселение Синявка. Правее от меня протекала небольшая река Низа, искрясь рябью волн и бликами солнечных лучей, уходя вправо на территорию городка Градек над Низой уже в Чехословакии. Сам я сидел на траве немецкой земли и думал об истории этих мест, пытаюсь понять, каким образом именно здесь, в одной точке, где я сижу, сошлись три луча границ и сколько было положено жизней, чтобы это было именно так.

Вдохновляющая погода и все любопытные обстоятельства сподвигли меня, русского человека, попавшего сюда волею судеб, написать лёгкое незатейливое стихотворение, выплеснувшееся на лист бумаги буквально за несколько минут.

Это стихотворение значительно позже попадёт в первый мой сборник стихов как частичка моей, как я теперь понимаю, интересной истории.

Опять вдали, опять тоска
По синеве родной.
Живут же как-то облака
Бездомною судьбой.
Мне ж, как листку, не повезло:
От крепкого ствола
Вдруг вихрем жизни унесло
В саксонские дела.
И за безумной суетой
Вот так, среди полей,
Я вспоминаю наш покой
Сибирских славных дней.
И всё же странен этот мир
В условностях своих:
Вот я сижу, пленитель лир,
Слова прессую в стих.
Под склоном слева от меня
Ручья бежит поток,
За ним там польская земля,
Синявка – городок.
А справа, слышу, чех поёт
Чуть ниже под горой,
Земля там чешская цветёт
И Градек над Низой.
А подо мною на горе

Саксонская земля.
И сам я даже загорел
Под общим солнцем дня.
Прощай, безвестная гора!
А впрочем, имя дам,
Я назову её «Пора».
Пора к своим друзьям.

Проезжая Дрезден, мы решили задержаться, сходить в музей Цвингер, пообедать и затем уже ехать к нашему Хартману. Подъезжая с запада к Дрездену, мы на несколько минут задержались у большой вывески со стрелкой по направлению к городу Торгау. Именно там произошла всем известная встреча на Эльбе 25 апреля 1945 года союзнических войск. С огромной радостью американские, советские солдаты и офицеры обнимались, выпивали и радовались приближению конца войны.

Хоть время далеко унесло нас от тех военных событий, но даже сейчас на этой земле, откуда пошла эта смертоносная волна низвергающего и всё уничтожающего вулкана человеческой жестокости, всё ощущалось кожей, и не верилось в реальность произошедшего человеческого безумия.

Когда мы въехали в Дрезден, Иванов снимал улицы города, а режиссёр Ерназарова была поражена разрушениями, увиденными в самом центре города. Гигантские руины зданий и церквей до сих пор стояли как памятники безумию. Тут и там возвышались строительные краны, возводившие

целые кварталы домов на месте разрушенных.

— Господи, как же это было возможно? Невероятно. Как же так, ведь прошло после войны сорок лет? Какие же разрушения были тогда сразу после войны, если до сих пор есть ещё много разрушенного? — восклицала она.

— Дрезден, красивейший город Европы, был разбомблен практически в самом конце войны, — рассказывал я. — Город находился уже далеко в тылу, и тем не менее англичане и американцы решили провести акт возмездия. Это они сделали в отместку за бомбёжки английских городов в начале войны, в которых фашисты безжалостно уничтожали гражданское английское население, и за другие преступления, совершенные вермахтом в ходе военных действий в Европе. В Дрездене буквально за несколько часов погибло более тридцати тысяч человек — в абсолютном большинстве мирных жителей.

В музейном комплексе Цвингер нас объединили ещё с одной группой советских туристов с русскоговорящим гидом. Я уже многократно бывал в этом музее. Но каждый раз вновь и вновь удивлялся величию неиссякаемого творческого духа человека даже во времена ожесточённых войн или моровых болезней. Человеку свойственна самореализация творческого потенциала в любых обстоятельствах, когда он избавляет себя от накопившихся идей, образов и переживаний в минуты и часы вдохновения. Часто великие вещи рождаются и как результат обязательного подневольного труда или про-

сто за кусок хлеба, показывая неповторимый талант мастера. В каждом музее мира есть особые места, где хочется тихо, спокойно посидеть, глядя на эти творения. Невольно задумываешься о своей жизни и о времени, в котором живёшь, сравнивая масштабы событий прошлого и настоящего.

Выйдя из музея, уже стоя во дворе отреставрированного великолепного архитектурного комплекса, мы удивлялись и ещё раз задавались простым вопросом: как могли военные лётчики, то есть люди, получив преступный приказ от политиков, разрушать эту красоту без какой-либо необходимости? В то же время советские войска старались сохранить от уничтожения не только отдельные музеи, но и целые города.

...Мы оказались на немецкий манер пунктуальными. В 14:00 нам открыли ворота хорошо знакомой мне территории. Хартман с двумя помощниками встретил нас радушно. После представления моей компании геноссе Хартман сломал нашу волю: несмотря на то, что перед выездом из Дрездена мы перекусили в кафе, мы пошли за ним в фабричную столовую пить чай. Стол был уже накрыт. Ко мне подбежали несколько ткачих и бесцеремонно обняли меня, как близкого друга, словно показывая моей жене, как надо любить своего мужа.

Одна из них, Петра, вместе с мужем работавшая на фабрике, в один памятный, четырёхлетней давности вечер сдачи станков в эксплуатацию убеждала меня провести с ней ночь у неё дома.

– Но ведь у тебя есть муж, вот он стоит, – говорил я. – Петер, – обратился я к её мужу, – я не понимаю, это шутка?

– Нет, Николай, это не шутка. Сегодня у меня встреча с моей подругой у неё дома. Петре одной дома будет одиноко, – улыбаясь, сказал тогда Петер.

Я был удивлён такими взаимоотношениями мужа и жены, живущих одним домом. Мы ещё несколько пошутили, и я поблагодарил Петера за доверие, Петру – за приглашение и, сославшись на ранний утренний выезд в Берлин, распрощался с ними. В то время в ГДР практиковалось общение целыми семьями со сменой партнёров. Неоднократно я видел городские выставки откровенных фотографий, где были показаны две семьи или несколько, обнажёнными отдыхавшие на природе с детьми.

Вспоминая те события четырёхлетней давности, я спросил:

– Как теперь твой Петер, работает он ещё на фабрике?

– О, хорошо! Он теперь начальник цеха и, как всегда, любит меня.

Все громко смеялись. Затем они попрощались с нами и ушли.

За чаем Хартман сказал, обращаясь к моей компании:

– Геноссе Жуков был в авторитете у наших женщин. Они хотели оставить его здесь жить. – И он громогласно захохотал, глядя на мою жену.

Было видно, что жене всё это театральное представление

не понравилось. Я перевёл разговор на предстоящие поставки станков на другой филиал этого предприятия, и мы уточнили порядок съёмки. Дело завершили за час.

Перед расставанием Хартман отвел меня в сторону:

– Николай, мой коллега из Грюневальда хочет с тобой встретиться и поговорить сегодня, это важно для тебя и для твоего завода.

– Хорошо. Оформимся в отель, и я проеду в Грюневальд.

Мне пришлось объясниться с женой, что там у меня деловая встреча, и ехать туда я должен один.

Распрощавшись с Хартманом и сопровождавшими его людьми, мы выехали за ворота предприятия и ещё раз отметили колоритного Хартмана, внёсшего дружеское и непринуждённое настроение в ход съёмки.

Из Грюневальда я вернулся к полуночи, когда жена уже спала.

На следующий день по пути в Берлин я предложил попутчикам посетить музей-крепость «Бург Штолпен». Кроме прочего, эта крепость известна гигантскими базальтовыми восьмигранными карандашами, торчащими из земли многие тысячелетия. В самой крепости сохранились орудия пытки людей в прошлых веках. Большая часть этой крепости была выдолблена прямо в горе. Верхняя часть построена из того же базальтового камня и выглядит мрачным чудовищем не только внешне, но и своим назначением. Там начиная с пятнадцатого века содержали противников саксонской вла-

сти, пленных воинов и политических заключённых. В самом низу были установлены колесо для четвертования человека, гильотина для отделения головы от туловища, виселица и множество других различных приспособлений, применяемых для пыток и казни людей.

...Здесь враг врага колесовал, смеясь,
Срывала смертный возглас гильотина:
Палач и жертва оба, помолясь,
Свершали скорбный путь христианина.

Выйдя из мрака крепости наружу к солнцу, осознаёшь, что это только малая частичка того, что было создано в веках человеком для истребления другого человека. Наступит ли когда-нибудь окончательное и полное развитие разума и души человека, чтобы он, этот венец божественной природы, перестал уничтожать не только себе подобных, но и саму идею человеческого существования на земле?

В подавленном настроении от всего увиденного, мы, немного уставшие, сели в машину и молча, поехали по направлению к Берлину. Я думал, что надо повсеместно в людных местах установить разного рода напоминания, показывающие злодейство человеческих деяний, а не прятать это в подвалах. Шёл тёплый апрель 1985 года.

Глава 14. Промышленный шпион по собственной инициативе

Командировка по Восточной Германии со съёмочной группой была насыщенной и окутала приятной новизной. Теперь нужно было возвращаться к рутинной реальности, над которой сгущались тучи. Вопреки календарю, апрельская солнечная погода радовала почти летним теплом. Благотворная весна шла своим законным путём, несмотря на щедрую способность людей сознательно или ненароком ранить души друг друга.

После приезда шефа из Венгрии у меня ещё не было возможности подробно отчитаться перед ним. Проводив Ерназарову и Иванова, я освободился от временных дел, и в первый же понедельник такая возможность или лучше сказать – неизбежность представилась.

– Здравствуйте, Леон Евсеевич, – сказал я, входя в кабинет.

Шеф был серьёзен:

– Наконец соизволил. Проходи, артист.

– Леон Евсеевич, у этого слова кроме прямого смысла есть ещё одно значение. Ни то ни другое ко мне не подходит.

– Я имею в виду, что ты совсем зазвездился. Почему не вернулись из поездки в среду?

– Наш старый друг Хартман перед прощанием передал

мне, что главный инженер комбината в Грюневальде Маллер хочет со мной встретиться.

– У меня среди немецких коллег друзей нет, ни старых, ни новых. Так что не объединяй меня со своими подельниками. Я ещё могу допустить слово «товарищ».

– Хорошо, вы правы, неверное слово, тем не менее с товарищем Хартманом я знаком по работе уже больше четырёх лет, и последние съёмки мы завершали именно у него. Между прочим, он передавал вам привет. В среду мы уже собирались возвращаться в Берлин, но вместо этого мне пришлось ехать к Маллеру. А это пятьдесят пять километров по горной дороге только в одну сторону.

– Что ему надо было? – Шеф по-прежнему говорил строго.

– Маллер рассказал кое-что о политическом положении в ГДР. У него есть родственник в самом близком окружении Эгона Кренца, от которого он, Маллер, узнал, что Хоннекера, который серьёзно болен, в ближайшее время могут подвинуть. Произойдут коренные изменения в отношениях западных и восточных немцев, и ГДР станет придатком Западной Германии. Промышленность Восточной Германии, не выдержав конкуренции, рухнет. Это так или иначе скажется на отношениях с нашей страной. Есть сведения, что и Горбачев во время переговоров с Бушем и Колем затрагивал тему объединения двух Германий, о чём пока в нашей прессе официально не писали.

– А при чём здесь ты? Ты что, политик, разведчик... или ты кто? Ты всего лишь рядовой сотрудник технического центра, – ещё более раздражённо сказал шеф.

– Но разве вам такая информация не интересна? Хотя мы с Маллером не только о политике говорили. И, собственно, не это было главным в нашем разговоре. Маллер предложил полный комплект технической документации последней усовершенствованной модели станка нашего конкурента, которую мы ещё не знаем. Именно в эти дни у них на комбинате работает представитель конкурента со своими станками и будет там ещё четыре дня. Потом он уедет и увезёт с собой документацию. На раздумывание у нас нет времени. Такого шанса больше не будет. Завтра в семь вечера в парке Маллер передаст мне документацию, а уже в пять утра я должен вернуть ему в руки. Мы с ним договорились, что сегодня до десяти часов я должен по телефону подтвердить мой приезд. А мы в «Техцентре» должны подготовить ещё один ксерокс, бумаги пачки три и вывести двоих наших сотрудников в ночь.

– Что, так много документации? – смягчённым голосом спросил шеф.

– Четыре полных каталога. Нам очень нужна эта документация. На заводе есть нерешённые конструктивные проблемы. Я думаю, что в папках есть ответы на такие вопросы. Кроме того, по документации мы поймём направление развития конкурента.

– А ты не думаешь, что это – провокация и ты попадёшь в разработку Штази или, хуже того, швейцарских спецслужб?

– Не думаю. Маллер даёт нам ценную информацию о том, что происходит сейчас в их структурах власти, которую никто из наших не знает, кроме нашей спецслужбы, потому что из того же источника известно, что Кренц – вероятный преемник Хоннекера. Он имел контакты с руководителем нашей разведки в ГДР. Это достоверная информация. Спецслужба ГДР Штази лучше других знает, куда дует ветер, поэтому организовывать какую-то провокацию против человека из СССР никто не станет. Леон Евсеевич, родственник Маллера, помощник Кренца. Ошибки быть не может. Нас всех ждут серьёзные перемены. Политика Горбачёва непредсказуема. Наши немецкие друзья с уверенностью говорят, что Горбачёв сдаст восточных немцев Западу.

– Что-то ты слишком смело обсуждаешь нашего Генерального секретаря.

– Леон Евсеевич, мне больше некому рассказать. Я вам передал то, что узнал в Грюневальде. В конце концов, мне просто интересно было получить информацию из первых рук, и криминала я тут не вижу.

– А ты вправе заниматься политическими вопросами? Ты, праведник, это входит в твои обязанности? Похоже, ты совсем зарвался, и с тобой придётся разбираться в другом месте, – в голосе шефа вновь зазвенел металл. – То, что ты говоришь, это всего лишь сомнительные сведения частных лиц.

– Я могу за свои действия ответить перед кем угодно. Говорю вам это только для того, чтобы объяснить свою задержку из командировки. Можете никуда не передавать эту информацию. Ваше дело. Но по второму вопросу вы как представитель внешнеторговой посреднической организации обязаны содействовать заводу в получении необходимой документации о конкуренте. И я прошу вас помочь мне. А отношения мои с Маллером дружеские не первый год, и, как видите, он меня никому не сдал.

– Та-ак, та-ак, – в растяжку вымолвил шеф, было видно, что последнее мною сказанное его особенно заинтересовало. – Вот что я тебе скажу. Второй ксерокс завтра будет. На складе есть новый, копирование я организую. Но если ты вляпаешься в дерьмо, я ничего не знаю. Ты самовольно всё это затеял, и сам будешь отвечать. Ты уже превысил все свои полномочия и инструкции. Твоим командировочным заданием не предусмотрено заниматься промышленным шпионом и вступать в контакты с иностранными гражданами по политическим вопросам. Кроме того, ты нелицеприятно отзываешься о руководителе нашей страны. Ты это осознаёшь?

– Более чем, – сдержанно ответил я, внутренне довольный. Мне было важно, чтобы шеф санкционировал поездку за каталогами.

– Кстати, а что ему надо за это?

– Он никаких условий не выдвигал. Просто хорошо относится к СССР. Бывал у нас, отдыхал в Сочи. Думаю, он про-

сто наш друг.

– Ладно, я под это дело что-нибудь организую.

– Но ведь он ничего не просит.

– Это мои проблемы, не суйся, – заключил шеф.

Через пару дней позвонил работник систем связи торгпредства Саша Евтошкин и пригласил вечером поиграть в волейбол в посольском дворе, где по вечерам собирались любители волейбола. Он просил привезти дочь, чтобы наши девочки пообщались. После игры Александр сказал мне:

– Твой шеф Молов крайне недоволен тобой. Он обсуждал это у заместителя торгпреда в присутствии кадровика Перова и незнакомого мне человека. Наверное, это приезжий кагэбэшник. У тебя могут быть проблемы, будь осторожен. Ты должен знать, что недавно Григорьева увезли в наручниках.

– Да, я это знаю. Его сын учился в одном классе с нашими девочками. Спасибо, Саша, что предупредил. Только у меня нет каких-то серьёзных грехов.

«Значит, он всё-таки начал действовать», – подумал я о шефе.

На следующий день после обеда я выехал в Грюневальд. На место я прибыл на час раньше назначенного времени. Перекусив в гостинице возле парка, я подошёл на детскую площадку. Маллер уже был там с двумя маленькими внуками. Коротко поздоровались. Он был спокоен и сказал:

– На парковке зелёный «Вартбург». Припаркуйся справа – передняя дверь открыта, на сиденье пакет. Утром прошу

без опоздания – в пять. До встречи.

– Хорошо, – благодарно ответил я.

Он смотрел на меня и закрывал своей головой солнце. Вечерние лучи, пробивавшиеся через его рыжие кудрявые волосы, образовали вокруг его головы ореол света, как у святого. Мне хотелось ему это сказать, но я сдержался. Мы распрощались, и я хорошим ходом направился в Берлин.

В «Техцентре» всё было готово. Расторгуев и Калинин уже ждали меня. Передав упаковку с папками, я уехал домой отдыхать. Приняв ванну, я долго не мог уснуть, а проснулся за полчаса до будильника. В два часа ночи коллеги закончили работу и ждали меня у выхода. Я, перепроверив папки, сразу выехал на тёмные улицы города.

На съезде с трассы, ведущей в аэропорт Шёнефельд, меня остановили полицейские. Проверили документы и равнодушно спросили, почему так рано. Первое попавшее в голову объяснение их устроило, и они пожелали удачи. На прежнее место парковки в Грюневальде я приехал раньше на двадцать минут. Откинув сиденье, я мгновенно уснул.

Я проснулся от стука в окно. Стоявший у двери Маллер, не дожидаясь, когда я приду в себя, открыл дверь, отметил мою крепкую психику, забрал папки и сказал:

– Не выходи из машины. Будешь в наших краях – позвони, надо будет поговорить ещё. Есть новости. Сейчас я спешу – это не горит.

– Хорошо, – сказал я, и мы расстались.

На востоке начинало светлеть небо. В Новосибирске уже целый час как солнце пыталось согреть не избалованную теплом землю. Как всегда, вспомнились озёра, ещё не освободившиеся ото льда, на которых сейчас, может быть, кто-то готовился заняться последним в уходящем сезоне подлёдным ловом. Я посидел ещё минут десять в машине, покурив и не спеша направился по направлению к Дрездену. Какое удовольствие, когда никуда не торопишься. Я ехал по горной местности, вспоминая, какая бывает здесь природа летом, одетая в листву.

В конце апреля в Лейпциге проходила очередная промышленная ярмарка. Всем советским специалистам было дано задание участвовать в сборе различной информации со стендов о выставленных образцах оборудования, показывающих вектор развития технической мысли. Выслушав задание шефа, я спросил:

– Чем отличается сбор информации от промышленного шпионажа?

– Если руководство даёт задание, то это значит сбор информации, товарищ Жуков. Надо внимательно слушать, – вполне серьёзно сказал шеф. На этом просвещение закончилось.

Удивительно, но ещё полтора столетия назад все обладатели технологий, имевшие преимущества в экономическом развитии, наоборот, скрывали любую информацию. А те, кто хотел завладеть информацией о новых разработках, шли

на любые ухищрения. Особенно в этом отличались именно немецкие предприниматели. Они лично выезжали в Англию или Францию, маскируясь разными способами, иногда устраиваясь на службу к конкурентам, и выводили промышленные секреты. Этим грешили на заре своего развития теперь известные Брёгельман, Крупп, Сименс и другие.

Глава 15. Честный куратор из Москвы против жулика из среднего номенклатурного звена

Прошли майские праздники. Свой день рождения я отметил дома, пригласив Алексея и Валентину Григоренко. Семизэтажный дом, в котором мы жили, был в основном для иностранцев. Публика была разношёрстная. В ближайших кварталах располагались офисы различных фирм. Любопытно было наблюдать за разноцветными детьми, играющими вместе на детских площадках. Политика им пока была неизвестна, и они не замечали разницы в цвете кожи. Там и дочь Анжелика довольно часто проводила время.

После обеда мы отправились погулять по городу. На улицах были видны признаки Праздника Победы и покаяния. Особенно многолюдно было на мемориале «Панков» и в Трептов-парке, куда мы проехали вместе с детьми на машине. У Григоренко была дочь Оксана, на год младше Анжелики, и они раз за разом терялись в толпе – так много было народу. Звучали классическая музыка, марши и советские песни. Представители различных стран и общественных организаций возлагали цветы к бронзовому солдату-победителю с немецкой девочкой на руках. Ещё раньше мне приходилось бывать и на третьем мемориале, посвящённом Дню По-

беды, расположенном в Западном Берлине за Бранденбургскими воротами.

В конце мая я получил на склад большой комплект запчастей, которые были размещены на стеллажах склада, была заведена картотека. На совещании шеф сказал:

– Кладовщицей назначаю жену Виктора Дмитриевича Расторгуева, Раю.

– Леон Евсеевич, я материально ответственный по доверенности от завода. Стоимость запчастей – три миллиона марок. Я не могу дать ключ от склада постороннему человеку, – сказал я.

– Она сотрудница Техцентра, жена твоего коллеги Виктора Расторгуева. Ты что, им не доверяешь? Виктор Дмитриевич, твой друг Жуков тебе не доверяет, – обратился шеф к Расторгуеву.

– Жена друга – это не должность, тем более жена не моя, да и работник не моего завода.

– Короче, Жуков, я решил. Сдай ключ от склада Расторгуевой, – сказал шеф.

– Хорошо, но я должен информировать руководство завода, что снимаю с себя ответственность. Сегодня подготовлю факс, надеюсь, вы подпишете.

– Кроме того, – продолжал шеф, – в связи с массовыми поставками текстильного оборудования других заводов для текстильных комбинатов ГДР до особого распоряжения будешь курировать эти поставки, принимать монтажников,

размещать по отелям. А также будешь контролировать ход монтажа и рассматривать рекламации. Заводы-поставщики этого оборудования оформляют своих специалистов для работы в «Техцентре», но они будут в октябре-ноябре.

Через пять дней секретарша Вера шепнула мне, что факс на завод лежит у шефа в папке не подписанным. Я всё понял. Ещё до передачи ключа от склада Расторгуевой Раисе я на всякий случай оставил себе один ключ.

Тогда я написал письмо, коротко изложив сложившуюся ситуацию, и отправил его на завод торгпредской почтой.

Через неделю нас собрал шеф и объявил:

– Со дня на день у нас будет высокопоставленный гость из Москвы. Кроме прочих вопросов, которые он тут решает, он изучает ещё тему технического обслуживания советского оборудования в ГДР. Выбор пал на наш «Техцентр».

На следующей неделе в пятницу, сдавая отчёт по очередной командировке в бухгалтерии торгпредства, я встретился с Александром Евтошкиным. Он подтвердил приезд гостя из Москвы и сказал, что это секретарь ЦК КПСС Северцев, курирующий отношения СССР с ГДР. Сейчас он ведёт переговоры с высшим руководством страны и руководителями внешнеторгового ведомства.

В день прибытия Анатолия Ивановича Северцева в «Техцентр», когда он уже осматривал здание, интересуясь, как организована работа специалистов, вдруг оказалось, что Рая Расторгуева не может найти ключ от склада. Мой склад необ-

ходимо было показать как самый крупный склад запчастей нашей страны в немецкой республике. Мне пришлось признаться шефу, что у меня есть резервный ключ и я смогу открыть склад. Он смотрел на меня, и я видел, как в его мозгу бьются противоречивые мысли, отражаясь тенями на его пухлом лице. Но он сдержался, ничего не сказал, видимо решив разобраться со мной потом. На складе я оказался близко к Северцеву. Уставший, в тёмной рубашке без галстука, он выглядел как обыкновенный человек с завода.

– Чей склад? – спросил он.

– Новосибирского завода «Сибтекстильмаш», – ответил шеф. Было видно, что он волнуется.

– Знаю я этот завод, был там. Это хороший современный завод, многие цехи которого оснащены станками с числовым программным управлением. И здесь, я вижу, всё солидно организовано. Кто представитель завода?

Я представился.

– Не скучно здесь работать?

– Скучать некогда, работы достаточно. Кроме своего завода веду ещё несколько.

– А почему нет представителей этих других заводов, уважаемый директор? Справитесь с дополнительной работой? – не дожидаясь ответа шефа, спросил Северцев.

– Трудновато, но до ноября, когда придут представители этих заводов, продержусь.

– Вовремя надо было заказывать людей, товарищ Молов.

Грядут большие перемены, по какому бы направлению они ни развивались, нам следует укреплять фундамент взаимоотношений с германским народом. Надо, чтобы они видели, что мы не просто победители, но и что мы в состоянии быть надёжным партнёром в любых других делах.

– Язык знаете? – обратился ко мне Северцев.

– Да, я закончил четырёхлетние курсы при торгпредстве.

– Так вы должны и переговоры проводить без переводчика...

Ответ мой предвосхитил шеф, сказав:

– Главные переговоры в основном провожу я или главный инженер. Моя штатная должность – директор «Техцентра». Но для большего представительства на переговорах прошу вас помочь организовать, чтобы должность моя называлась не просто директор, а генеральный директор. Чтобы вёл переговоры не какой-то там инженер...

Северцев перебил шефа:

– Уважаемый Молов, как вы можете говорить об инженерах так унижительно?! На инженерах, между прочим, держатся все производства, ими совершаются все открытия, а вы говорите – «какой-то». Ладно, рассмотрим вашу просьбу. Для этого должно быть соответствующее обращение вашего объединения в Министерство внешней торговли. Хотя мне не нравится ваше отношение к инженерам. Мужики, что скажете, не притесняет вас ваш руководитель?

Северцев обвёл всех глазами, но все стояли, молчаливо

поглядывая на своего патрона, и только Виктор Расторгуев криво ухмыльнулся. Его одесский юмор едва удержался на его языке.

Жирное лицо шефа было потным, и мне показалось, что у него трясутся губы. Выглядел он каким-то жалким. Инспектирующий несколько задержал взгляд на директоре и сказал как бы в общем, ни на кого не глядя:

– Отношения должны строиться на доверии, взаимном уважении, и целью деятельности должен быть исключительно результат работы согласно вашим командировочным заданиям. В вашем случае это – расширение экспорта и гарантии надёжности работы поставленного оборудования. А в случае рекламаций решать вопросы поставки запчастей и ремонта оперативно.

Северцев мне явно нравился: деловой, простой. Не так часто встретишь человека высокой должности, который говорит твоим языком. Короткое общение с ним вселяло долю оптимизма. Он пожал всем руки и вышел. Сопровождавшие Северцева мужчины выглядели более презентабельно. Очевидно, они не доросли ещё до положения, когда смогли бы себе позволить неформальность.

Я и думать не мог, что уже в декабре встречу с этим человеком вновь, но уже в другом месте и по другому поводу.

На следующий день шеф привёз новый замок, а Сеня Калининцев поставил его на складскую дверь. Я остался без ключей. Поднявшись в кабинет, я увидел Виктора Расторгуева с

забинтованной рукой.

– Что случилось, Виктор Дмитриевич, вражеская пуля? – с шутивым настроением спросил я.

– Если бы. Опять вчера с Семёном грузили мебель в контейнер для отправки шефу в Москву. Вот и придавил упаковкой.

Я не стал выяснять, что за мебель, и так было понятно: Женька Проклов возмущался не зря.

– Значит, у тебя опыта грузчика маловато. Шеф помогал?

– Нет, ему живот мешает, наклониться – это уже не для него, – сказал Расторгуев.

– А я, когда учился в железнодорожном училище, после работы и по выходным на товарной станции мы разгружали вагоны со всякой всячиной. Учителя у нас были хорошие – профессора своего дела. Сначала посылали за водкой, а потом нам, пацанам, самим же приходилось разгружать. Заработок делить нам не доверяли. На других условиях в бригаду не брали. Те, кого такое положение не устраивало, шли разгружать вагоны с углём. Там было без очереди, платили справедливо, но это было очень тяжело, особенно зимой, когда подмороженный уголь сам не хотел вываливаться через люки и его надо было долбить ломом, – поделился опытом я.

– Мне этого не надо было. У нас в Одессе не так холодно, как в Сибири. Да и потом я думал стать актёром. Мои родители были коренные одесситы. Они даже не представляли, чтобы я мог делать такую работу. Они всегда говорили, что-

бы я не пихал свои пальцы куда попало и берёг их для игры на гитаре.

— Да, у каждого своя стезя, — подытожил я.

Последующие месяцы я не вылезал из командировок. Работников заводов, приезжавших на монтаж, было много. Я встречал их с удовольствием. Мне было приятно почувствовать свежую струю новостей с Родины и поболтать с незнакомыми людьми. Некоторых я отправлял на предприятия поездом, если маршрут был без пересадки, там их встречали. Других, у кого маршрут следования был сложным, с пересадками, увозил на машине. Приезжающие были из разных советских городов, рассказывали о своей разной жизни. Как правило, это были люди с производств, не знающие или слабо знающие немецкий язык. Помня себя по первым командировкам, я им сочувствовал и покупал словари и книги по немецкому языку. Приезжали и мои земляки. Иногда их было до десяти человек, и они работали в разных концах республики. Двое из них приехали со своими семьями и были размещены в квартирах принимающей стороной. В таких случаях ребятам работалось спокойнее, и они не спешили домой. Работавшим на объекте по одиночке было значительно труднее, некоторые не выдерживали одиночества и запи-вали.

Совсем другая беда случилась год назад с Володей Кайновым. Он работал в «Техцентре» инженером по полиграфическому оборудованию. Был добрым, улыбчивым челове-

ком и хорошим специалистом. Дома на заводе он работал на вредном производстве. Может, это стало причиной его недомогания. Но когда в немецкой клинике «Шарите» его обследовали, выяснилось, что у него рак крови. Некоторое время он ещё приходил на работу, старался выглядеть, как всегда. Обычно разговаривал, улыбался, но в глазах были приглушены живые, неповторимые, свойственные ему огоньки искренней радости. Однажды вечером его жена и донжуан Виктор, предшественник Жени Проклова, пришли ко мне домой с бутылкой вина. Было уже довольно поздно, тем не менее моя жена поставила на стол кое-что перекусить. Общий разговор не клеился. Гости попросились посидеть поговорить, и мы с женой ушли спать. Встав рано утром, я увидел их, спящих в обнимку, и попросил уйти. На душе было мерзко. Конечно, между мужчинами и женщинами бывает всякое, но только не в такой ситуации. Я понимал, что Володя, скорей всего, сейчас не спит. Наверняка он догадывался, где его жена и с кем. Володя и Виктор несколько лет работали вместе. Тотальное предательство друга и жены.

Когда все формальности, необходимые для отъезда, были выполнены, я помогал Владимиру упаковывать вещи. Я не мог заставить себя посмотреть на его жену и обращаться к ней по имени. А он обыкновенно разговаривал, шутил. Что это? Мужество и самообладание или осознанное восприятие безысходности?

Много лет спустя, когда мне уже было под семьдесят, у

меня тоже была диагностирована онкология. Тогда я понял, что, пока человек не окажется непосредственно у последней черты, он сохраняет оптимизм и надежду.

Глава 16. Пришла беда – открывай ворота...

В конце июля после скандальной переписки с заводом мне вернули ключи от моего склада с требованием сделать ревизию. А в конце августа после передачи деталей по гарантии и по заявкам предприятий на коммерческой основе шеф вызвал меня к себе.

– Жуков, ты так и будешь возить детали со склада неизвестно куда? Где мой интерес? – тихо и с акцентом на слове «мой», ломая в руках скрепку, спросил шеф.

– Леон Евсеевич, проверьте рекламации и заявки на запчасти. Всё сделано согласно инструкции, документы могу вам представить. Кстати, они были у вас на утверждении. А в делах с вашими интересами я участвовать не буду.

– Но ты тогда должен понимать, что ты мне здесь не нужен.

– Не нужен где – в кабинете, в «Техцентре», в Германии?

– Тогда ты поедешь домой в свою Сибирь.

– Леон Евсеевич, это раньше ссылали в Сибирь, теперь это обжитый край. Приличные люди живут там. Кроме того, у меня там дом, мать, семья, друзья. Домой я всегда рад поехать. Это для вас Сибирь может оказаться ссылкой.

– А ты за меня не беспокойся. Смотри, твоё дело. Ты не хотел жить по-человечески, а на мои кандалы ещё не добыли

металл, – скрепка в руках шефа превращалась в замысловатую фигуру.

– Почему вы решили, что меня откомандируют? Ведь завод меня не отзывает, а срок у меня заканчивается в мае следующего года. Грехов за мной не числится, чем мой отъезд обоснуете? – спросил я.

– Грехи у тебя есть, и ты о них узнаешь в ближайшее время. – Шеф бросил изуродованную скрепку в пепельницу. – В ноябре сдашь все дела новым представителям заводов. – Голос его стал твёрдым, победоносным, выразившим несомненное превосходство.

Я вспомнил тот день, когда нас посещал с инспекцией московский гость и как тогда тряслись пухлые щеки шефа. Как меняются люди, приобретая уверенность авторитетом кресла.

– Мне сегодня машину надо сдать в ремонт. Я могу идти? – спросил я шефа.

– Можешь. – И он несколько раз покашлял, как он это делал всегда, когда нервничал.

Я внешне был спокоен, но сердце тоже колотилось. В этом коротком разговоре я понял, что теперь события будут разворачиваться в ускоренном темпе.

На улице шёл мелкий частый дождь. Я сел в свой старенький «жигулёнок» и поехал в район Карлсхорста. Неделю назад, когда я проезжал мимо одной стройплощадки, навстречу выехал грузовик КраЗ. На повороте с верха его ку-

зова соскользнул кусок бетонного бордюра. Удар пришёлся на левую сторону багажника. Я вызвал местную полицию, нашего консульского работника, составили протокол на дорожное происшествие. Через несколько дней мне сообщили адрес, где будет произведён ремонт за счёт страховки.

Направляясь по адресу станции техобслуживания после разговора с шефом, я был задумчив. В зеркало я видел, что сзади за мной на мотоцикле следует полицейский, но как-то не придавал этому значения. Через некоторое время он обогнал меня, остановился и показал жезлом: «К барьеру». Представившись, он заявил, что я четыре раза нарушил правила движения. В ответ на мой удивлённый взгляд он перечислил мне нарушения и добавил: правила его страны отличаются строгостью, но их надо соблюдать. Я не возражал и искренне извинился. Он попросил документ на повреждение автомобиля, проверил и отпустил. Дальше я ехал внимательно, проговаривая про себя дорожные знаки.

Пришла беда – открывай ворота. На узкой дороге, уже в районе Карлсхорста, встречная машина обрызгала лобовое стекло мутной жижей. Включаю дворники – они не включаются. Быстро останавливаюсь. Выхожу из машины – в пяти метрах от меня раскопана моя полоса дороги и огорожена лентами. В яме под палаткой работают люди со сваркой.

По телу пробежали мурашки, и сердце вновь чувствительно задёргалось. Я включил аварийные сигналы, протёр стекло и поехал медленнее, обдумывая произошедшее. Вот тебе

и «крепкая психика».

Через три дня, получив автомобиль после ремонта, я исполнял работу, как будто ничего не случилось. Правда, шеф со мной не здоровался. Он меня просто не замечал – видимо, уже списал за бесполезностью.

В день получения автомобиля произошло ещё одно происшествие. Позвонила Катя, жена Виктора Боголюбова, который уже несколько дней находился в командировке, и она сказала, что рождает. В «Техцентре» из женщин была только Вера, и пришлось с ней срочно ехать к Катерине домой принимать роды. По дороге я осведомился:

– Вер, ты роды когда-нибудь принимала или, может,рожала?

– Да что ты, Коля, не принимала, не беременела и не рожала и всего этого боюсь.

– Тебя природа должна была к этому подготовить.

– Нет, Коля, это не про меня. У меня даже в голове этого нет.

– Ну да, ты права. Вот когда Бог пошлёт тебе любимого, тогда в сладострастных муках у вас заведётся то, что надо. Вот тогда Всевышний шепнёт тебе на ушко ценную информацию.

– Ну, слушай, не смущай меня, а то я покраснела.

– Это хорошее качество – краснеть. Это что-то от целомудрия.

– Только меня, такую целомудренную, никто замуж не бе-

рёт.

– Всему своё время. Тот, кто тебе предназначен, тоже набирается ума и жизненного опыта и однажды на белом коне увезёт тебя в заманчивую страну любви, чтобы обмануть и нагрузить тебя заботами, которые любовь твою превратят в рутину. И будешь вспоминать сегодняшний день как перво-данное счастье.

Через пять минут подъехали к дому, зашли в квартиру. Катя убирала с кровати мокрые простыни и коротко сказала:

– Воды отошли, надо поторопиться в клинику «Шарите». По страховке там мне рожать.

«Ну, слава Богу, хоть не дома всё это произойдёт. Гора с плеч», – подумал я.

– Давайте быстрее, чтобы успеть. Возьмите упаковки с детской одеждой. Вера, поддержи меня, а то выроню раньше времени. – И Катя, как-то неожиданно и не к месту, хохотнула. Разместившись полулёжа на заднем сиденье, она сказала: – Гони, Николай.

Я включил аварийку, перекрестился и подумал: «Ну, дай Бог, чтобы полицейские не перехватили».

Всевышний оказался великодушен, ведь сказал же: «Плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю». Риск был оправдан. Немецкие машины притормаживали на мои сигналы, расступались, даже когда я ехал на красный свет. Машину бросил прямо у входа в госпиталь «Шарите», находившийся на улице Унтер-ден-Линден, недалеко от нашего по-

сольства. Катю мы поддерживали с двух сторон. В лифт она заходила, едва перебирая ногами. На четвёртом этаже, куда нам указали, её уже ждали. Кате задали формальные вопросы и, уложив на каталку, сразу увезли. Предполагая, что я муж роженицы, попросили не уходить. Я предупредил, что вернусь через пять минут, сходил вниз, поставил машину на парковку, купил в киоске напитков, газеты и расположился на металлических креслах родильного отделения. А Вера пошла в торгпредство – доложить о ситуации с Катей. Я отметил большую разницу в порядках родильного отделения. Здесь посетители ходят по этажу в одежде, в обуви. У нас дома дальше приёмного покоя не попадёшь.

Минут через двадцать пять вышел принимавший Катю доктор и серьёзно сказал:

– Ну, поздравляю вас, папа, с сыном! Хорошо, что вы успели.

Я сразу понял, что он принял меня за мужа Катерины, не стал его разочаровывать и, улыбаясь, ведь я на самом деле был рад, что всё удачно получилось, ответил:

– Спасибо вам, доктор! Я очень рад!

– Как назвали сына? – спросил он.

– Ещё не решили, – ответил я.

Доктор передал мне список, что можно привезти роженице завтра, а подошедшая сестра вручила мне верхнюю одежду Катерины.

Когда я вышел на улицу, то сразу увидел около моей ма-

шины трёх полицейских. Они смотрели куда-то мимо меня, видимо я не был похож на того, кого они ожидали. Когда я подошёл к ним и поздоровался, они почти одновременно сказали:

– Ага, вот он. Это ваша машина? – И получив утвердительный ответ, попросили документы.

Посмотрев водительское удостоверение, сержант сказал:

– Так, Жуков, Советский Союз. Товарищ Жуков, несколько наших граждан позвонили в полицию и рассказали...

– Что я много раз нарушил правила движения, – не дослушав говорившего, сказал я. – Да, это, к сожалению, правда. Дело в том, что у меня в машине рожала женщина, а я, естественно, не мог ей помочь. Вот и пришлось гнать от самого Панкова.

– Кто может подтвердить, что вы везли беременную? – спросил другой полицейский.

– Она больше не беременная. Она уже родила. Можете спросить на четвёртом этаже у доктора Райделя.

Сержант быстрым шагом пошёл в госпиталь. Минуты через три он вернулся и сказал, что Райдель подтвердил, что роженицу Боголюбову привёз муж.

На немой вопрос державшего мой паспорт пришлось признаться, что я не муж, а коллега по работе – так вот получилось.

Задав ещё несколько вопросов и составив протокол, меня отпустили. Я их поблагодарил и заверил, что больше так го-

нять не буду, если только кто-то из моих соотечественниц не начнёт вновь без предупреждения рожать. К счастью, в коллективе больше никто не рожал.

На следующий день, уже в двенадцатом часу ночи в домофон позвонил Виктор Боголюбов, вернувшийся из командировки.

Я впустил его, он был с бутылкой вина. Я ему рассказал всё в подробностях и об истории с полицейскими. Он предложил мне быть крёстным отцом. Я согласился – много ли людей становятся отцами за границей, пусть даже крёстными? Виктор высказал своё негодование по поводу интриг шефа по отношению ко мне. Успокаивал меня, что плохого ничего не может быть. Иначе это будет нахальство, несправедливо и незаконно. Пошутили и, не допив бутылку, распрощались.

Через три дня меня пригласили к заместителю торгпреда, курировавшего автотранспортные дела, Щенкову. В кабинете он был один. Ему было лет шестьдесят, был он невысокого роста, с довольно длинными рыжими волосами, зачёсанными назад. На его круглом лице с маленьким курносым носом и тяжёлым подбородком, выдвинутым вперёд, были большие добрые небесные глаза. Этими чертами лица он на самом деле соответствовал своей фамилии. Но, как ни старался он быть строгим, у него это получалось плохо.

– На тебя пришло письмо из полиции Берлина. В течение нескольких минут ты многократно нарушил правила дорож-

ного движения. Вот протокол с твоей подписью. У меня такие сообщения на наших соотечественников уже в печёнках. Коротко расскажи, у меня нет времени.

– Рожала жена Боголюбова. Сам он был в командировке в Дрездене. Надо было успеть в госпиталь. Всё.

– Ладно, я всё знаю от вашей секретарши. Если в течение ближайшего времени на тебя не поступит какое-либо заявление от пострадавших, считай, что тебе повезло. Сейчас мы не чикаемся с нашими разгильдяями, за серьёзные нарушения сразу откомандировываем домой. Я обязан был провести с тобой беседу. Всё, иди. Кстати, что у тебя там с твоим директором Моловым, какие-то проблемы? Говорят, что ты его обижаешь, грубишь, самовольничаешь, засветился в неслужебных связях.

– У меня другая точка зрения. Но если он уже доложил вам, значит, вам и решать, кому верить. Я ему мешаю в некоторых делах, и он решил убрать меня, – сказал я.

– Плохо, Жуков. С людьми надо уметь ладить, особенно с начальством, – спокойно и с сожалением сказал Щенков, глядя в окно.

– С моим шефом ладить у меня не получается. У нас с ним разные точки зрения на жизнь. То, что он мне предлагает, это криминал, – пытался я приоткрыть завесу моих отношений с шефом.

– Не надо мне ничего рассказывать. Точки зрения на жизнь могут быть разными. Главное, чтобы правильно пони-

мали дело. Молов говорит, что у тебя много злоупотреблений и амбиций. Даже если половина из того, что он говорит, правда, он вправе инициировать досрочно откомандировать тебя. Всё, не хочу больше вникать в вашу грязь. Кому надо, разберутся. Сейчас как будто все сошли с ума. Тянут всё подряд, как будто завтра конец света, – пессимистическим тоном закончил заместитель торгпреда.

Глава 17. Разрыв с советским партайгеноссе

Утром следующего понедельника, собираясь в командировку по текстильным предприятиям, я зашёл в секретарскую к Вере, и она закрыла за мной дверь.

– Коля, шеф накатал на тебя телегу на завод, в Москву в «Техстанкоэкспорт», нашему торгпреду и секретарю парткома Коновалову. Я печатала эти документы. Смысл такой, как будто ты многократно встречался с какими-то представителями западных спецслужб на западной границе, нелестно отзываешься о Горбачёве, ворует детали со склада, скандалишь со всеми и всякое такое.

– Ты-то, надеюсь, своему шефу веришь?

– Ты что, я бы тебе о письме не говорила.

– Спасибо, Вера, ты будешь моей сообщницей в шпионском заговоре.

– Да я с тобой хоть на Крайний Север, – сказала и покраснела Вера.

– Только ты шефу этого не говори, иначе карьере твоей конец. Вот возьми, тебе на память обо мне. – Я передал ей свою старенькую четырёхцветную авторучку, которую купил ещё в Новосибирске.

– Да у меня такая есть.

– Такой у тебя нет, Вера, она особенная: у неё только в

одном стержне немного красных чернил, остальные пустые. Кроме того, её держал в руках доблестный американский разведчик, мой собеседник, и даже разбирал её. Может, когда-нибудь этой ручкой ты подпишешь шефу честный приговор, – пошутил я.

– Да он скоро сам отсюда слиняет. Ему готовят новое место, кажется, в Венгрии. Это мне Алла Мушкина сказала, которую ты недавно возил в Лейпциг на переговоры, – сказала Вера.

– А мне она за три совместно проведённых дня в командировке ничего не сказала. Спасибо тебе, Вера. Надеюсь, для шефа это будет повышением? Вера, ты добрая, симпатичная девушка, дай Бог тебе хорошего жениха. – И я чмокнул её в щёчку и пошёл к двери.

– Коля, только ты меня не подведи – я тебе ничего не говорила.

– Я друзей не продаю, их у меня и так мало. Сейчас уезжаю в командировку на пять дней, а там по твоей просьбе всё забуду.

– Спасибо, Коля, я была уверена, что у тебя плохая память, – в тон мне ответила Вера.

На этой же неделе в пятницу вечером, когда я отчитывался за командировку в бухгалтерии торгпредства, мне сказали, чтобы я срочно зашёл к секретарю партийной организации Коновалову Александру Петровичу.

Дверь в его кабинет была полуоткрыта. Идеал коммуни-

стов сидел как расплывшаяся жирная жаба. Маленький, толстый, с большой головой, в больших роговых очках, с выпученными бесцветными глазами. У него сидел кадровик Перов Владимир Алексеевич, полная противоположность секретарю парткома: коротко стрижен, строен, молодцеват, с нервным тиком под правым глазом. В прошлом году мы с ним в одно время попали в советский военный госпиталь. Он – с гипертоническим кризом, а я – с язвенной болезнью желудка. Как-то в коридоре мы с ним пообщались. Оказывается, он тоже писал стихи, приглашал на предстоящие читки. Для меня это характеризовало человека. Хотя на Молове, тоже писавшем стихи, моя скромная система наблюдений дала сбой.

– Здравствуйте, – сказал я, войдя в кабинет. – Вызывали?

– Ну, вот смотри, как он себя ведёт. Полное невежество, – не ответив мне на приветствие, сказал партайгеноссе, глядя на кадровика Перова.

– Простите, я что-то не так сделал? Как я себя должен вести, просветите деревенщину, – попросил я.

– Ты должен был постучать в дверь и сказать: «Разрешите войти?» – поучительно сказал Коновалов.

– Но ведь дверь была открыта, поэтому я вошёл.

– Дверь открытая, потому что душно, а не потому, что все должны входить без разрешения.

– Мне в бухгалтерии сказали, что вы меня вызываете – значит, ждёте.

Такое начало разговора меня веселило, и уже было понятно, куда ветер дует, и я чувствовал себя легко.

– Я тебе ещё раз объясняю, ты должен был спросить разрешения. А получив согласие, войти, поздороваться и спросить разрешения сесть. Затем спросить, как дела.

– А я решил сразу сказать, что кран упал.

– Какой кран? – спросил Коновалов.

– Ну, по Райкину, – не унимался я.

– Что ты умничаешь? Вот нахал. Смотри, он просто издевается, – апеллировал Коновалов к Перову.

– Да вы не нервничайте, скажите, зачем вызывали? – миролюбиво сказал я.

– Вызывают к начальнику или в суд. А я коммунист, секретарь партийной организации Торгового представительства СССР в ГДР.

– Ну да, мы с вами одного поля ягода.

– Нет, я больше не могу с ним разговаривать и нет смысла, тем более что у меня скоро заседание бюро. Я всё понял, наше мнение подтверждается. Молова надо избавить от этого недотёпы. Я дам указание партийной организации вашего «Техцентра», чтобы они провели собрание и тебя разобрали в коллективе. А мы к имеющемуся материалу добавим протокол и выпрем тебя отсюда.

– А вы уже знаете, каким будет протокол?

– Протокол будет таким, какого ты заслуживаешь.

– Хорошо, я согласен. А вы вместо меня поедете на тек-

стильные фабрики и там, при девяноста децибелах, восьмидесяти процентах влажности и сорока градусах температуры, будете обслуживать станки. — Сказав это, я понял, что говорю уже лишнее, и решил попрощаться и уйти.

За всё время разговора Перов не проронил ни слова. Я протянул ему руку, он ответил рукопожатием, сказав:

— Не надо обострять отношения. У вашего завода большие перспективы. Ты ещё поездишь.

Я посмотрел на партийного босса с мыслью подать руку и ему, но он опередил меня:

— Иди, не желаю с тобой больше разговаривать. Я бы тебя даже близко к загранице не подпустил и постараюсь это сделать.

Ну вот, последняя ниточка отношений с партайгеноссе разорвана. Чувствовал я себя до смешного грустно. И ведь напишет такую характеристику, с которой ни в рай, ни в ад не пустят. Я начинал осознавать, что это только начало не изданного мной пути, который дополнительно предоставит возможность познать разнообразие черт человеческих характеров. Впереди ещё много этапов обратного отсчёта к нулевой точке старта, от которой я отчалил лет пять назад в манящую страну под названием «Заграница».

В середине сентября поступила заявка от Герхарда Шранка на проведение короткого обучения двух новых сотрудников в Западном Берлине. Шеф меня по-прежнему не замечал, хотя все необходимые документы подписывал без за-

держки. Так же, без вопросов, подписал он предстоящий од-
нодневный выезд в Западный Берлин. «Вот бы так всегда –
без препятствий», – подумал я. При встрече с ним я был веж-
лив, но он не отвечал на мои приветствия. Может, он думал,
что я заискиваю перед ним. Я же понимал, почему это зати-
шье. Подковёрные дела быстро не делаются, но продвигают-
ся уверенно и без сбоев. Все коллеги из «Техцентра» были
со мной непривычно сдержанны – видимо, ждали развязки.
Я же делал вид, что ничего необычного не замечаю. Через
пару недель, когда я после работы подъехал к дому, тут же
возле меня остановился на «москвиче» Женя Проклов.

– Николай, надо поговорить, сядь в машину, – предложил
он. Было видно, что он волнуется.

– Слушай, Жень, я сегодня уже насиделся, давай погуля-
ем.

И мы пошли по парковой зоне.

– Николай, я тебе сразу скажу, что в понедельник будет
собрание, тебя будем обсуждать. Я не знаю, чем ты шефу
дорогу перешёл. Не надо было тебе лезть на рожон. Короче,
он на тебя сильно злой, – сказал Женька.

– Так тебе надо было спросить почему, ты же ничего не
знаешь, – съязвил я.

– Как-то неудобно об этом спрашивать, – сказал Евге-
ний. – Мне шеф прямо сказал: если я хочу работать за гра-
ницей – пару дней на обдумывание. Иначе я тоже должен ду-
мать о возвращении домой. Честно скажу, Николай, я хочу

работать здесь.

– Ну, хорошо, что честно предупредил. Говори на собрании, что хочешь, твои слова ничего не будут значить. То, что будет сказано на собрании, это уже формальность, – спокойно сказал я.

– Николай, я помню, как я приехал в Берлин. У меня были проблемы по работе, да и не только. Ты мне тогда помог. И я тогда говорил, что должен буду...

– Ничего ты мне не должен. Эта твоя личная история ни к работе, ни к нашим отношениям касательства не имеет, живи себе спокойно.

– Спасибо, Николай, у меня просто другого пути нет, – пробормотал Евгений.

– Пути всегда есть, если только ты своим объяснением не хочешь оправдаться в том, что ты уже решил. Каждый выбирает свой путь, исходя из того багажа, которым его наградили Всевышний, родители и, как ни странно, дети, которые ждут от папы плодов урожая семян, посаженных когда-то всеми учителями.

– Но тут такие обстоятельства...

– «Такие обстоятельства» в виде разных соблазнов есть всегда. Недавно, выйдя из консума, я нашёл хороший кожаный кошелёк и заглянул в него. В нём было много западных и восточных марок, аусвайс, водительское и прочие бумажки, видимо, состоятельного человека. Соблазн? Да. А человек, прежде чем сделает свой следующий шаг, должен, как в

лабиринте, найти тот шаг, который выведет его к цели, которая сделает его счастливым. Или нет. Я тебя ни в чём не хочу убеждать. Ты поступи, как хочешь. Но я боюсь, что окажусь пророком, если скажу, что каждый раз, когда ты потом будешь меня вспоминать, тебе будет стыдно перед самим собой и ты будешь плевать сам себе в душу. Такие поступки – бомба для старости. Бог тебе судья, Женя.

– Николай, извини, мне надо идти, – тихо сказал Женька.

– Будь здоров.

В этот момент я не имел к нему никаких чувств. Он был для меня как испортившаяся погода, которую ни отменить, ни поправить нельзя, только приходится учитывать её, чтобы не простудиться.

Глава 18. Какая экономическая система лучше? Обе хуже

На фирме Герхарда Шранка, куда я приехал для консультаций, хозяина ещё не было. Я вспомнил американских военных, которых сегодня на границе не оказалось. Значит, Шранк с ними никак не связан и действует исключительно в интересах своего бизнеса? Может, американцы забыли о своём предложении, и на этом мутное дело закончится? Однако я чувствовал, что продолжения следует ожидать.

На фирме меня встретил серб Станислав и сразу сказал, что после работы приглашает к себе домой в гости. Я, не задумываясь, согласился. Приятный, открытый человек, и мне даже не хотелось думать, что он может держать камень за пазухой.

Место для обучения было уже определено в дессинаторской комнате, где висели плакаты узлов станка. Там же сидели проектировщики и проборщики экспериментальных образцов тканей. В помещении было тихо, только был слышен шелест инструментов специалистов древнейшей профессии. Пришли ученики: немец Вернер, маленький и худой, с живыми умными глазами, и турок Хасан, апатичный, с маленькими, глубоко посаженными глазками, этакий сбитень с головой, откинутой назад. Оба они уже работали в качестве подмастерьев на аналогичных станках, и после опроса выяс-

нилось, что они имели неплохие знания. Это облегчило задачу. До обеда закончили теоретическую часть и после обеда закрепили практическими занятиями в цехе.

К шести вечера Станислав привёз меня на своей машине на самую южную окраину Западного Берлина. Дом его стоял у самого забора, отделяющего Западный Берлин от территории ГДР, недалеко от аэропорта Шёнефельд. С него взлетали и садились самолёты с разными флагами. Интересно, что чуть западнее (и значительно реже) по близким траекториям взлетали и садились тоже самолёты с разными флагами. Но это уже был аэродром Темпельхоф на территории Западного Берлина. Надо спросить Алексея Григоренко, как происходит управление навигацией всех этих полётов западных и восточных самолётов.

Нас встретила жена Станислава – Мирта, я бы сказал, русская женщина. Полноватая, сероглазая, курносая и смешливая, с красивыми зубами и улыбкой. Она так же, как и муж, была сербка, со схожей с мужем судьбой. Их отцы, Драган и Иосиф, будучи совсем молодыми, в тридцатых годах, видя подъем экономики в Германии, приехали на заработки и попали к отцу Герхарда Шранка. Отец Герхарда тогда был состоятельным бюргером, и приехавшие Драган и Иосиф трудились в основном на сельскохозяйственных работах. Перед самой войной, когда уже начались преследования евреев и славян, Драган и Иосиф уехали к себе на Родину, в Сербию. После войны, в 1948 году, друзья вновь вернулись к своему

прежнему хозяину Шранку, который по причине инвалидности не был призван в гитлеровскую армию и не только сохранил жизнь и свой бизнес, но и расширил его. Вернулись тогда друзья в Германию уже женатыми на своих соотечественницах и имели разнополых детей, Станислава и Мирту, которые, вырастая, будто понимали, что предназначены друг для друга. Стареющие родители Станислава и Мирты уехали на свою историческую родину, теперь уже – в социалистическую Югославию. А Станислав и Мирта поженились. С помощью молодого хозяина, Герхарда Шранка, уже тогда возглавлявшего фирму, получили вид на жительство и прижились в Германии.

Мы со Станиславом были почти ровесники. Удивительно, что моё отношение к нему было не как к какому-то чуждому иностранцу, а как к заблудшему в своём историческом пути родственному славянину, если не русскому. И если бы наши отношения могли продлиться во времени, мы с ним могли бы стать хорошими друзьями. Мы с ним легко общались на смеси немецкого, русского и сербского языков. Наши языки имели общие корни или общее звучание. Дома Станислав был прост, часто обнимал свою жену и шутил. За ужином он много спрашивал о жизни в Советском Союзе. Послевоенная пресса Западной Германии совсем мало писала о нашей реальной жизни, как и о жизни Сербии. Для этого были основания: между Востоком и Западом шла «холодная война». Советский Союз, как страна-победитель

и за счёт образования военно-политического блока стран Варшавского договора, устранял последствия войны и набирал обороты в своём развитии. Началось соревнование двух систем, кардинально отличавшихся основными принципами государственного устройства. В Советском Союзе отсутствовала частная собственность на средства производства и, следовательно, был исключён наёмный труд на частного хозяина, все люди обязаны были работать. Государство держало все функции экономического и промышленного планирования всего народного хозяйства, отдавая приоритет ключевым отраслям индустрии, обеспечивая определённый гарантированный уровень существования населения страны. Однако государственная система серьёзно опаздывала в удовлетворении возрастающего потребительского спроса. Народ практически был отлучён от выражения своих частных интересов и от создания способов самостоятельного обеспечения доходов своих семей.

Западная же система, то есть исторически общемировая система свободного рынка, существующая века, основывалась на использовании всех источников капитала, с доступным участием в бизнесе заинтересованного активного населения. Но не желавшие работать, в отличие от социалистической системы, имели законное право не работать. Но эта капиталистическая система свободного рынка не всех, желавших работать, обеспечивала работой. Таким образом, не все люди могли найти себе достойное место в жизни. Постепенно

но появлялось массовое недовольство, что вынуждало правительства западных стран развивать элементы систем социальных пособий и поддержки безработных. Конечно, рыночная система была стихийной, но более гибкой и всё-таки вынуждена была учитывать некоторые аспекты социальной практики Советского Союза. В свою очередь, советская система, которая десятилетиями не меняла подходов к учёту частных интересов граждан, теряла такие важные факторы в развитии экономики, как инициатива, интеллектуальные и организаторские способности и финансы своих граждан.

Со временем становилось очевидным, что качество жизни противоборствующих систем было не в пользу социалистической системы. По крайней мере, в массе своей. Об этом в основном и шла дискуссия у нас со Станиславом.

Мирта, тоже хорошо говорившая на немецком языке, в основном задавала вопросы о жизни, о наших домашних семейных делах на моей Родине. Она интересовалась, как и кем работают женщины и чем занимаются в свободное от работы время. Прибежавшие с улицы двое мальчиков смотрели на меня с интересом, ели молча, а если что-то говорили, то это был чистый немецкий язык. По словам Станислава, дети знали и сербский язык, но не так хорошо. Вечер был тёплым, безветренным и как бы логическим приложением к нашим дружеским отношениям, какие я встретил у моего сербского приятеля.

Я поблагодарил хозяев за вкусный ужин и вино. Стани-

слав вызвал такси и, как приглашающая сторона мероприятия, оплатил часть пути до фирмы. Остальной отрезок от фирмы до границы оплачен был мной. Такая скрупулёзность в расчётливости меня не удивляла. В ресторане жена и муж порой оплачивали ужин каждый за себя.

Поздно вечером дома меня ждал разговор с женой. Она, узнав от сотрудниц «Техцентра» вероятный исход предстоящего собрания и, как следствие, откомандирование меня с семьёй домой, была возмущена: «Жить надо уметь, как живут все нормальные люди!»

Что ж, она права: есть у меня такая чертовщинка неговорчивости и неумение приладиться к обстоятельствам. Это от деда «Чипонца». Но это, извините, судьба.

Война войной, а автомобиль «Волга» купить мне хотелось больше всего. В пятницу я позвонил Мюллеру по телефону, данному мне Александром, и подтвердил, что приеду оформлять машину. Имя Алексея Григоренко имело магическое воздействие на немецких друзей, думаю, в большей мере за его деликатность и умение быть добрым товарищем. Необходимые деньги мной были собраны, и оформлять договорились в субботу. Когда я увидел машину в первый раз, моя душа затрепетала. Каждый советский человек понял бы меня. Белого цвета, как лебедь, в блестящих молдингах, «Волга» работала как часы. Мне не верилось, что машине пять лет. Вот что значат хорошие дороги и должное обслуживание. Я едва сдерживал радость, боясь, как бы Мюллер

не передумал. Домой поеду своим ходом, радостно думал я. Мне уже было всё равно, что скоро я здесь буду персона нон грата в глазах наших чиновников. В этом ничего уже не поправишь, а ехать домой на машине, да ещё на «Волге», это выше всякой мечты. И тут во мне зашевелился червячок сомнения, который голосом шефа говорил мне о моей обычной меркантильности. Но другой голос, более лояльный моему внутреннему «я», возразил: всё нормально, мужик, куплено на свои кровные и легально. Я безжалостно растоптал сомневающуюся ползучую тварь и вернулся к дому на машине, навсегда прекратив все терзания. Дело было сделано.

Глава 19. Заседание светской инквизиции

В понедельник было пасмурно. Дождя не было видно, но, дойдя от подъезда до машины, я почувствовал на лице влажность, а по стеклу автомобиля стекали извилистые струйки. Обычное для Берлина дело – морось. Как только я зашёл в «Техцентр», Вера сразу объявила мне, что в десять часов собрание. Ожидал я этого момента, но возник он всё-таки как-то неожиданно. Кроме Евгения при разговоре вчера после работы, заранее никто меня не предупредил о собрании. Где-то внутри пробежала холодная льдинка. Надо было готовиться что-то сказать. Но непонятно, о чём будут спрашивать или говорить. На всякий случай снял со стеллажа папки с планами работ, с договорами и перепиской. Зачем? Ничего не буду делать. По ходу будет видно. Хорошо, что без женщин будет, ведь собрание партийное. Потом болтовни меньше будет. Впервые в жизни коллектив, в котором я работаю, будет меня обсуждать с намерением осудить. Но внутренне я был готов не признавать хоть в чём-то свою вину. Особенно в работе. Я чувствовал себя уверенно, хотя была какая-то неприятная внутренняя вибрация. Мне было непонятно, что же обо мне плохого могут сказать мои коллеги, и казалось, что они переживают больше меня.

В десять часов все были в сборе. Пришёл главный инже-

нер Пашка. Он был в костюме с белой рубашкой и с красным галстуком – у человека праздник. Все пытались шутить о постороннем, но было видно, что нет обычной лёгкости: экзамен для всех.

– Здравствуйте, – громко с порога сказал шеф, поглаживая сытый, через ремень переваливающийся живот. – Жуков, почему над твоим столом горят шесть лампочек?

– Лампочки по отдельности не включаются, это же люстра, – ответил я.

– Ну да, это же не из твоего кармана, – не слыша моего ответа, серьёзно и уверенно сказал шеф.

– Леон Евсеевич, свет нужен для того, чтобы вам лучше было видно всю мою подлую сущность.

– Вот, вот, я бы на этом и закончил собрание. В связи с чистосердечным признанием уволить как несоответствующим образом подготовленного для работы за границей. Ну что, товарищи, поскольку все в курсе, по какому поводу собрание, тогда сразу и начнём. Первым выступит Павел Григорьевич, главный инженер технического центра, – объявил шеф.

В эту минуту в зал вошла Лариса Каменцева, извинилась за опоздание и сразу включила во всём помещении свет со словами:

– Что это вы в темноте сидите? На улице мрак, как вечером.

На слова и действия Ларисы шеф ничего не сказал, только

дважды покашлял и объявил:

– Внимание, Лариса будет вести протокол, как опытный работник профсоюзов.

Далее начал свою речь Пашка Балин:

– Когда я ещё находился в Москве, перед выездом сюда слышал, что в Берлине завёлся какой-то неуживчивый тип. Скандальный, много умничает, якобы принципиальный. Все работники внешней торговли, особенно те, у кого есть высшее академическое образование, знают, что за границей особенная специфика отношений. Люди должны быть дипломатичными, гибкими и действовать исключительно в интересах дела. А Жуков себя ведёт так, как будто он у себя на заводе. Не умеет разговаривать с руководством, заносчив, ни в чём не советуется. Сам решает, куда поехать и с кем встретиться. У меня есть данные, что он имел несанкционированные встречи с представителями немецких спецслужб на границе с ФРГ. Чаше, чем другие коллеги, ездил в Новосибирск на завод, где производится секретная военная продукция. Оттуда привозил упаковки с какой-то документацией. Выежая из «Техцентра» якобы в командировку, увозил эти документы. Никто не проверял, что и кому он передаёт, вывозя с военного завода. И другое известно, что он несколько раз и подолгу имел встречи с американцами на пограничном пункте в Западный Берлин – чек-пойнте Чарли. О чём он там часами с американцами беседовал? Возвращался из Западного Берлина домой за полночь. Я, как главный инженер,

могу сказать, что и машину «Жигули» он разбил по безалаберности. И даже думаю, что он надеялся на свою исключительность и что ему дадут новую. У меня всё. Даже этого хватит для того, чтобы передать дело в КГБ для расследования и ходатайствовать о немедленном выдворении его из ГДР. А дома следствие и суд решат, что с ним делать за шпионскую деятельность.

– Я бы хотел ответить на сказанное главным инженером, – сказал я, одновременно удивившись, откуда информация о моих задержках при переходе через границу.

– Нет, Жуков, ты будешь говорить после всех, – сказал шеф. – Следующим выступит Калининцев Семён Георгиевич.

Сеньку было жалко. Он встал, поморщив лоб, почесал кудрявую голову, попытался улыбнуться и, глядя на шефа, начал медленно выдавливать слово за словом:

– Ну, я с Колей работаю два года...

– Ну что за панибратство, Калининцев! Ты что, забыл, где находишься и о чём надо говорить? – строго сказал шеф.

– Да ничего я не забыл. В принципе, Жуков нормальный мужик. Но какой-то он не компанейский. Столько раз по нормальному поводу предлагали посидеть, выпить, поговорить по душам. Но он почему-то избегает, ездит куда-то по вечерам, якобы к каким-то своим друзьям. Мне это непонятно. Ну, короче, тёмный он человек. А когда надо было Леону Евсеевичу помогать грузить контейнеры, он вообще увиливал. Короче, Николай Степанович, в коллективе так нель-

зя. Мы с женой предлагали организовать кружок танцев. Вы все знаете, что мы с женой были лауреатами Ленинградского конкурса по танцам среди семейных пар. Так он нас высмеял и сказал, что лучше будет петь. Я думаю, на его место давно надо нового человека. Заелся он здесь за четыре года.

«И тут Остапа понесло», как было сказано в «Двенадцати стульях», и он уже не мог остановиться... Выговорившись, Семён тяжело сел. На его висках выступили вены, и он ни на кого не смотрел.

– Виктор Дмитриевич Расторгуев – специалист по светокопировальному оборудованию. Пожалуйста, Виктор Дмитриевич, – представил следующего шеф.

– Ну, вы же знаете, Леон Евсеевич, что меня с Жуковым объединяет только гитара. Работа у нас у каждого своя. – Витя Расторгуев нравился мне своей непосредственностью, манерой и интонацией разговора коренного одессита. Он всегда показывал свой артистизм, и его манере играть и петь я откровенно завидовал. По работе у него вечно были какие-то промахи, за что на совещаниях он был мальчиком для битья. Теперь он слегка склонил голову и, покачивая рукой с авторучкой, говорил полусерьёзно, едва улыбаясь в свои богатые, почти полностью закрывающие ему рот усы. – Ну, машину он мне не давал в командировку съездить. А если даст, то потом вечно бурчит: то это ему не так, то ему масла мало в двигателе, то плохо помыта, и всё по мелочам. Всегда найдёт, к чему придраться. Жену мою на складе унижает, говорит,

что она не умеет работать с каталогом, и требует, чтобы она детали заворачивала в мазут. А у неё от этой гадости руки раздражаются. И вообще, она не для этого ехала сюда. Она библиотечный работник. Саженьцы сажали, Жуков подсчитал, посадил свои и ушёл. Это уже индивидуализм какой-то. Всё-таки в коллективе должна быть взаимопомощь. У него завышенное самомнение, это у него есть, и любит поскандальить. Короче, Жуковым я теперь недоволен. У меня всё.

– Евгений Проклов не так давно работает у нас, но у него уже есть что сказать о Жукове. Они вместе бывали в командировках, и Жуков ему кое о чём проболтался. Пожалуйста, Женя, – с долей нежности сказал Молов.

– Я, конечно, благодарен Николаю Степановичу за его помощь мне, особенно когда я входил в курс дела. Но хочу сказать, что у него здесь была любовная связь с одной немкой в Нойгерсдорфе. Я точно не знаю, но, кажется, у этой немки ребёнок от него. Он как с родным обнимался с отцом этой немки. Там ещё бывают западные немцы – родственники хозяйки отеля, где он раньше жил. Так он с ними общается как со старыми друзьями. А меня, когда разговаривает с ними, отправляет погулять. Я думаю, ему есть что скрывать. А ещё я видел вчера, как Николай Степанович подъехал к дому на новой «Волге». Я не знаю, откуда она у него.

– Ни хрена себе, – сказал Пашка. – Леон Евсеевич, у вас личная «Волга» есть?

– Нет. У меня, генерального директора, «Волги» нет. А у

рядового инженера есть. Чувствуете несоответствие? И этот человек думает, что он праведник. Вот где она, истина. Я этого не знал, спасибо, Женя. Так, у нас остался Виктор Боголюбов. Хотя нам уже всё ясно и можно время не тратить...

– Да нет, Леон Евсеевич, я хочу добавить к неполному портрету Николая Степановича. Я тут не услышал, что Жуков добрый и внимательный, всегда готов помочь. Что он порядочный и чужого не возьмёт. Что он отличный специалист – я это знаю из разных немецких откликов предприятий и внешнеторговой фирмы «Текстима». Когда я сюда приехал, завидовал ему: вот бы мне так освоиться в ГДР! Завод о нём снимал фильм. Думаю, руководители завода знают его десятки лет и отдадут себе отчёт в том, что делают. А кто из вас может похвастаться таким немецким, как у Николая? Мне стыдно за вас, мужики, что вы делаете? – обратился он к коллегам. – Со мной Леон Евсеевич тоже разговаривал, просил вспомнить плохие поступки Николая. Я сказал, что подумаю. Как видите, думать полезно. Кругом коррупция, того и гляди страна развалится. Кто на чьей стороне будет? Надо быть на стороне правды. Это на стороне своих родителей и своих детей. А то, что у Николая Степановича могла быть какая-то история с немкой, так он тогда ещё не работал в «Техцентре». Тогда давайте вспоминать всё, что у нас было с самого детства. Это его личное дело, и мы не вправе совать свой нос в его прошлую жизнь. Главный вопрос к нему может быть только один: какой закон он нарушил? Ну, кто

скажет какой? Он нормальный мужик со своими взглядами на жизнь. Да, он грешен, как все мы, рождённые во грехе, – закончил Боголюбов.

– Лариса, запиши слова Боголюбова: Жуков грешен, – сказал негромко шеф.

Я смотрел на Виктора и сожалел. Напрасно он так себя подставил. Теперь наверняка у него будут проблемы. Хотя я его понимал: иначе поступить он не мог. Общаясь с ним в течение двух лет, я удивлялся его уму, душевности, изобретательности и знаниям в электронике. В семье его – любовь и полное умиротворение. Всегда улыбчив. Он обслуживал не только поставляемую электронику, партии телевизоров, но и сложные комплексы на телестудиях. Школу он закончил с золотой медалью. Эрудированный знаток древнегреческой и римской истории и мифологии. Да и похож он на грека, со своими слегка выющимися волосами, греческим профилем и атлетическим телосложением. Позже, уже в 1992 году, я по делам находился в Москве и случайно столкнулся с Верой. Она тогда и поведала мне о том, что Виктора Боголюбова выслали из ГДР через три месяца после моего отъезда...

– Боголюбов, ну хватит. Ещё один нашёлся! Один голос «против», это не в счёт. Я думаю, надо ставить точку, – сказал директор. – Коллектив достаточно сказал, оценивая своего коллегу. Я бы мог добавить, но не хочу опускаться до разборок с ним. Жуков – это не мой уровень, чтобы пачкать свои руки. В торгпредстве у меня полная поддержка. А те-

перь пусть Жуков скажет хоть что-то в свою защиту. И заранее знаем: что бы он ни говорил, это пустое сотрясение воздуха. Протокол пойдёт по всем инстанциям, и всю оставшуюся жизнь он будет невыездным. Надо, чтобы каждый это помнил на будущее и знал своё место. Слушаем, Жуков.

– Да мне и говорить-то ничего не хочется. Вакханалия абсурда. На вас на всех надеты театральные маски, главный режиссёр – директор, а играете вы все фальшиво. Мужики, ну не противно вам? Все ваши заявления – чушь, притянутая за уши. Роль Балина понятна – защищать шефа, корпоративные и свои шкурные интересы. Вы, уважаемые руководители, нарушили баланс представительства, принятый Министерством внешней торговли, в котором сказано, что в «Техцентрах» главным инженером должен быть человек от промышленности. А вы теперь, сговорившись, всех несогласных перемелете в муку. Порядочный главный инженер мешал вам здесь, так вы всё сделали, чтобы не продлить ему работу здесь на новый срок. Все знают, что вы, директор, занимаетесь нечистоплотными делишками и все отгруженные ваши контейнеры с ворованными товарами зарегистрированы на станции Берлин-Товарный. Вы и нас всех втягиваете в грязные дела. А ваши потуги насильно сплотить коллектив мероприятиями со спиртным являются банальной пьянкой. И в них надравшийся спиртного человек никогда не покажет своей лучшей сути. Скорее всего, наоборот, из него лезет всякое дерьмо, как это не однажды было. А вам только это-

го и надо, чтобы человек обгадился и висел у вас на крючке. Сближают людей просто нормальный труд и уважительные отношения. Что касается моих коллег, они малодушные марионетки, хотят тут работать и плетут чушь. Они даже не могут поднять глаза. Мне их жаль. Виктор Боголюбов – человек чести, и он просто не мог поступить по-другому. Да только жаль, что вы же его теперь заключёте, – закончил я.

– Всё, Жуков, хватит распространять ложь и домыслы. Всем оставаться на рабочих местах и заниматься делами. Вера напечатает протокол, все подпишите, – сказал шеф.

– Я ничего подписывать не буду, – тихо сказал Боголюбов.

– А ты, между прочим, с сегодняшнего дня в командировке в Ваймаре. Вот прямо сейчас и выезжай, тебя там ждут. Можешь идти прямо сейчас, – сказал Пашка Балин.

– Я подпишу со своим особым мнением, – сказал я.

– А от подсудимого согласия и не требуется, – с издевательским смешком проговорил Пашка, – ты ещё дорости должен, чтобы что-то решать. Ты вообще скоро ту-ту. – И он изобразил кривую ухмылку и показал рукой куда-то вдаль.

Только в самом конце дня протокол был готов. Пашка собрал подписи присутствовавших на собрании и увёз конверты в торгпредскую канцелярию. Мне протокол не показали. Шефа на работе уже не было.

Перед выездом домой Вера ждала меня на первом этаже и попросила довести её до магазина Кауфхалле купить фрукты.

По дороге она рассказала, что шеф долго правил протокол. Она вытащила из сумки вчетверо сложенную бумажку, сказала:

– Коля, это я для тебя один лишний сделала, чтоб ты знал, что там написано. Подпись Боголюбова на отправленных экземплярах стоит, наверное, Балин нарисовал.

Я тут же прочитал протокол. Документ адресован торговому представителю СССР в ГДР, министру среднего машиностроения, в «Техстанкоэкспорт» и заводу «Сибтекстильмаш». Протокол написан сухим языком в стиле следственных документов. Общий вывод: скандалист, вероятный агент западных спецслужб, имел интимные связи с местными женщинами, от одной из них имеет неусыновлённого ребёнка, незаконно куплен автомобиль и т. д.

– Вот как высоко я взлетел. Интересно, по телевидению в Союзе сообщат о выявленном шпионе? – пошутил я.

– Я не знаю, Коля. Но ты, конечно, вляпался, и теперь тебя затаскают. Может, тебе не надо было скандалить с шефом. Кстати, я разговаривала с девчонками из Москвы. Они сказали, что фильм, который тут снимали весной, уже крутили по первому каналу. Там шеф тебя встречает в аэропорту, обнимает как друга и улыбается тебе.

– Ну да, мы с ним лучшие друзья. – И я попрощался с Верой.

Через пару недель меня вызвал к себе начальник отдела кадров торгпредства, показал факс из «Техстанкоэкспорта»

и сказал:

– Я знаю, что ты купил автомобиль. На право покупки машины недавно было официальное разрешение Минторга, поэтому теперь это не является нарушением. Я поговорил с заместителем торгпреда Щенковым. Он даст команду руководителю автогаража, и твою машину протехничат. По прайсу услуг надо будет заплатить. Всё-таки зима, чтобы ничего не случилось в дороге. Деньги-то на это есть?

– Немного есть, думаю, хватит. Я проверял машину, вроде всё в порядке, но подъеду в гараж, спасибо.

– И ещё. Тут написано, что тебе три дня на сборы. В бухгалтерии я сказал, что выедешь через пять дней. Сделают полный расчёт, в котором будут предусмотрены деньги на билеты семье поездом. Жене и дочке купи билеты и отправь их. Потом сам выедешь следом на машине. Сопровождать тебя до границы никто не будет, хотя было такое мнение, что надо сопровождать. Я надеюсь, ты не подведёшь, не повезёшь какие-то запрещённые вещи и не наделаешь глупостей на таможнях. Будут тщательно проверять тебя. Смотри не усугубляй своё положение. Будь во всём осторожен.

В декабре 1985 года от Берлина до Москвы всё было завалено глубоким снегом. Снег шёл не переставая. Особенно сложно было ехать ночью по Польше – всё сливалось в единую мутную пелену. Практически не было видно никаких придорожных знаков. Прямо по Пушкину: «Буря мглою небо кроет». Проехав польско-советскую таможен-

ню, где самым тщательным образом проверили мой багаж, я приткнулся к первому столбу с фонарём, около него и устроил себе парковку.

Утром было солнечно, и всё искрилось нескончаемыми бликами. Такое превращение казалось невероятным. Вчерашняя отбушевавшая буря была словно финальной музыкой последнего акта большой, начавшейся несколько лет назад романтической увертюрой оперы, переросшей в абсурдную и трагическую драму. Последние кульминационные события унесла тяжёлая, но столь необходимая снежная буря. Утренние солнечные лучи были символическими и, по ощущению, своими, домашними. Хотя до дома было ещё несколько тысяч километров. Свет этих лучей отделял меня от смутного периода, оставшегося позади за границей. Впереди открывался путь на родные просторы, долгий и успокаивающий, дающий надежду на обновление.

Глава 20. Первые приключения на родной земле

Где-то под Минском выяснилось, что бензина и денег до Москвы не хватит. Покупка автомобиля и сборы домой съели все финансовые запасы. Всегда если о чём-то очень думаешь, то это непременно тебе явится в каком-то виде, якобы во спасение. И ты, радостный, цепляешься за это, как за соломинку.

Уже за Минском, когда я проезжал какой-то небольшой городок, меня остановили трое. Женщина была с узелком. Думаю: «Ну вот, сейчас я её подвезу и что-нибудь подзаработаю».

Останавливаюсь. Женщина спрашивает:

– Одного человека подвезёте?

– Одного подвезу, садитесь рядом, сзади всё занято.

Она повернулась к мужикам, отдала узелок одному из них, и тот так быстро сел в машину, что я ничего не успел сообразить.

– Здорово, водила, – хрипловато выдавил пассажир.

От мужчины пахло запахом залежалой одежды и чем-то ещё, что стойко ощущается всегда в солдатских каптёрках и сушилках. Весь этот букет ароматов перебивался стойким запахом перегара. Хорош клиент. Вот тебе и российская действительность. Та самая, которую красиво себе рисуют

поэты и художники в своих романтических произведениях в виде образов любви и обожания, пока не встретятся с конкретным случаем падения нравов.

– Здравствуйте! В гостях у родственников были? – ответив на приветствие, спрашиваю я.

– Да не, это кореш мой с жёнкой. Мы с ним срок вместе мотали. Он на год раньше откинулся, а она, сучка, гуляла тут. Так он её почирикал пёрышком, и она теперь ползает перед ним как шёлковая, шалава. А я только сёдни с зоны. – Он снял ушанку и погладил свою налысо стриженную голову.

В голосе его, кроме жаргона, ощущалась грубость тона, которая прививается заключённым вместе с тамошней атмосферой, но не в результате напрасных усилий воспитательского процесса персонала тюрьмы, а в результате многолетнего нахождения среди тех, кто и определяет порядки, манеры и культуру поведения в исправительных учреждениях.

– А ты откуда катишь, смотрю, номера не наши? – спросил мужчина.

– Еду из Берлина, тоже там срок мотал, – пошутил я.

– Как? Да ладно, не заливай. Нашего там не посадят, – недоверчиво пробубнил он.

– Ну, конечно, пошутил. Но срок я там точно отмотал почти пять лет, – заверил я его.

– Не понять тебя, – сказал пассажир.

– Как вас звать? – спросил я.

– Да просто Колька, – ответил он.

– Да? Ну, тогда я тоже Колька. Если хотите, Николай Степанович, – заигрывая интонацией, произнёс я.

– Чё ты мне выкаешь, я ж не барин, – возмутился Колька.

– Привык так. Николай, я решил подвезти вас, потому что у меня деньги закончились и бензина километров на сто осталось, а ехать мне ещё очень далеко. Надо, чтобы вы мне оплатили, сколько сможете.

– Мужик, ты чё, я ж тебе сказал, что я только сёдни откинулся, – нервно сказал Колька, – какие у меня деньги? Я тебе не поверю, чёб ты из Берлина да без филок. Бздишь, фраер, чё я тебя грабану. Ну-ка, кажи бардачок, – нервно прорычал Колька.

События разворачивались стремительно. Он снял правую голичку армейского пошива с пальцем для курка и потянул руку к бардачку. Там у меня были только документы на машину на немецком языке. Не мог же я допустить, чтобы он с ними что-то сделал. Довольно резко тормозя с заездом на обочину, насколько позволял гололёд, я наклонился вправо и решительно открыл дверь. Что было силы, руками толкнул попутчика из машины. Он вывалился наружу наполовину. Дёрнув ручник тормоза до отказа вверх, я поднял обе ноги и, развернувшись, резко выпихнул его из машины. Пока я усаживался на место, друг мой Колька, поднимаясь, выдернул из левого рукава нож. Машина в это время стояла поперёк дороги – носом на обочине. Включая скорость, выворачиваю руль на дорогу, но из-за гололёда машина медлен-

но набирает ход. Колян, держась за открытую дверь, пытается запрыгнуть в машину. Докатившись задними колёсами до шершавой обочины, «Волга» быстро стала набирать ход. Бегущий попутчик, отборно матерясь, оторвался от ручки двери и упал на обочине. Уже на скорости я вырулил на проезжую часть и попал в колею, и машину тут же выбросило на встречную полосу. А там навстречу мчалась чёрная «Волга». Было видно, что колёса встречной машины заблокированы и, чтобы не столкнуться со мной, вывернуты влево, в сторону моей свободной полосы. Когда между машинами осталось уже несколько метров, чёрная «Волга» всё-таки выскочила на мою колею, а мою машину окончательно развернуло влево, и я слетел с трассы в глубокий кювет, воткнувшись задней частью в снег.

На поверхности было только лобовое стекло. Из глубины кювета, как через большой монитор, смотрел я на то, что происходит на дороге. Чёрная «Волга» уже стояла на левой обочине, и двое мужчин в гражданской одежде бежали ко мне. Мой пассажир Колька, видя посторонних, шёл мимо по противоположной стороне в направлении заправки, которая находилась метрах в трёхстах в сторону Москвы. Я попытался открыть дверь, но она, придавленная снегом, не открывалась. Опустив стекло, я прокричал подбежавшим мужчинам, чтоб они помогли мне открыть дверь.

– Тот мужик, идущий по той стороне, только сегодня с зоны, и он вооружён ножом, – сказал я подошедшим, – на

всякий случай имейте в виду.

– Мы из милиции, видели мы таких дистрофиков. У вас с ним что-то случилось? – спросил тот, который постарше.

Пока они глубоко в снегу оттапывали двери моей машины, я коротко рассказал, что произошло, и благодарно добавил:

– Хорошо, что вы не уехали, а то неизвестно, какое продолжение могло быть у меня с пассажиром. Хотя, если бы вы не появились у меня на пути, я бы, может, нормально вырубился.

– Ну как мы могли уехать, если как раз из-за нас это произошло.

– Да, машину выбросило из колеи потому, что я сильно газовал.

– Это просто удача, что мы едва ушли от столкновения. Мы едем из Москвы, там купили эту машину и возвращаемся домой в Сочи, где мы вместе работаем в милиции. Я – капитан Сароян, а он – майор Игнатьев. Вы сказали, что у вас проблема с бензином. В качестве моральной компенсации мы дадим вам талоны на бензин, которых вам хватит до Москвы. Только никого больше не подсаживайте, на дороге всяких типов хватает. А этого скоро подберут. Его место на зоне. Сейчас доедем до Смолевичей и позвоним коллегам. Далеко он не уйдёт.

– Может, не стоит его задерживать, ведь никто не пострадал. Да и потом, что вы ему предъявите? Нужен будет сви-

детель, а я сейчас уеду.

– Судя по вашему рассказу, у него была попытка ограбления, – сказал Игнатьев. – Ладно, мы разберёмся. Мы позволим ребятам, чтобы его нашли и провели с ним беседу. Хотя, судя по его поведению, долго на свободе он не задержится.

Капитан Сароян сходил в машину и вернулся с жезлом. Они стали останавливать грузовые машины, но все они были маломощные, и попытки не увенчались успехом. Наконец минут через сорок с запада показались две одинаковые новенькие, красные, трёхосные грузовые машины. Это были «Татры». Объяснять им ничего не пришлось. Они сразу развернулись на запад, встали одна за другой, зацепившись тросом. Я подал водителю заднего грузовика свой капроновый трос, предусмотрительно купленный ещё в Берлине, и они легко вытащили мой автомобиль на дорогу.

Я поблагодарил водителей грузовиков, и они уехали. С товарищами по несчастью мы обошли мою «Волгу» – повреждений не было!

– Обычное дело, когда залетаешь в мягкий глубокий снег, – сказал Игнатьев.

– Вас Бог послал, – сказал я, пожимая руки милиционерам.

Милиционеры дали визитки, талоны на бензин, и мы тепло расстались. Я испытывал удовлетворение от общения с людьми и того, что вся эта неожиданная история завершилась на удивление положительным результатом. Проезжая

уже далеко за заправкой, я обогнал Николая. Он шёл пешком по обочине. Мне его было жаль. Теперь у него опять могут быть неприятности. Такой же у меня брат Иван: всю жизнь вкалывал, но трижды отсидел по пустякам и исковеркал всю свою жизнь.

По Москве раньше я никогда не ездил на автомобиле. Улица, где жили мои друзья, находилась севернее района Останкино. Телевизионную вышку было видно издалека, если не находиться среди высоких зданий. Сначала я ехал по знакам в центр города. Проехав Манежную площадь, мимо Кремля направился на северо-восток, время от времени держа в поле зрения телевышку. Интуиция и опыт езды по немецким многочисленным городам и весям без карты помогли мне выехать на улицу моих друзей. Евтошкины были дома. Александр и Валентина, те самые мои берлинские друзья-связисты, которые пару месяцев назад вернулись из ГДР. Поужинав и наговорившись, я уснул и крепко спал двенадцать часов.

Ещё в Германии начали беспокоить меня сбои в сердце. С Александром мы сходили в местную клинику, где после осмотра врача мне сделали кардиограмму и выписали таблетки. Доктор сказал, что до Новосибирска доеду, только не надо нервничать и перегружаться в дороге.

Глава 21. Оправдан на самом верху

Я собрался с мыслями и отправился по столичным инстанциям с отчётом и объяснениями, что я не верблюд. Глотая таблетки, подумал: вот так порой человек из-за юношеских мечтаний получает несвойственные своему существу испытания и в результате стрессов раньше времени превращается в рухлядь.

Сначала я решил поехать в своё министерство на площади Ногина, где меня неоднократно, перед каждой командировкой, утверждала комиссия во главе с заместителем министра. В управлении внешних сношений, которое оформлял загранпаспорт и занимался формальностями по командировке, встретили меня как обычно. Зам начальника отдела Алла Владимировна, красавица с печальными оливковыми глазами, сказала, чтобы я зашёл к начальнику отдела. С Сергеем Николаевичем, который был образцом деликатности, знаком был я и раньше, но близко не общались. Слишком много специалистов промышленности проходило через этот отдел. Но, думаю, вряд ли кто возвращался из-за границы с такой историей, как моя, и она не могла не привлечь внимание руководителя отдела. Сергей Николаевич встал из-за стола и первым протянул мне руку. Про себя я отметил этот не свойственный высоким чиновникам поступок.

– Мы уже получили письмо из «Техстанкоэкспорта»

с протоколом «Техцентра» Берлина. Понятно, что они выступают единым фронтом, но нам надо знать реальную суть дела и при необходимости защищать своих людей. А то мы так растеряем всех хороших специалистов. Расскажите коротко, – попросил Сергей Николаевич.

– Когда я приехал в Германию, директор Молов там уже работал. Я делал своё дело по моим планам, которые он утверждал. Разногласий никогда не было.

– Так в чём дело? – спросил Сергей Николаевич.

– Первую пару лет директор меня не включал в состав комиссий по списанию разных товаров, некоторые из которых никто не видел в глаза. Об этом все шептались. Потом, когда отработавшие свой срок старшие специалисты уезжали, к подписанию этих актов пытались привлечь и меня. Под разными предложениями я отказывался. По документам, оприходованным бухгалтерией, числилась новая мебель. А в квартиры всех сотрудников устанавливалась старая, из немецкой комиссии. Я не участвовал в погрузках контейнеров с товарами, где была не только мебель в упаковке, но и какие-то ящики, которые шеф отправлял в Москву. Я не ездил с ним в командировки, в которых шеф любил расслабиться и требовал организовывать персональные развлечения. Неоднократно шеф давил на меня, пытался заставить менять запчасти завода, которых на складе у меня было на три миллиона марок, на товары немецких предприятий и отдавать ему. Обещал покровительство. Последний разговор

был категоричным: или я исполняю его требования, или он избавляется от меня. Если коротко, то это всё, — закончил я.

— В какие политические дела Германии вы вмешивались?

— Полный бред. Через вас должна была пройти почта на завод с каталогами на ткацкое оборудование наших конкурентов. Один из наших немецких друзей помог мне получить нужную нам техническую документацию. В частном разговоре он делился со мной информацией от своего близкого родственника, который работал с Эгоном Кренцом. Такие разговоры были несколько раз. Ход сегодняшних событий у нас в стране и в ГДР подтверждают полученную тогда информацию от этого человека. Однажды я рассказал об отношениях с этим человеком директору Молову, о чём потом пожалел.

— А что там за шпионские страсти?

— Что касается этой темы, то это всё правда. Да, я общался со всеми людьми подряд, кто ко мне обращался с какими-либо вопросами. Но кто из них был шпионом или баптистом, мне неизвестно. Государственными тайнами я не владею и не давал подписки о их неразглашении. Были со мной не совсем служебные беседы военных американцев на пограничном пункте Чек-пойнт Чарли. Намеряли, что могут помочь мне улучшить качество жизни. До каких-то провокаций дело не дошло, — закончил я.

— Смелый ответ. А правда, что у вас там ребёнок растёт?

— Отношения с девушкой были в первой командировке

пять лет назад. Ребёнок был рождён позже, когда она была замужем уже за другим мужчиной.

– Так ребёнок-то всё-таки чей? – настойчиво, но уже улыбаясь, спросил Юрий Николаевич.

– Не мой. Замуж она вышла через год после моего отъезда. Ребёнок, естественно, от её мужа. В протоколе много лишнего приписано Моловым, чего на собрании и в действительной жизни не было. У меня есть экземпляр протокола, и я его хорошо изучил.

– Откуда у вас протокол? Не принято давать такие протоколы на руки. Догадываюсь, опять женщина?

– Вы угадали – секретарша, – ответил я.

– Ну, прямо донжуан какой-то, – спокойно, без оттенка осуждения произнёс Сергей Николаевич.

– Просто секретарша порядочная девушка, хотя из их системы.

– Кстати, в их систему, то есть в «Техстанкоэкспорт» на Мосфильмовскую ехать не надо. Лишняя нервотрёпка. Они требуют, чтобы мы вас за границу больше не командировали. Дело обстоит серьёзно. Каким-то образом о вашей истории узнали в ЦК КПСС. Сегодня заблаговременно вам надо обратиться в бюро пропусков в здание ЦК на Старой площади с общегражданским паспортом, чтобы в два часа быть у кабинета. Алла Владимировна паспорт вам сейчас выдаст. Пропуск наши сотрудницы уже заказали.

Боясь опоздать к назначенному времени, на Старую пло-

щадь я приехал на час раньше, оформил пропуск и ожидал, стоя в просторном холле. Периодически посматривая на моё статическое положение, с вопросом ко мне подошёл молодой человек в штатском. Поняв от меня, в чём дело, он сказал, чтобы я поднимался на второй этаж и ожидал у кабинета.

Без двух минут два к кабинету подошёл мужчина. Я его сразу узнал. Это был Анатолий Иванович Северцев, приезжавший в ГДР с инспекцией и для переговоров с немецкими властями, с которым я имел удовольствие пообщаться. Однажды встреченный добрый человек, как некий маяк чего-то светлого в жизни, запоминается надолго. Мы поздоровались, и я вздохнул с облегчением. Довольно большой кабинет, обшитый темным лакированным деревом, располагал к тишине и покою.

– Расскажите подробно. У нас на это двадцать минут. Потом я уйду, а вы останетесь здесь и напишете всё лаконично и разборчиво на бумаге. Документ ваш будет учтён специальной комиссией при подготовке заседания Центрального комитета по борьбе с коррупцией. Ваша история имела резонанс. По линии КГБ из посольства СССР в ГДР мы получили особое мнение на документы, касающиеся вас, которые направило во все инстанции объединение «Техстанко-экспорт».

На общение с Северцевым и на написание письменного объяснения у меня ушло часа два. Воспоминание о событиях, произошедших в течение пяти лет, вновь взволновало

меня.

Когда Северцев вернулся, он принял от меня исписанные листы, отметил пропуск, и я, распрощавшись с хозяином кабинета, покинул здание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.